
АРХЕОЛОГИЯ СССР

Энеолит СССР

Ответственные редакторы тома:
В. М. МАССОН, Н. Я. МЕРПЕРТ

ИЗДАТЕЛЬСТВО • «НАУКА» • МОСКВА 1982

Археология СССР
с древнейших времен до средневековья
в 20 томах

ПАЛЕОЛИТ СССР
МЕЗОЛИТ СССР
НЕОЛИТ ЮГА СССР. НЕОЛИТ СЕВЕРА СССР
ЭНЕОЛИТ СССР
ЭПОХА БРОНЗЫ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАВКАЗА
ЭПОХА БРОНЗЫ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ
ЭПОХА БРОНЗЫ ЛЕСНОЙ ПОЛОСЫ СССР
ДРЕВНЕЙШИЕ ГОСУДАРСТВА КАВКАЗА И
СРЕДНЕЙ АЗИИ
АНТИЧНЫЕ ГОСУДАРСТВА СЕВЕРНОГО ПРИ-
ЧЕРНОМОРЬЯ
СТЕПИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР В СКИФО-
САРМАТСКОЕ ВРЕМЯ
СТЕПНАЯ ПОЛОСА АЗИАТСКОЙ ЧАСТИ СССР
В СКИФО-САРМАТСКОЕ ВРЕМЯ
РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК ЛЕСНОЙ ПОЛОСЫ
СССР
СЛАВЯНЕ И ИХ СОСЕДИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИ-
НЕ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н. Э.
* ВОСТОЧНЫЕ СЛАВЯНЕ В VI—XIII ВВ.
1982
ДРЕВНЯЯ РУСЬ. ГОРОД, ЗАМОК, СЕЛО
ДРЕВНЯЯ РУСЬ. ЗОДЧЕСТВО, КУЛЬТУРА, БЫТ
ФИННО-УГРЫ И БАЛТЫ В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ
* СТЕПИ ЕВРАЗИИ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ.
1981
КРЫМ И КАВКАЗ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
СРЕДНЯЯ АЗИЯ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

* Звездочкой отмечены вышедшие тома. Цифрой обозначен год выхода тома.

Том представляет собой первое в отечественной и мировой науке обобщающее исследование по энеолиту СССР. В нем рассматриваются яркие и самобытные раннеземледельческие культуры, возникшие на территории Средней Азии, Кавказа, Правобережной Украины и Молдавии в VI—IV тысячелетиях до н. э. Книга снабжена подробной библиографией и многочисленным иллюстративным материалом.

Авторы тома:

В. М. МАССОН
Н. Я. МЕРПЕРТ
Р. М. МУНЧАЕВ
Е. К. ЧЕРНЫШ

Введение

Постановка вопроса. Понятие «энеолит»

Определение характера эпохи, которой посвящен данный том, представляет собой важную и сложную проблему. В энциклопедических справочниках энеолит обычно определяется как переходный период от эпохи неолита к бронзовому веку либо как историко-археологический период, характеризующий конец эпохи неолита. В полном соответствии с семантикой слова этот период характеризуется как «медно-каменный век», время, когда медные орудия употреблялись наряду с каменными, причем каменные преобладали (Энеолит, БСЭ, 1957, т. 49, с. 67; Энеолит, ИЭ, 1976, т. 16, с. 132—133; *Archaeology*, 1960, p. 128—129). В качестве синонимов используются также термины «халколит» и «медный век», но понятие «энеолит» распространено в советской литературе наиболее широко.

Отношение исследователей к самому понятию различно. Так, Дж. Мелларт в одной из ранних работ, вышедших в свет до открытия Чатал-Гююка, по материалам древнеземледельческих культур Малой Азии относил к раннему халколиту комплексы с расписной керамикой и редким металлом (*Mellaart J.*, 1964, p. 5). Позднее в сводной работе, посвященной неолиту Ближнего Востока, тот же исследователь характеризует неолит как время ранних земледельцев и отмечает, что его зрелая фаза, или энеолит, в Малой Азии часто именуется ранним халколитом, но добавляет, что этот термин потерял свое значение (*Mellaart J.*, 1975, p. 9). В целом такая формулировка отражает отношение многих ученых Англии к термину, которого они стараются избегать, ограничиваясь понятиями «неолит» и «бронзовый век» (*Монгайт А. Л.*, 1973, с. 200). Аналогичным образом польские археологи не выделяют в своих классификационных схемах и в археологической периодизации энеолит как особое явление: за поздним неолитом сразу следуют культуры ранней бронзы (*Кухаренко Ю. В.*, 1969). В Северной Европе под энеолитом понимается переходный период от неолита к бронзовому веку, когда в археологических комплексах появляются первые металлические изделия, местные или привозные. А. Л. Монгайт, давая обзор западноевропейской археологии, писал: «Учитывая эту разнополосицу, а также то, что для исторической периодизации выделение эпохи энеолита не имеет принципиального значения, я рассматриваю в этой главе культуры неолитические и энеолитические совместно» (*Монгайт А. Л.*, 1973, с. 200), что также не решает существа вопроса.

Можно выделить два основных подхода к определению понятия «энеолит»; с ними, собственно, и связаны возникающие противоречия и неувязки. Первый подход можно определить как формально-семантический, когда во главу угла ставятся медные и каменные изделия и этим дело по существу ограни-

чивается. Однако следует иметь в виду, что археологическая периодизация — это не периодизация одних только орудий труда, хотя они и играют в ней важную роль как один из существенных признаков. Археологическая периодизация основана на учете изменений всего комплекса культурных явлений, паходящих соответствующее отражение в археологических материалах и в типах вещей в первую очередь. Более перспективным является подход к понятию «энеолит», который может быть назван содержательным и в разработке которого большая роль принадлежит советской исторической науке. Приведем несколько примеров. Так, Б. Б. Пиотровский в университетском курсе по археологии Закавказья рассматривает энеолит как определенный и весьма важный этап развития человеческого общества. «Энеолит, — пишет Б. Б. Пиотровский, — относится к тем стадиям первобытной культуры, когда общность хозяйственных форм создает поразительное сходство материальной культуры вплоть до мелких деталей» (*Пиотровский Б. Б.*, 1949, с. 41). В этой формулировке звучит некоторая увлеченность теорией стадийности, но общая установка на рассмотрение энеолита как периода, отражающего определенные эпохальные закономерности, достаточно показательна. В учебнике А. В. Арциховского общее определение энеолита отражает в первую очередь семантический подход, поскольку автор говорит, что в это время «появилась уже медь, но подавляющее преобладание в индустрии принадлежало еще камню», хотя далее отмечает, что знакомство с металлом, как правило, соответствует широкому распространению земледелия и скотоводства и что из энеолитических поселений наиболее типичны так называемые поселения с расписной керамикой, которые располагаются на территории от Киева до Дуная и «всюду отмечают одну и ту же ступень общественного развития» (*Арциховский А. В.*, 1954, с. 60, 61). А. В. Арциховский перечисляет пять наиболее характерных для памятников этого типа признаков: господство мотыжного земледелия; появление медных орудий при преобладании каменных и кремневых; большие обычно глинобитные дома первобытнообщинных коллективов; статуэтки родоначальниц, характерные для материнского рода; расписная керамика. В заключение А. В. Арциховский подчеркивает ту же мысль, что и Б. Б. Пиотровский: «Редкое сходство социально-экономической обстановки всюду вызывало сходные формы прикладного искусства. Впрочем, керамика сходна, но не тождественна» (*Арциховский А. В.*, 1954, с. 61). Таким образом, в перечислении признаков энеолита у А. В. Арциховского соединены признаки материальной культуры, т. е. чисто археологические, и признаки исторического порядка, связанные с формами семейно-брачных отношений. В прин-

ципе подобный подход, направленный на раскрытие содержания периода, выделяемого археологической периодизацией, наиболее перспективен.

Как особый, самостоятельный период рассматривает энеолит на сибирских материалах и М. П. Грязнов, отмечая, что в Южной Сибири он совпадает с другим важным нововведением — земледелием и скотоводством (*Gryaznov M. P.*, 1969, р. 45—46). В развитие подобного подхода в литературе было предложено стадию архаической производящей экономики на материалах Ближнего Востока и Средней Азии именовать неолитической, а время сложившихся земледельческо-скотоводческих культур, когда широко входит в употребление медь, существенно потеснившая кремь, — энеолитическим (*Массон В. М.*, 1964, с. 84; *Средняя Азия...*, 1956, с. 8—9).

Новые археологические материалы ясно показывают, насколько устарело формально-семантическое понимание энеолита, особенно после открытия медных изделий в малоазийских памятниках VIII—VII тысячелетий до н. э. — Чатал-Гуюке и Чейюнютепеси. Однако первое применение меди или даже открытие ее плавки, стимулированные успехами раннеземледельческих племен в сфере теплотехники, не привело на начальных этапах к изменениям в составе орудий труда, определяющих основные отрасли хозяйства южных племен — земледелие и скотоводство. Производительность использовавшихся в этих сферах кремневых, костяных и роговых орудий труда, как показывают экспериментальные исследования, была весьма высока и, надо полагать, определенное время удовлетворяла потребности ранних земледельческо-скотоводческих обществ (*Коробкова Г. Ф.*, *Массон В. М.*, 1978, с. 105).

Вместе с тем не приходится умалять значительную роль металла в развитии технологии и хозяйства древних обществ в целом. В этом отношении показательным выступление С. С. Березанской, направленное на отрицание роли металла в общественном прогрессе вообще. Справедливо указывая на то, что металл по техническим качествам не мог заменить камень, автор поспешно заключает, что он «практически ничего не давал для развития экономики» (*Березаньская С. С.*, 1971, с. 9). Если исходить из формально-семантического понимания терминов «энеолит» и «бронзовый век», то позицию С. С. Березанской в известной мере можно понять, но и в таком случае сами по себе хозяйственная роль и значение металлургии оказываются неоправданно припущенными. Экономический эффект новых металлических изделий в такой решающей сфере, как производительность труда, определяется четырьмя обстоятельствами. Во-первых, воспроизводство в металле традиционных типов орудий повышало их рабочую эффективность (*Семенов С. А.*, 1963; *Рындина Н. В.*, 1971, с. 7). Эксперименты с каменными и медными теслами показали, что вторые по количеству времени, затраченного на изготовление из дерева лодки-долбленки, на 25% эффективнее, не говоря уже о качестве работы. Во-вторых, пластичность меди, применение разных способов отковки и отжига рабочего лезвия позволяли получать орудия неизвестной ранее высокой эффективности, особенно при обработке дерева и кости, при доведении до конца разного рода тонких работ по этим материалам

(*Gryaznov M. P.*, 1969, р. 46). Выдающимся нововведением энеолита назвал М. П. Грязнов и рыболовный крючок (*Gryaznov M. P.*, 1969, р. 46). В-третьих, на первых порах металлические инструменты положили конец чрезмерной дифференциации форм кремневых орудий. Медный нож одной и той же формы, а иногда просто один и тот же с успехом мог использоваться при целом ряде операций, выполнявшихся различными вкладышевыми орудиями (*Семенов С. А.*, 1969, с. 14). В-четвертых, и это обстоятельство часто упускается из виду, большую роль сыграла высокая эффективность самого процесса изготовления медных изделий, особенно с внедрением литья, позволившего массовое тиражирование объектов. Повышение производительности труда в этой сфере в немалой степени должно было способствовать общему экономическому прогрессу.

Неоднократно указывалось на то обстоятельство, что ассортимент и количество медных изделий в ранних комплексах весьма невелики. Показательно, что на таких раннеземледельческих поселениях Северной Месопотамии, как Телль Сотто и Ярымтепе I, тщательно изученных советскими археологами, медные изделия представлены главным образом украшениями — бусами, колечками, пронизками (*Мерперт Н. Я.*, *Мунчаев Р. М.*, 1977, с. 156—158). В Средней Азии наряду с украшениями первые медные изделия включают иглы, так называемые пробойники, бывшие скорее всего долотами, и небольшие ножи. На раннем этапе Триполья также известны в основном украшения — бусы, пронизки, подвески, амулеты, нашивные бляшки, реже — шилья, рыболовные крючки, еще реже — крупные долота и топоры (*Рындина Н. В.*, 1971, с. 136). О сходном составе первых медных изделий говорит и М. П. Грязнов, называя в их числе иглы, булавки, сверла, небольшие ножи, миниатюрные долота (*Gryaznov M. P.*, 1969, р. 46). Однако следует иметь в виду, что в руки исследователей попадает лишь определенная выборка древних изделий, состав которой во многом обусловлен источником информации. Так, при раскопках могил это будут в первую очередь украшения; крупные металлические изделия неизменно шли в переплавку и лишь в редких случаях попадали в состав культурного слоя, обычно представляющего собой по существу бытовой мусор.

В этом отношении весьма показательным, что в том же северомесопотамском Ярымтепе I сами медные изделия единичны, тогда как кусков медной руды довольно много. Совершенно ясно, что в распоряжение археологов попадает лишь ограниченный и поэтому весьма специфичный набор медных изделий. Вместе с тем одним из косвенных показателей их широкого внедрения в хозяйство является определенная деградация кремневого инвентаря, проявляющаяся в небрежности техники расщепления, резком сокращении тщательно оформляемых ретушью изделий, в сокращении или исчезновении ряда категорий, в частности геометрических микролитов. В этом отношении показательным, что по данному признаку было высказано предположение о наличии медных изделий в хассунской культуре Месопотамии, затем получившее подтверждение в находках на Ярымтепе I и в Телль эс-Саване.

С другой стороны, вопрос о соотношении и взаимозамене каменных и медных изделий требует конкретного подхода и истолкования с учетом специфики местных условий. Так, на юге Средней Азии внедрение металлургии привело к довольно быстрому исчезновению кремневых изделий, за исключением наконечников стрел и редких вкладышей серпов. Напротив, в трипольских комплексах Северного Причерноморья кремневые и костяные орудия обильны и широко использовались на всех этапах для земляных работ, обработки дерева и шкур. Это скорее всего объясняется сложностью получения в больших количествах медной руды, поступавшей, как установили специальные исследования, из месторождения Баната на территории культуры Винча (*Рындина Н. В.*, 1971, с. 137), и богатством сырья для изготовления вкладышевых орудий — кремня, дерева, кости и рога. Показательно, что на протяжении почти всего времени существования трипольских комплексов охота в целом сохраняет большое значение, причем добывались преимущественно благородные олени (*Цалкин В. И.*, 1970, с. 211—216), из рогов которых изготовлялись в первую очередь мотыги самых разных форм.

Учитывая, что энеолит выделяется, как правило, на основании археологических материалов, его следует рассматривать как понятие археологической науки, как археологический комплекс, в котором набор типов объектов отражает культурные стереотипы и инновации, соответствующие образу жизни оставивших этот комплекс древних племен. Таким образом, можно заключить, что энеолит — не плод отвлеченных кабинетных комбинаций, не какой-то случайный переходный период, а проявление в конкретном археологическом материале реальной исторической эпохи. Вместе с тем мы имеем не абстрактный энеолит, а многочисленные археологические комплексы энеолитического типа, отражающие все богатство и многообразие реального исторического процесса, диалектическое сочетание общего и особенного. По критериям археологической периодизации под энеолитом следует понимать эпоху внедрения и широкого использования медных изделий, приводящих, как правило, к деградации кремневой индустрии, обеднению наборов каменных орудий. Энеолитические археологические комплексы, выделяемые на основании археологических критериев, соответствуют определенной эпохе в развитии древних культур, характеризуемой в первую очередь интенсивным развитием производящей экономики — земледелия и скотоводства в различных их сочетаниях — и сопутствующими новому образу жизни культурными инновациями, ярко проявившимися в новых устойчивых наборах археологических типов (плоскостонная, как правило, богато орнаментированная керамика, мелкая пластика, прочные жилища с ровным полом). Этот набор типов в сочетании с медными и деградирующими кремневыми изделиями (отсутствие геометрических микролитов как массовых серий и ряд других признаков) и характеризует археологические комплексы энеолитического типа.

Наиболее отчетливо энеолитические комплексы представлены в южной зоне, где внедрение медных орудий позволило земледельцам и скотоводам достигнуть значительных успехов в развитии производства

(*Массон В. М., Мунчаев Р. М.*, 1977). Здесь особенно ярко видно, что энеолит — это не какой-то переходный этап, а самостоятельная и важная историческая эпоха. На территории СССР могут быть отмечены три основных центра развития земледельческо-скотоводческих культур энеолитического облика: среднеазиатский, кавказский и северопричерноморский. Определенную роль сыграл энеолитический период и в зоне преимущественно скотоводческого развития производящей экономики, охватывающей примыкающие к этим центрам евразийские степи. Однако там в полной мере стремительный расцвет, нашедший отражение в определенном наборе археологических типов, приходится уже на эпоху бронзы. Поэтому рассмотрение этих энеолитических комплексов в общей системе «Археологии СССР» отнесено в том, специально посвященный палеометаллическим культурам степной зоны.

Далее на север роль энеолитического периода убывает. Внедрение медных орудий в хозяйственные системы охотников и рыболовов имело меньшее значение, чем в зоне оседлоземледельческих культур. Аналогичный сдвиг на севере происходит, но не всегда с внедрением металлургии бронзы, а то и железа. Поэтому в этой зоне комплексы, выделяемые как энеолитические, скорее являются звеном археологической систематики, чем отражением исторической эпохи. В данном отношении показателен вопрос об энеолитических памятниках Карелии. Ряд исследователей предлагал при их выделении исходить из установки Монтелиуса о том, что к эпохе металла следует относить памятники, в которых не только отмечено знакомство с металлом, но и сами металлические орудия образуют типологические ряды (*Брюсов В. Я.*, 1952). Н. Н. Гурина писала, что, несмотря на отсутствие таких типологических рядов в Карелии, следы местной плавки меди налицо, однако предлагала ограничиться термином «эпоха раннего металла», включая сюда и пору раннего железа (*Гурина Н. Н.*, 1961, с. 82). Вместе с тем, характеризуя карельские материалы, Н. Н. Гурина уже тогда выделяла группу памятников поры энеолита, на которых встречались кусочки металла, шлаки, тигли, льячки. Отличались они и типами керамики, и кремневым инвентарем. Дальнейшие исследования увеличили число таких памятников, причем медеплавильня была зафиксирована и в комплексе с типичной ямочно-гребенчатой керамикой (*Журавлев А. П.*, 1975). А. П. Журавлев, посвятивший этим памятникам специальное исследование, говорит об энеолите Карелии как об особой эпохе, охватывающей в основном III тысячелетие до н. э. вплоть до поры раннего железа. Помимо следов металлургического производства, здесь известны и сами медные изделия: пластинки, кольца, проколки, рыболовные крючки (*Журавлев А. П.*, 1977). Однако, как отмечает сам автор, внедрение меди не повлекло радикальных изменений в хозяйстве и орудиях труда — каменная индустрия сохранилась на достаточно высоком уровне (*Журавлев А. П.*, 1977, с. 13). В результате памятники Карелии, определяемые как энеолитические, не обнаруживают резких изменений в общем наборе археологических типов по сравнению с эпохой неолита. Благоприятная природная ситуация (самородная медь Заонежья) в данном случае

способствовала относительно раннему развитию металлургии, но в условиях традиционной охотничье-рыболовческой системы хозяйства не вела к существенным изменениям в образе жизни и соответственно в наборе орудий. Поэтому комплексы лесной зоны, как и зоны степных скотоводов, характеризуются в томе, посвященном бронзовому веку лесной полосы.

В настоящем томе рассматриваются энеолитические комплексы, сложившиеся в зоне южных земледельческо-скотоводческих культур, где они выделяются особенно четко. Отдельная глава посвящена общей характеристике энеолита степной зоны, тогда как детальное рассмотрение конкретных археологических комплексов (древнеямных, кемнобинских, афанасьевских и др.) будет предпринято в другом выпуске «Археологии СССР». Такое выделение энеолита ярко выражено в самих комплексах как устойчивых сочетаниях типов археологических объектов, изучаемых археологией как особой наукой, что соответствует реальному развитию древних племен и народов, материальным воплощением культуры которых они являются. Сами по себе медные изделия еще мало о чем говорят, как и специфический набор типов иных категорий, но именно их сочетание и характеризует энеолитические комплексы. При этом могут быть отмечены два основных их вида. В одном случае энеолитический период, выделяемый средствами археологии и являющийся археологическим понятием, соответствует большой исторической эпохе, в другом — энеолит — понятие, почти исключительно относящееся к сфере археологической систематики. В настоящем томе рассматриваются энеолитические комплексы первого вида, распространенные на юге СССР и отразившие важнейшую эпоху в истории племен и народов нашей страны — пору расцвета земледельческо-скотоводческих культур. Эти южные энеолитические культуры тесно связаны с древнейшими очагами земледелия и скотоводства, сформировавшимися на Ближнем Востоке. Именно эти ближневосточные связи наряду с местными предпосылками к переходу к производящим формам экономики определили качественный скачок в развитии племен юга СССР. Одновременно наблюдается и значительная зависимость от ближневосточных культурных эталонов некоторых объектов материальной культуры. В соответствии с конкретными направлениями линий взаимодействий это влияние ближневосточных эталонов в каждом из центров различно. Например, в Северном Причерноморье оно вообще проявляется лишь через посредство балканских комплексов и культур, но именно оно составляет одну из общих черт в развитии трех энеолитических центров юга СССР.

Следует иметь в виду то немаловажное обстоятельство, что изученность энеолитических комплексов юга СССР далеко не одинакова. Раньше всех, еще в конце XIX в., начато исследование памятников трипольского типа в Северном Причерноморье. Сейчас здесь выявлены сотни поселений, раскопаны десятки объектов, накоплены громадные коллекции и имеется обширная литература. Близкие по культуре, а иногда и просто идентичные им памятники распространены в Болгарии и Румынии и привлекаются для дополнительных характеристик. Поэтому энеолитическим памятникам Северного Причерноморья посвящен в данном томе наиболее значительный раздел. Хотя первые раскопки энеолитических памятников Средней Азии были произведены едва ли не одновременно с трипольскими, их систематическое и планомерное исследование развернулось лишь в 50-х годах. Занимаемая ими территория несоизмеримо мала по сравнению с Северным Причерноморьем, да и число их более ограничено. Еще более коротка история исследования энеолитических памятников Кавказа. Относимые к их числу комплексы выявлены в ходе полевых работ 60–70-х годов. Все это, естественно, сказывается и на вопросах археологической систематики. Так, если в Средней Азии четко выделяется оседлоземледельческий неолит — джейтунская культура, то в Закавказье такое членение менее ясно и по существу неолитические и энеолитические раннеземледельческие комплексы рассматриваются нерасчлененно. Менее ясна здесь и культурная группировка памятников. Степень изученности определила и подход авторов к организации предлагаемого материала. В тех случаях, когда типологические связи, позволяющие говорить о надежном выделении культур и локальных вариантов, слабо разработаны, памятники рассматриваются по территориальным группам. В других случаях использована группировка по типологическим признакам с использованием традиционной триады понятий: культурная общность, культура, локальный вариант. В ряде случаев обширность материалов как будто позволяет использовать более гибкую понятийную сетку, в большей мере учитывающую конкретно-историческую ситуацию (см., например, *Дергачев В. А.*, 1978), но в целом традиционная триада остается вполне надежным исследовательским инструментом.

Том подготовлен авторским коллективом в составе В. М. Массона (введение, часть I, гл. 6 части III с использованием материалов Е. К. Черныш, заключение), Р. М. Мунчаева (часть II), Е. К. Черныш (главы 1–7 части III, гл. 1 и 6 в соавторстве с В. М. Массоном) и Н. Я. Мерперта (часть IV).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Энеолит Средней Азии

Глава первая

**История изучения, основания периодизации,
хронологии и типологии**

Глава вторая

Памятники раннего энеолита

Глава третья

Памятники среднего энеолита

Глава четвертая

Памятники позднего энеолита

Глава пятая

**Основы хозяйства и общественный строй
энеолитических племен Средней Азии**

Глава шестая

**Идеологические представления и памятники
искусства среднеазиатских племен
эпохи энеолита**

Глава первая

История изучения, основания периодизации, хронологии и типологии

Энеолитические комплексы Средней Азии, как и соответствующие им комплексы других регионов, характеризуют определенную историческую эпоху в жизни оседлых земледельческо-скотоводческих племен, нашедшую прямое отражение в специфическом наборе объектов материальной культуры, рассматриваемых на уровне археологической науки как археологические типы.

В Средней Азии энеолитические памятники изучались еще в конце XIX в. (Комаров А. В., 1888; Джуракулов М. Д., 1964; 1966), но широкую известность получили лишь после раскопок американской экспедиции на холмах Анау и их фундаментальной публикации (Pumpelly R., 1908; Бишони Р., 1977). Несмотря на низкий методический и методологический уровень, эти материалы долгое время оставались для мировой науки основным источником по изучению энеолитических комплексов Средней Азии (Кобранов Е. А., 1927; Игина М. А., 1951). В 30-е годы ашхабадскими археологами были проведены значительные работы по выявлению новых памятников (Марущенко А. А., 1939; 1949), но раскопки их практически не производились, а материалы не были опубликованы. Решающий перелом произошел в результате развертывания работ Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ) АН Туркменской ССР (Литвинский Б. А., 1952; Массон М. Е., 19556), особенно с 1952 г., когда энеолитические комплексы исследовались специальным отрядом экспедиции под руководством Б. А. Куфтина (Куфтин Б. А., 1954; 1956). Систематическое исследование энеолитических памятников было продолжено в 1955—1963 гг. совместными усилиями ЮТАКЭ и ЛОИА АН СССР под руководством В. М. Массона (Массон В. М., 1957а; 1957б; 1957в; 1959в; 1962а; 1964а) при участии И. Н. Хлопина и В. И. Сариниди (Лисицына Г. Н., Массон В. М., Сариниди В. И., Хлопин И. Н., 1965). Материалы, полученные в ходе этих работ, опубликованы в двух томах Трудов ЮТАКЭ (т. VII, 1956; т. X, 1961), а энеолитическим комплексам специально посвящены четыре выпуска «Свода археологических источников» (Массон В. М., 1962в; Хлопин И. Н., 1963а; 1969; Сариниди В. И., 1965б). Новые материалы опубликованы также в зарубежных изданиях (Masson M. E., Masson V. M., 1957; Masson V. M., 1961; 1972; Masson V. M., Sarianidi V. I., 1972). В дальнейшем основное внимание этого коллектива было перенесено на изучение памятников эпохи бронзы, а наиболее ранние энеолитические комплексы продолжали исследоваться ашхабадскими археологами (Бердыев О. К., 1967; 1969; 1972а; 1972б; 1974; 1976).

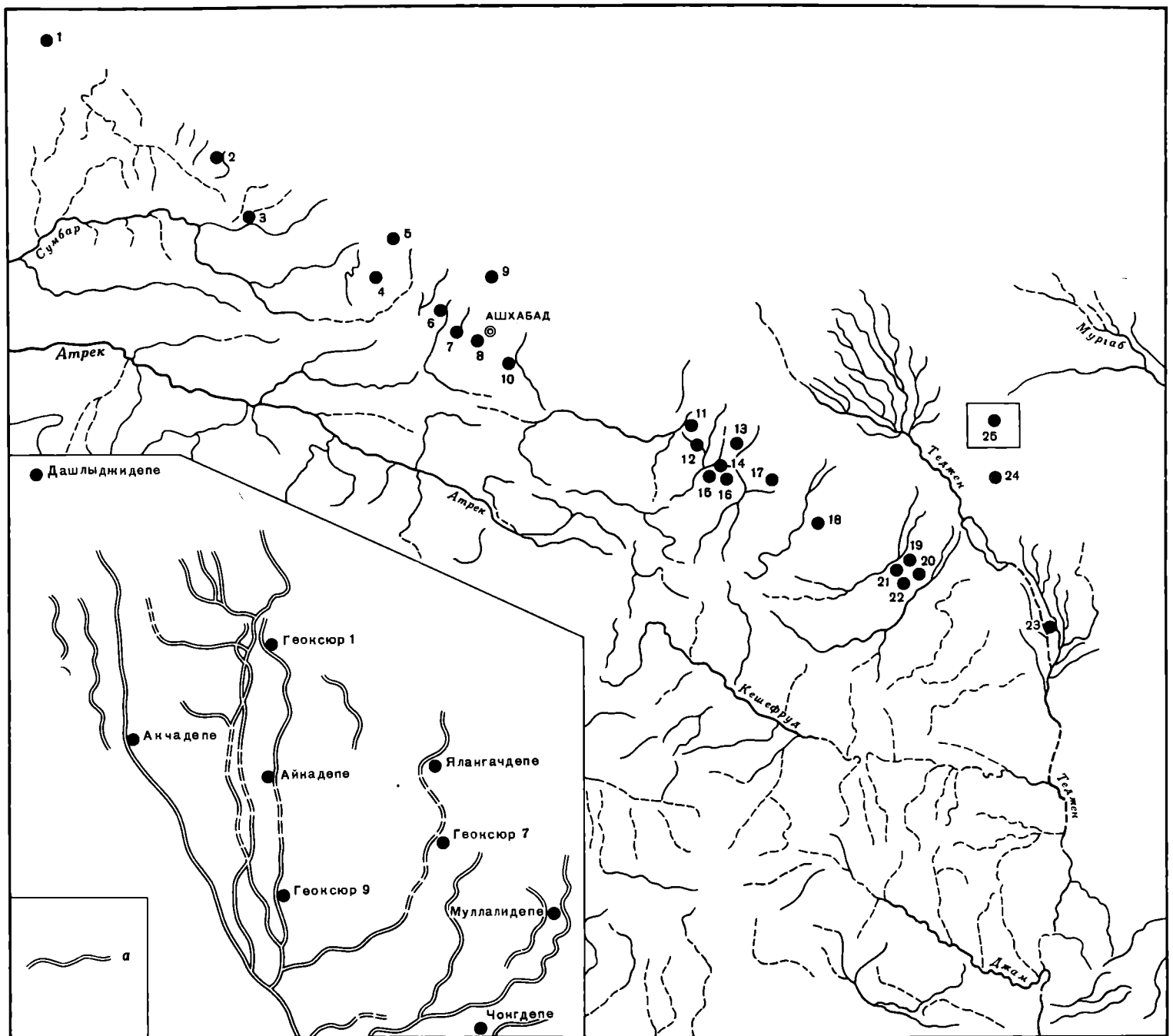
Слон Намазга II шурфовались на Елендепе (Щетенко А. Я., 1968а); энеолитические напластования в небольшом объеме раскапывались и на Алтындепе (Массон В. М., 19776).

В отличие от Южного Туркменистана, где ярко и разносторонне представлены памятники энеолита, в других районах Средней Азии выделение собственно энеолитических комплексов связано со значительными трудностями. Так, в рамках неолитической кельтеминарской культуры на поздних этапах ее развития появляются свидетельства использования ее носителями медных изделий, но комплекс в целом, и прежде всего кремневые орудия, полностью сохраняют архаический, неолитический облик. Поэтому кельтеминарский и близкие ему комплексы рассматриваются в томе «Неолит СССР» настоящего издания.

Данный том посвящен памятникам среднеазиатского энеолита, сосредоточенным на юго-западе региона, в Южном Туркменистане (карта 1). Природные условия здесь благоприятствовали развитию оседлого земледельческо-скотоводческого хозяйства и раннеземледельческой культуры. С юга область обитания энеолитических племен была ограничена Копетдагским хребтом, достигающим высоты 2800 м и понижающимся в восточном направлении, где он представляет собой невысокую горную гряду. Межгорные долины достаточно плодородны и в западной части, где осадков больше, густо покрыты растительностью. Помимо арчи, являющейся благодаря твердости и прочности прекрасным строительным материалом, здесь много плодовых и орехоплодных видов, в числе которых яблоня, груша, виноград; на плоскогорье встречаются заросли дикорастущего ячменя. В горах водится горный баран, безоаровый козел, леопард. Эти животные, судя по костным остаткам и изображениям, были хорошо известны и энеолитическим племенам. Северный склон Копетдага расчленен узкими долинами небольших горных рек и временных селевых протоков.

Вдоль Копетдага, вытянутого меридионально, простирается северная подгорная равнина, бывшая основным центром среднеазиатского энеолита. Как бы зажата между Копетдагом и южной кромкой Каракумской пустыни, эта слабо покатая равнина имеет ширину 10—20 км. Долина сложена лессами и галечниками и характеризуется сероземами и такыровидными почвами, в ряде случаев солонцеватыми. Климат резко континентальный, равнина открыта с севера доступу масс холодного воздуха. Количество осадков незначительно, и норма увлажнения низка — 250 мм, лишь в предгорьях она поднимается до 350—450 мм. Это вело к необходимости искусствен-

Карта 1. Распространение энеолитических памятников Средней Азии

1 — Чингиздепе; 2 — Беурме; 3 — Каранткитокай; 4 — Тилькиндепе; 5 — Дашлыдепе; 6 — Гавычдепе; 7 — Новая Ниса; 8 — Акдепе; 9 — Овадандепе; 10 — Анау; 11 — Карадепе; 12 — Елендепе; 13 — Яссыдепе; 14 — Гарадепе; 15 — Каушут; 16 — Намазгадепе; 17 — Серманчадепе; 18 — Улугдепе; 19 — Алтындепе; 20 — Илгынлыдепе; 21 — Монджуклыдепе; 22 — Чакмаклыдепе; 23 — Серахское поселение; 24 — Хапуздепе; 25 — Геоксюрский оазис; а — древние русла

ного орошения полей, которое производилось за счет небольших рек и ручьев. Наиболее значительные из них — Душак, Лайнсу, Арчиньянсу, Меанасай (Акмазар) и Чаачасай — имеют в долинах выраженные террасы и обширные конусы выноса. Растительность бедна, но в древности вдоль наиболее крупных водных артерий были распространены туган с такими лесными породами, как тополь, ясень, карагач, угли которых часто встречаются при раскопках

раннеземледельческих поселений. Вегетационный период значителен и длится с апреля по октябрь включительно, что позволяет при налаженном орошении получать два урожая в год. Из стадных копытных животных промысловое значение имели джейраны и куланы. Охота на них продолжалась регулярно, несмотря на развитие скотоводства.

На востоке подгорная равнина ограничивалась крупной водной артерией — р. Тедженом, веерообразная дельта которого с относительно небольшими протоками шириной 10–25 м и глубиной до 2 м была частично освоена энеолитическими земледельцами. Мургаб, вторая крупная река Южного Туркменистана, отделена от Теджена песками и пустынной степью, куда энеолитические племена проникали лишь эпизодически. В целом природные условия Южного Туркменистана благоприятствовали развитию мелкооазисного поливного земледелия.

Степень изученности энеолитических памятников Средней Азии можно оценивать с двух позиций. Во-

первых, соотношение известных памятников и поселений, реально существовавших в древности, во-вторых, степень исследованности выявленных памятников. Несмотря на то что энеолитические поселения юга Средней Азии, как правило, многослойны и их оплывшие руины образуют всхолмления многометровой высоты, соотношение выявленных памятников и древних поселений едва ли имеет высокий процент. Расположенные в зоне постоянно функционирующего орошаемого земледелия, эти памятники, особенно небольшие, подвергались и подвергаются уничтожению при планировке полей, особенно при использовании мощной землеройной техники. Небольшие памятники легко могли быть скрыты аллювиально-делювиальными отложениями, достигающими в подгорной полосе мощности 6—10 м, или погребены под культурными наслоениями более поздних периодов, особенно в условиях стабильного расположения водных источников, определяющих прочную оседлость на определенной территории от неолита до XX в. Достаточно отметить, что такие крупные энеолитические поселения, как Карадепе и Илгынылдыдепе, в настоящее время на археологической карте выглядят единичными, а аналогичное поселение Геоксюр 1, оказавшееся в полупустынной зоне, где оседлое земледелие после энеолита практически не существовало, сохранило округу из семи мелких поселков. Судя по подъемному материалу, на территории городища Новая Ниса с мощными наслоениями парфянского и раннесредневекового периодов был и раннеэнеолитический памятник, но непотревоженные слои этого времени здесь пока не обнаружены. Все это позволяет считать, что если крупные энеолитические центры численно сохранились почти полностью, то мелкие поселения уцелели лишь наполовину, а то и менее.

Второй аспект — степень изученности известных памятников. Из 27 выявленных энеолитических поселений на 19 изучение стратиграфии проведено большей частью путем шурфовки, причем на разном методическом уровне. Так, например, по опорным шурфам Намазгадепе графическая фиксация профилей шурфов практически отсутствует. Один памятник (Дашлыджидеде) был исследован полностью на уровне всех трех имевшихся в нем строительных горизонтов, на четырех (Ялангадеде, Муллалидеде, Чакмакдыдеде, Монджукдыдеде) полностью вскрыт верхний строительный горизонт. Однако все это небольшие поселения площадью не более 0,3 га. Широкое вскрытие верхних строительных горизонтов осуществлено на таких крупных поселениях, как Карадепе и Геоксюр 1, а также на четырех небольших поселениях геоксюрской группы памятников. Последняя, таким образом, исследована наиболее полно и разносторонне (Сарианиди В. И., 1960б; 1965а; Лисицына Г. Н., Массон В. М., и др., 1962; Хлопин И. Н., 1964б).

Хронология рассматриваемых памятников базируется на стратиграфических колонках, делающих особенно надежными разработку относительной хронологии и периодизацию археологических материалов. Специфической особенностью среднеазиатских и вообще ближневосточных памятников разных эпох является последовательное расположение друг над

другом глинобитных домов, представляющее почти идеальные условия для вертикального членения культурных напластований. По существу остатки одного дома с содержащимися в нем предметами материальной культуры образуют один слой или, как можно в данном случае говорить, один археологический комплекс, являющийся основной исходной единицей фиксации при раскопках. Такой строительный горизонт включает остатки одного или нескольких строений, одновременное функционирование которых нашло отражение в стратиграфическом положении между прослойками полов более раннего и более позднего строительных комплексов. Эта особенность связана с практикой разрушения верхних частей сырцовых строений после их предельного ветшания и разравнивания участка, на котором они располагались, под фундамент новых построек. Практически в среднеазиатских памятниках ранних земледельцев такой строительный горизонт в среднем имеет мощность 0,5 м. Однако не всегда в ходе производившихся раскопок, особенно в глубоких и незначительных по площади шурфах, удавалось проследить стратиграфические горизонты. В таких случаях применялась условная фиксация материала по ярусам (один ярус равен 0,5 м). Объединяя керамические находки в ярусы, исследователи, естественно, повышали элемент субъективности в фиксации материала.

История изучения стратиграфии энеолитических памятников юга Средней Азии рисует картину постепенного совершенствования принятой методики фиксации материала и выделения комплексов. Так, при раскопках Анау были выделены три комплекса, содержащих материал, трактуемый сейчас как энеолитический, — Анау IА, Анау IБ и Анау II (Schmidt H., 1908). Фиксация материала велась по высотным отметкам, причем часто в пределах очень большой (до 2 м) амплитуды. Рабочие доставляли добытые объекты находившимся вдали от раскопа исследователям. Неудивительно, что между выделенными американской экспедицией комплексами Анау II и Анау III оказался пропущенный большой период. Это, правда, характерно для уровня раскопок начала XX в. В Сузах, как показали последующие работы в области стратиграфии, между выделенными первоначально комплексами Сузы I и Сузы II лежал «незамеченный» промежуточный слой мощностью 12 м. Анауская лагуна была заполнена в ходе работ 1952 г. на Намазгадепе, проводившихся под руководством Б. А. Куфтина. Тогда были выделены комплексы Намазга I и Намазга II, соответствовавшие комплексам Анау IБ, Анау II, и комплекс Намазга III, не замеченный американской экспедицией, хотя аналогичный ему материал имелся и на северном холме Анау (Куфтин Б. А., 1954). Однако фиксация материала шурфов на Намазгадепе велась исключительно по условным ярусам. В ходе работ 1955—1963 гг. стал шире применяться учет материала по строительным горизонтам наряду с сохранением для шурфов фиксации по ярусам. Семь строительных горизонтов (Кара 1—7) были вскрыты на Карадепе, по десяти строительным горизонтам (1—10) зафиксирована стратиграфия Геоксюра 1, по строительным горизонтам (1—14) велся учет мате-

риала и на Алтындепе. Несомненно, следующей ступенью совершенствования методики и подхода к конкретному анализу археологических объектов является более детальное исследование памятника по слоям и прослойкам в пределах одного строительного горизонта.

Следует иметь в виду, что каждая отдельно взятая стратиграфическая колонка отражает прежде всего конкретную картину развития материальной культуры на данном памятнике или в данном месте памятника, если последний достаточно обширен. На сравнительно крупном поселении разрушение старых домов и постройка новых зданий, естественно, происходили не одновременно во всем поселке, а постепенно, на разных его участках и в разные сроки. Это, соответственно, сказалось на числе и чередовании строительных горизонтов, вскрываемых в шурфах и стратиграфических раскопах. Так, на Алтындепе на «холме ремесленников» слои с керамикой геоксюрского типа насчитывали пять строительных горизонтов, а на «холме вышки» — шесть, что отражает более интенсивное обживание последнего в то время; соответствующие слои оказались здесь и более мощными. Подобный учет разного характера культурных отложений, выделяемых в качестве самостоятельных горизонтов, особенно важен при сопоставлении нескольких стратиграфических колонок, в которых могут быть представлены и строительные остатки разной степени монументальности, и горизонты с мусором, и просто ямы с хозяйственными отходами. Корреляция и синхронизация отдельных колонок особенно надежны в случае обнаружения в отдельных горизонтах привозных объектов, как это имеет место в Южном Туркменистане при раскопках памятников, весьма удаленных друг от друга. Синхронизация производится и на основании общего сопоставления комплексов, прежде всего керамических, дающих для культур расписной керамики очень яркую и детальную картину (табл. I).

Абсолютная хронология энеолитических комплексов Средней Азии основывается на привязке к памятникам Ирана и Месопотамии путем сравнительно-типологического анализа и данных радиоуглеродного определения возраста органических остатков, преимущественно древесных углей. Наиболее надежной остается синхронизация комплекса Намазга III с иранскими комплексами типа Сиалк III, 4–7 и Гиссар IC–IIA, предложенная при первой публикации материалов с Намазгадепе (Массон В. М., 1956а, с. 316–320) и подтверждаемая всеми новыми данными. Поэтому для абсолютной хронологии в известной мере ключевым является вопрос о дате комплекса Сиалк IV, перекрывающего комплекс Сиалк III. Так, уже Р. Гиршман синхронизировал комплекс Сиалк IV с Джемдет-Насром (Ghirshman R., 1939, p. 83–89), что было поддержано и Д. Мак Кауном (Mc Cown D. E., 1942, p. 18; 1954). Вместе с тем отмечались аналогии материалов Сиалк IV с месопотамскими находками раннединастического периода, следующего за Джемдет-Насром (Чайлд Г., 1956, с. 295). Несомненно, аналогичные найденным в Сиалк IV цилиндрические печати стиля Джемдет-Наср встречаются и в раннединастических слоях (Массон В. М.,

1960б, с. 378). Подобная «короткая хронология» получила дальнейшее развитие в сводке Р. Дайсона по хронологии ранних памятников Ирана. Исследователь полагает, что комплекс Сиалк IV продолжал существование и в раннединастический период вплоть до начала его второго этапа (Dyson R., 1965, p. 225). По схеме Р. Дайсона, начало Сиалк IV приходится на 3000 г. до н. э., а комплекс Сиалк III, 5–7 отнесен к 3500–3000 гг. до н. э. При этом следует учитывать то обстоятельство, что месопотамские влияния при распространении на восток испытывали своего рода эффект запоздания (Массон В. М., 1963; 1964а, с. 424). Р. Дайсон, анализируя иранские материалы, также отмечает, что убейдские материалы комплекса Сиалк III, 4–5 приходятся не на убейдское время, а уже на следующий за ним раннеурукский период (Dyson R., 1965, p. 237). Видимо, подобным образом надо объяснять и появление «убейдских элементов» в мелкой пластике Южного Туркменистана (Массон В. М., 1962б; 1964б, с. 426–427; Саруаниди В. И., 1965б, с. 37), приходящееся там, если придерживаться предлагаемых туркменистано-иранских синхронизмов, уже на поздний Урук и Джемдет-Наср. Импортная керамика бесспорно южнотуркменистанских типов времени Намазга III была найдена на восточноиранском памятнике Шахри-Сохте в слое I (Lamberg-Karlovsky C. S., Tosi M., 1973; Массон В. М., 1977б, с. 185). В комплексе Шахри-Сохте I имеются также три цилиндрические печати, выполненные в стиле Джемдет-Наср, что, как мы отмечали, может в равной степени указывать и на раннединастический период. При этом показательно, что изданные материалы Шахри-Сохте I содержат фрагмент керамики, роспись на котором как бы продолжает традиции позднего Намазга II, представленного слоем типа Кара 2, а основная часть материала аналогична керамике раннего Намазга III (слой Кара 1А). Вместе с тем другие материалы памятника находят аналогии в слоях Алтын 9 и Алтын 10, представляющих поздние фазы развития посуды геоксюрского типа. Не исключено, что более детальное и послойное издание керамики Шахри-Сохте I позволит установить происхождение указанных образцов из разных стратиграфических горизонтов.

Другие среднеазиатско-иранско-месопотамские синхронизмы менее определены, и степень их надежности для заключений в области абсолютной хронологии не вполне ясна. Так, ряд элементов росписи на керамике Намазга II в монохромном исполнении находит аналогии в эламском комплексе Джови (Массон В. М., 1962в, с. 21). Параллели самого общего характера могут быть отмечены между росписью посуды раннего энеолита Южной Туркмении и хассунской керамикой (Хлопин И. Н., 1963а, с. 25). Среди последних особое место занимает керамика южноиранского памятника Тали-Иблис. Здесь в слое IV найдена посуда, получившая название алибадской полихромии, бесспорно имеющая сходство с южнотуркменистанской полихромной керамикой типа Намазга II (Caldwell J. R., 1967, p. 144–145, 182). Учитывая некоторые параллели керамики с монохромной росписью с этого памятника

ка, комплекс Иблис IV можно ориентировочно синхронизировать со слоями Кара 4—Кара 3. К сожалению, стратиграфия Тали-Иблис, частично искаженная древними мусорными отвалами, несколько аморфна. Слой Иблис V по ряду признаков синхронизируется с комплексом Сиалк IV (*Caldwell J. R.*, 1967, р. 36), который, таким образом, полностью сохраняет свое значение как решающее звено большинства синхронизаций.

Возможности радиоуглеродного метода уже достаточно широко обсуждались в литературе (*Титов В. С.*, 1965; *Долуханов П. М.*, *Тимофеев В. И.*, 1972), и, надо сказать, отмеченные при этом неувязки и противоречия наблюдаются и на энеолитических памятниках Средней Азии, хотя число полученных здесь дат пока относительно невелико (*Романова Е. Н.*, *Семенов А. А.*, *Тимофеев В. И.*, 1972). Приведем их полностью:

Дашлыджидапе, комплекс типа Намазга I — 2680 ± 90 гг. до н. э.

Тилькиндепе, комплекс типа Намазга II — 4560 ± 110 гг. до н. э.

Алтындепе, комплекс типа Ялангач, время Намазга II — 3160 ± 50 гг. до н. э.

Геоксюр 1, комплекс типа Геоксюр, время раннего Намазга III — 2860 ± 100 гг. до н. э. и 2490 ± 100 гг. до н. э.

Карадепе, комплекс типа позднего Намазга III — 2750 ± 250 гг. до н. э.

Итак, некоторые даты (что характерно и для многих других групп радиоуглеродных датировок) заведомо неверны и противоречат такому объективному археологическому показателю, как стратиграфия. Даже согласованные между собой даты (Геоксюр 1, Карадепе и ялангачский комплекс Алтына) в целом дают как бы поздний, сдвинутый вверх вариант датировок в той мере, в какой их можно сопоставлять с абсолютной хронологией комплекса Сиалк IV. Отметим, что Ж. М. Касаль первоначально, основываясь на ограниченных публикациях, был склонен сдвигать комплекс Намазга III до середины III тысячелетия до н. э. (*Casal J. M.*, 1961, р. 100, 115) и лишь после знакомства с коллекциями в Ленинграде понизил эту дату до начала III тысячелетия до н. э. (*Casal J. M.*, 1969, р. 49, 78). Если произвести пересчет южнотуркменских дат «согласованной» группы по предлагаемой сейчас коррекции (*Dales G. F.*, 1973), то соответствующими датами для Геоксура 1 будут 3410—3240 гг. до н. э., а для слоев Алтындепе с керамикой ялангачского типа — 3810 гг. до н. э. Это более отвечает современным взглядам на дату комплекса Сиалк IV. Энеолитическим комплексам юга Средней Азии стратиграфически предшествует джейтунская неолитическая культура, наиболее надежная датировка которой — VI тысячелетие до н. э. (*Массон В. М.*, 1971в, с. 70). Таким образом, ориентировочно энеолитические памятники рассматриваемого региона можно датировать от начала V до начала III тысячелетия до н. э. и считать, что они отражают картину постепенного развития культуры на протяжении двух тысячелетий.

Весьма существенным является вопрос об объединении материала в более крупные единицы исследо-

вания, чем один строительный горизонт. До последнего времени основным понятием, используемым для этого, был археологический комплекс, выделяемый на основе во многом эмпирического определения типа (стиля) расписной керамики. В качестве эталона была принята колонка Намазгадепе, где Б. А. Куфтиным выделены комплексы Намазга I, II и III. Близкие им комплексы других памятников именовались «комплексами типа Намазга I, II или III», а при наличии существенных отличий, опять-таки в расписной керамике, — «комплексами времени Намазга I, II или III» (*Массон В. М.*, 1962в, с. 6; *Хлопин И. Н.*, 1963а, с. 6—7; *Средняя Азия...*, 1966).

Этой археологической периодизации соответствовало и употребление термина «энеолит», причем комплекс Намазга I определялся как раннеэнеолитический, комплекс Намазга II — как развитоэнеолитический, а комплекс Намазга III — как позднеэнеолитический. В принципе такая периодизация, основанная на данных объективной стратиграфии, во многом сохраняет свое значение и в настоящее время, но в свете последних разработок в области процедуры археологических исследований и понятийной сетки археологической науки она нуждается в дополнительном обосновании и дальнейшей разработке. Как уже отмечалось, вопросы организации материала в первичный комплекс облегчаются самим характером памятников, где такая исходная единица, как строительный горизонт с разнообразным набором объектов материальной культуры, выделяется достаточно четко. Практически непрерывное обживание одного и того же памятника способствовало тому, что последовательное и во многом непрерывное развитие культуры в той мере, в какой оно засвидетельствовано наборами археологических типов, как правило, также весьма отчетливо. Таким образом, главный вопрос заключается в том, где провести значимую грань при объединении нескольких горизонтов в один археологический комплекс.

При рассмотрении археологической культуры как устойчивого сочетания типов объектов важное значение имеет предложение В. С. Бочкарева (*Бочкарев В. С.*, 1975) о различении культуры как сочетания типов разных категорий и фракции как сочетания типов в пределах одной категории (*Массон В. М.*, 1974а; 1976). Тип или стиль (*ware*) расписной керамики явно относится к категории фракции и одного его недостаточно для обоснования выделения археологической культуры. На юге Средней Азии качественная смена типов разных категорий происходит как раз после джейтунской культуры эпохи неолита, предшествующей энеолитическим комплексам. Видимо, начиная с этого времени с полным основанием можно говорить о существовании особой, анауской, археологической культуры, прошедшей в своем развитии несколько стадий или периодов. Различия между ними нашли особенно яркое отражение в керамических наборах, на основании которых и были эмпирически выделены комплексы Анау IA, Намазга I, II и III. На определенных этапах развития анауской культуры могут быть выделены и территориальные, или локальные, варианты. С формированием и развитием комплек-

сов эпохи бронзы типа Намазга IV, V и VI, вероятно, следует говорить о сложении новой культуры, также проходящей закономерные стадии развития, которую по наиболее изученному памятнику можно именовать культурой Алтындапе.

При разработке типологии археологических объектов среднеазиатского энеолита наибольшее значение имеют вопросы типологии керамики, украшенной росписью и наиболее чутко отражающей временные и территориальные изменения. В ходе работ по изучению энеолитических поселений в 1955—1963 гг. была предложена унификация терминологии, связанной с формами сосудов, а в «Сводах археологических источников», посвященных этим поселениям, осуществлены разработки типологии орнаментальных схем или типов композиций (Массон В. М., 1962в; Сарияниди В. И., 1965а; Хлопин И. Н., 1963а; 1969). Дальнейшие работы по типологии последних проведены Л. Б. Кирчо, предложившей использовать основой для классификации видов орнаментальных композиций законы симметрии (Кирчо Л. Б., 1976). Предлагаемый ниже опыт единой терминологии форм сосудов энеолитической эпохи и типологии орнаментальных схем осуществлен автором совместно с Л. Б. Кирчо (табл. II, III).

При выделении классов форм сосудов учитывались в первую очередь основные объемы, исключая формы подставок, ножек и поддонов. К первому классу были отнесены сосуды, форма которых в основном может быть сведена к одному конусу или одному цилиндру. В пределах этого класса выделены миски и чаши. Общим показателем пропорций мисок является отношение высоты к диаметру в пределах до 0,5. В числе форм этих пропорций выделяются группы конических, полусферических, сферических, биконических и цилиндрических мисок. Чаши или кубки определяются отношением высоты к диаметру в пределах более 0,5 и делятся на те же группы, что и миски. Ко второму классу отнесены сосуды, форма которых может быть сведена к сочетанию двух конусов или конуса и цилиндра. Это класс горшков. У сосудов этого класса отношение высоты к наибольшему диаметру составляет больше 1, а подразделяются они на те же группы, что миски и чаши. Наконец, в третий класс объединены сосуды, форма которых сочетает три элемента, например три конуса или два конуса и цилиндр. Сосуды этого класса, названные кувшинами, в энеолитических комплексах Средней Азии практически не встречаются.

При классификации композиционных схем орнамента (табл. IV) были использованы также понятия, как сетка, бордюр, двусторонний и односторонний орнамент. Бордюры имеют одну ось переноса мотива — горизонтальную, тогда как у сетки две оси — горизонтальная и вертикальная. Двусторонний орнамент — двухцветный, при соответствующем замещении закрашенных участков просветами композиция своего вида не меняет (простейший пример — «шахматная доска»). В генетическом аспекте само появление двусторонних орнаментов могло быть связано лишь с двусторонними поверхностями, например тканями, циновками и т. д., хотя, возникнув, такой орнамент мог наноситься на любые плоскости. Вопросы классификации элементов орнамента, соотно-

шения таких элементов и мотивов с композиционной схемой слабо разработаны. Их решение, безусловно, является одной из важных задач дальнейших исследований по методике анализа расписной керамики. Пока такие элементы выделяются в основном описательно и какая-либо единая система отсутствует.

Следующей категорией находок, представленных на энеолитических памятниках, являются терракотовые фигурки, воспроизводящие людей. Они делятся по основной позе — статуарному типу (Массон В. М., Сарияниди В. И., 1973, с. 9—17). Для энеолитических комплексов могут быть намечены четыре статуарных типа терракот (табл. V). Первый тип — изображения стоящих женщин с подчеркнутой стеатопигией. Он представлен двумя вариантами. В первом варианте воспроизводятся полная грудь и руки, во втором эти части тела не изображаются. Вторым статуарным типом передается пышнотелых сидящих женщин, причем здесь также наблюдаются два основных варианта: в одном изображаются руки, во втором — только груди, в которые как бы переходят плечи. Третий тип — это небольшие изящные статуэтки, воспроизводящие женщин с тонкой талией и длинными ногами в сидячей позе. Два основных варианта третьего типа также характеризуются наличием или отсутствием рук и груди, но есть и переходные формы. Наконец, статуэтки четвертого типа изображают мужчин в двух основных позах — стоящими и сидящими. Число целых фигурок ограничено, что затрудняет порой отнесение к тому или иному типу отдельных найденных головок. Все эти терракоты при некоторых вариациях в целом отличаются достаточно тщательным исполнением и проработкой деталей, предусмотренных каноническим типом. Схематические, наспех вылепленные фигурки из глины с расширяющимся коническим основанием называются антропоморфными статуэтками. В наиболее тщательном исполнении они воспроизводят человеческую фигурку с распростертыми руками (Кожин П. М., Сарияниди В. И., 1968; Массон В. М., Сарияниди В. И., 1973, с. 44).

Довольно массовой категорией находок на энеолитических памятниках являются терракотовые пряслица со сквозным отверстием, представленные двумя основными типами — полусферической формы и усеченно-конические, иногда с подкошенным основанием. Изделия с несквозным отверстием, функционально, видимо, аналогичного назначения, именуются наверхиями и имеют форму шарика, усеченного конуса разных пропорций или биконическую.

Типология поселений (табл. VI) может быть построена на абсолютных размерах площади, поскольку их план в основном аморфен, что отражает стихийный характер застройки и роста поселка. Преобладают овальные в плане поселения, есть удлиненно-овальные или представляющие собой в плане комбинацию таких овалов. По площади выделяются три типа (I—III) энеолитических поселений: от 0,1 до 2 га, от 4 до 12 и свыше 20 га.

Типология строений может быть осуществлена на основании такого их признака, как планировка, функциональное же назначение устанавливается по отделке интерьера, размерам, составу находок, на-

личию очагов. Площадь строений в какой-то мере зависит от размеров самого поселения. Так, отмечается их очень небольшая площадь на маленьком поселении Дашлыджидепе. В целом выделяются два основных типа строений — однокомнатные и многокомнатные. Последними можно считать такие, в которых основные оси и конструктивные приемы указывают на их постройку изначально именно как сложных комплексов из нескольких помещений. Однокомнатные строения делятся на два основных подтипа: прямоугольные или подквадратные и овальные или круглые в плане. В качестве одного из вариантов первых специфической отделкой интерьера и специфическими очагами-жертвенниками выделяются культовые строения (Хлопин И. Н., 1964а, с. 78—79). Многокомнатные комплексы в большинстве случаев вскрыты не полностью, что затрудняет их более детальную классификацию.

Металлические изделия (табл. VII, VIII) с энеолитических памятников в целом, если не считать невыразительных обломков, довольно немногочислен-

ны и типологизированы Е. Е. Кузьминой (Кузьмина Е. Е., 1966).

Погребения встречаются одиночные и коллективные. При общем скорченном положении погребенного ориентация и положение рук варьируют, но эти два показателя не дают устойчивых сочетаний. При анализе погребального инвентаря важно выделение так называемого стандартного набора (Алекшин В. А., 1977, с. 2), характеризующего тот средний минимум сохранившихся объектов, который типичен для определенной культурной общности.

Следующей категорией находок является каменный инвентарь. Он включает сравнительно немногочисленные кремневые пластины, наконечники стрел, а также каменные мотыги, тесла и кольца-утяжелители для палок-копалок (табл. IX).

Перейдем к более подробной характеристике энеолитических памятников Средней Азии, исходя из принятой в литературе трехчленной их периодизации и учитывая названные выше обстоятельства.

Глава вторая

Памятники раннего энеолита

По разработанной системе периодизации, в Средней Азии к периоду раннего энеолита относятся комплексы типа Анау IА и Намазга I или, по системе Р. Пампелли, Анау IБ, отражающие два последовательных этапа развития анауской культуры. Наиболее ранний из них — комплекс Анау IА — долгое время был известен только по раскопкам северного холма Анау (*Pimpelly R.*, 1908) и в соответствующем выпуске «Свода археологических источников» характеризовался лишь на основании этих весьма ограниченных материалов (*Хлопин И. Н.*, 1963а, с. 7). Однако последующие раскопки и публикации ранее полученных коллекций частично изменили это положение. Сейчас материалы типа Анау IА получили достаточно полное освещение в двух работах О. К. Бердыева (*Бердыев О. К.*, 1974; 1976).

Для комплекса Анау IА (табл. X) как устойчивого сочетания различных типов характерны: небольшие поселения первого типа, однокомнатные и многокомнатные строения из сырцового кирпича размерами 40—50×20×8—10 см, конические терракотовые пряслица, медные двулезвийные ножи и четырехгранные в сечении шилья-проколки, керамика стиля Анау IА с одноцветной темно-коричневой росписью по красному или красновато-желтому фону, полусферическая чаша как ведущая форма и использование в орнаментальной композиции преимущественно односторонних бордюров типов 5В и 6.

Стратиграфическое положение комплексов типа Анау IА определяется достаточно четко. На северном холме Анау соответствующие напластования в раскопках Р. Пампелли составляли 3,1—4,2 м, а в шурфе 1953 г. — около 3,5 м, причем в последнем, судя по опубликованному разрезу, можно выделить четыре (или пять) строительных горизонта (*Ершов С. А.*, 1956б, с. 27). Во всех случаях раскопок на северном холме Анау комплекс Анау IА был перекрыт слоями с керамикой типа Анау IБ или Намазга I. Последующие разведочные раскопки на Овадандепе, Гавычдепе и поселении у Каушута подтвердили такую стратиграфию — повсюду слои с керамикой типа Анау IА залегали непосредственно под наслоениями типа Намазга I. На поселении у Каушута мощность таких слоев составляла 3,50 м (*Бердыев О. К.*, 1972б), а на поселении Чакмакльдепе, содержащем лишь материал типа Анау IА, — 2,85 м с выделением пяти строительных горизонтов (*Бердыев О. К.*, 1968а; 1968б). На Монджукльдепе при разведочной шурфовке было пройдено 6,7 м, причем внизу оказались материалы неолитической джейтунской культуры, а верхние три метра, ориентировочно соответствующие четырем строительным горизонтам, дали комплекс типа Анау IА (*Бердыев О. К.*, 1972а; 1976, с. 38). Таким

образом, комплексы типа Анау IА стратиграфически подстилаются джейтунскими материалами и перекрываются комплексами типа Намазга I. Мощность слоев типа Анау IА колеблется от 3 до 4 м. По имеющимся материалам какие-либо изменения в материальной культуре на протяжении существования комплекса трудноуловимы; во всяком случае, стратиграфический раскоп, заложенный О. К. Бердыевым на Чакмакльдепе, не дал в этом отношении сколько-нибудь четких критериев.

Территориально памятники типа Анау IА делятся на две группы — западную и восточную, различия в материальной культуре которых довольно заметны. Для западных памятников характерна роспись темно-коричневым или черным по красному фону, для восточных основным является красновато-желтый или светлый фон. Специфическая особенность росписи керамики западных памятников проявляется в использовании в росписи мотива ромба, образованного полосами, с внутренним сетчатым заполнением и композиции, представляющей собой сетку из бордюров типа 6. В восточной группе памятников роспись представлена лишь орнаментами, развивающимися в одном направлении, — по горизонтали, т. е. бордюрами. Вместе с тем определенное единство керамических материалов этих двух групп памятников проявляется в использовании одной и той же ведущей формы (полусферической чаши), в двух одинаковых композициях (типы 5В и 6) и в одинаковых исходных элементах орнамента, основанных на фигурах с сетчатым заполнением. В целом данных для постановки вопроса о существовании в анауской культуре времени Анау IА двух локальных вариантов еще недостаточно, но территориальное деление памятников на две группы прослеживается весьма четко.

К западной группе памятников относятся северный холм Анау, Овадандепе, Гавычдепе, поселение у Каушута и поселение на 73-м км дороги Ашхабад — Бахарден. На северном холме Анау в шурфе 1953 г. слои с керамикой типа Анау IА залегали с XVIII по XII ярус, причем полы и стены некоторых пройденных шурфом сырцовых строений были окрашены в темно-красный цвет. Керамика памятника представлена в основном фрагментами полусферических чаш, как крупных, так и более мелких. Донца их в большинстве случаев плоские и лишь иногда вогнуты. В тесто добавлен мелкий песок, обжиг равномерный, черепок плотный. Сосуды покрыты красным ангобом, а иногда и залощены. Из композиций росписи особенно характерна сетка, образованная сдвоенными бордюрами типа 6, выше которой идет бордюр из соединенных вершинами небольших контурных треугольников. Встречены при раскопках и терракотовые пряслица, в основном

усеченно-конические. В слоях времени Анау IA на поселении Овадандепе, расположенном в дельтовой части ручья Карасу, расчищены остатки дома, пол и стены которого были покрыты красной краской. Материк здесь представлен перемежающимися прослойками желтоватого песка и темной илистой глины, что указывает на периодическое подтопление местности, видимо, в пору паводков. Помимо керамики с росписью по красному фону, характерной для западной группы памятников, найдены конические пряслица иногда с несложным орнаментом, сделанным палочкой. Аналогичные находки происходят и с Гавычдепе, где, правда, коллекция расписной керамики особенно разнообразна и включает чаши сферической формы. Слои с керамикой типа Анау IA там, как и в Анау, и на Овадандепе, лежат на материке. Ту же картину мы наблюдаем и на двух других памятниках западной группы — на поселении у 73-го км дороги Ашхабад — Бахарден и на поселении близ Каушута. На первом обнаружено детское погребение с восточной ориентировкой, а среди основной массы расписной керамики типа Анау IA выделено несколько черепков из тонкоотмученной глины с примесью дресвы, орнаментированных насечками. По облику и фактуре это типичная керамика прикаспийского неолита; ее присутствие на данном памятнике указывает на стык двух культурно-хозяйственных зон. Каушутское поселение, помимо расписной керамики и орнаментированных конических пряслиц, дало находки медных изделий. В их числе выделяется шило или крупная проколка с овальным в сечении рабочим краем и уплощенной рукояткой, весьма удобной для удержания в руке и, возможно, не требовавшей дополнительной обкладки из дерева или кости (Терезова Н. Н., 1975а; 1975б). Орудие отлито в открытой форме и доработано ковкой. Итак, все перечисленные поселения западной группы исследованы шурфами и, как правило, не дают четкой стратиграфии по строительным горизонтам. Тем не менее полученная на них коллекция керамики и некоторых других находок достаточно выразительна и в целом образует устойчивый комплекс.

Более обширна соответствующая информация для памятников восточной группы. В их число входят два всхолмления Монджуклыдепе (I и II), расположенные неподалеку от крупнейшего памятника ранних земледельцев Южной Туркмении — Алтындепе, и поселение Чакмаклыдепе, находящееся в нескольких километрах к юго-востоку от двух первых. На Монджуклыдепе и Чакмаклыдепе изучена стратиграфия, оба памятника полностью раскопаны на уровне верхних строительных горизонтов. Всего же мощность слоев типа Анау IA на Монджуклыдепе достигает 3 м, а на Чакмаклыдепе — 2,85 м. Однако керамический комплекс верхнего слоя последнего памятника по сравнению с керамикой верхнего слоя Монджуклыдепе производит впечатление более позднего, где традиционные орнаментальные композиции отмечены чертами небрежности и упрощенности. Вероятно, верхний горизонт Чакмаклыдепе чуть позднее комплекса, представленного верхним горизонтом Монджуклыдепе. Именно в керамике Монджуклыдепе встречаются мотивы, характерные для посуды позднего этапа джейтунской культуры,

что подчеркивал и О. К. Бердыев (Бердыев О. К., 1974, с. 37). По типологии джейтунских орнаментов (Массон В. М., 1971в, с. 55) на керамике Монджуклыдепе выделяются такие орнаменты, как «лесенка», вертикально-полосчатый, горизонтально-полосчатый, силуэтные треугольники. Г. Ф. Коробкова комплекс нижних слоев Монджуклыдепе отнесла к среднему этапу джейтунской культуры (Коробкова Г. Ф., 1969, с. 59). Все эти данные позволяют заключить, что поселение времени Анау IA появилось здесь на руинах среднеджейтунского поселка и, судя по аналогиям в росписи, существовало на протяжении поздней джейтунской эпохи. Верхний горизонт Чакмаклыдепе, не дающий таких аналогий, может быть отнесен уже к постджейтунскому времени. В этой связи кажется малоубедительным обратное заключение О. К. Бердыева о том, что Чакмаклыдепе представляет ранний этап комплекса Анау IA, а Монджуклыдепе — соответственно поздний (Бердыев О. К., 1976, с. 47—48).

Архаика Монджуклыдепе заметна уже при анализе его планировки. Приблизительно в центре древнего поселения проходила улица шириной около 2 м, разделявшая его на две половины (табл. X, 33). Однако хаотично расположенные по обеим сторонам улицы строения как бы продолжали традиции джейтунских поселений с их стихийной застройкой. Вдоль улицы стояли два подквадратных в плане дома, своими очагами, хозяйственными отсеками и суфами напоминающие однокомнатные дома джейтунского неолита (Бердыев О. К., 1972а, с. 15). Новыми деталями этого типа домов являются два внутренних выступа, делящих внутреннее пространство на две части. Дальнейшим развитием подобного типа домов стал прямоугольный удлиненный дом, также разделенный на две части внутренними выступами. Таких домов на Монджуклыдепе насчитывается пять или шесть. Судя по размерам и наличию в них очагов, это были жилые строения. Вместе с примыкающими к ним более мелкими подсобными строениями они создают впечатление формирующихся многокомнатных массивов. При раскопках Монджуклыдепе обнаружено семь скорченных погребений, частично имеющих следы посыпки охрой. Двое погребенных ориентированы головой на северо-запад, остальные — на север, северо-восток, север — северо-запад.

Керамический комплекс Монджуклыдепе, в целом не очень значительный, характеризуется в основном тонкостенными сосудами с примесью в тесте песка и поверхностью, покрытой красновато-желтым, красным или светлым ангобом, по которому темно-бурой или темно-коричневой краской нанесена роспись. Иногда встречается лощение. Преобладают полусферические чаши, есть также небольшие конические миски и горшки. Несмотря на значительный объем работ, количество керамики невелико, а целые сосуды вообще отсутствуют. Среди орнаментальных композиций ведущими являются бордюры из треугольников, расположенных «вразбежку» (тип 6), и треугольников, соединенных вершинами, с ромбовидными просветами между ними (тип 5В). В нижней части сосудов отмечена вертикально-полосчатая роспись. Характерными элементами орнамента являются треугольники, полосы и в меньшей мере — ром-

бовидные фигуры с сетчатым заполнением. В ряде случаев роспись нанесена как снаружи, так и внутри сосудов. Из терракотовых изделий отметим фигурку животного, маловыразительную часть женской статуэтки и фишку для игры с полусферическим навершием. Особенно многочисленны терракотовые пряслица, как правило, усеченно-конической формы. Среди изделий из камня, помимо весьма многочисленных терок, пестов и ступок, имеются подпятники, гиреобразные изделия и кольца, обычно определяемые как утяжелители палок-копалок. Для кремневого инвентаря характерна микролитовидность, сочетающаяся с отсутствием геометрических микролитов. Скальвание производилось с микронуклеусов, имеющих круговое очертание (Коробкова Г. Ф., 1969, с. 45). Есть кремневые сверла и скребки, но преобладают микропластины, обычно обработанные мелкой противолежащей ретушью. В качестве сырья использовались кремнь белого цвета и халцедон. На Монджуклыдепе сравнительно много медных изделий. В основном это шилья и четырехгранные орудия с заостренным концом. Найден также обломок двулезвийного ножа. Из украшений отметим обломок глиняного кольца, каменную пластинку с отверстиями для крепления или продевания ремешка и лазуритовую пластинку — едва ли не древнейшее свидетельство использования этого бадахшанского минерала, приобретшего в IV—II тысячелетиях до н. э. на Древнем Востоке особую популярность.

Поселение Чакмаклыдепе на уровне верхнего строительного горизонта также было разделено на две части центральной улицей, но расположенные по ее сторонам строения имели отчетливую тенденцию к объединению в многокомнатные массивы, связанные общими стенами, единством осей и, видимо, возводившиеся именно как многокомнатные дома. О. К. Бердыев выделяет четыре таких массива (или комплекса), а в качестве их составляющей — небольшие комнаты с угловыми очагами (Бердыев О. К., 1968а, с. 27—30). Особое положение занимает строительный комплекс, бывший центральным на поселении. Его ядро образует подквадратный в плане двухкомнатный дом, в котором пол и стены одного из продолговатых помещений были окрашены в черный цвет. В этом помещении мы видим два противолежащих выступа, подобных отмеченным в удлиненных жилых домах Монджуклыдепе. Вполне вероятно, что перед нами общинное святилище, повторяющее своей планировкой тип традиционного жилого дома. В целом же наличие многокомнатных массивов делает планировку Чакмаклыдепе более регулярной и совершенной по сравнению с Монджуклыдепе.

Производившиеся в стратиграфическом раскопе подсчеты керамики показали, что расписная посуда составляет здесь 20—25% от общего числа обнаруженных фрагментов. Ведущей формой является полусферическая чаша, а в композициях росписи преобладают те же два основных типа бордюров, что и на Монджуклыдепе. Однако роспись более упрощенная и небрежная: наряду с сетчатым заполнением треугольников относительно широко распространяется и заполнение просто параллельными линиями. Среди других керамических изделий отметим конические пряслица, иногда украшенные росписью,

фигурки животных и плоские диски с отверстием в центре. В числе каменных орудий, помимо терок, ступок и гиревидных изделий, выделяются два превосходно сделанных массивных наконечника мотыг. Найден также обломок медных шильев и сравнительно крупный медный наконечник дротика. Вместе с тем количество кремневых орудий в верхнем горизонте Чакмаклыдепе по сравнению с верхним горизонтом Монджуклыдепе весьма невелико, что может служить дополнительным указанием на его более позднюю датировку.

Происхождение достаточно яркого и бесспорно энеолитического комплекса Анау IА довольно сложно. Начиная с Д. Мак Кауна, синхронизировавшего его с Сиалком II (Mc. Cown D. E., 1942, p. 5), почти все исследователи в той или иной мере связывали его происхождение с Ираном (Хлопин И. Н., 1960а, с. 191; Сарьяниди В. И., 1967, с. 16—17; Бердыев О. К., 1968а, с. 16—17; 1976, с. 17—19; Коробкова Г. Ф., 1969, с. 48). Изучение в восточной группе ряда стратифицированных памятников, расположенных к тому же в непосредственной близости от поселения местной неолитической культуры Чагылыдепе, позволяет достаточно всесторонне рассмотреть этот вопрос. Выше уже приводились основания для того, чтобы считать комплексы типа Анау IА сосуществующими в этом районе с позднеджейтунскими памятниками. Дополнительным аргументом в пользу справедливости подобного заключения является нахождение в четвертом слое (второй снизу строительный горизонт) Чакмаклыдепе черепка типичной позднеджейтунской керамики (Бердыев О. К., 1968а, с. 17). Сопоставление отдельных составных элементов комплексов Анау IА и джейтунского позволяет наметить как определенные местные традиции, так и инновации, столь заметные в этих археологических материалах (табл. 1).

Прежде всего обращают на себя внимание явления, связанные с инновациями технологического плана. Это — применение в домостроительстве прямоугольного сырцового кирпича, введение металлургии, использование в керамическом производстве в качестве отощителя песка вместо рубленой соломы, новая кремневая индустрия, новые виды орудий труда, появление пряслиц и каменных мотыг. Поскольку в данном случае речь идет о развитии технологии, можно было бы заключить, что перед нами результат естественной эволюции местного общества, могущего, правда, использовать и уже сложившиеся технологические приемы путем прямого заимствования. Однако заметные инновации наблюдаются и в сфере культуры. Так, весьма показательна полная смена (по сравнению с джейтунским периодом) кремневой индустрии, рассматриваемой как устойчивое сочетание типов изделий, типов заготовок и типов обработки (Коробкова Г. Ф., 1975, с. 9). В комплексе Анау IА наблюдаются изменения по всем трем составляющим кремневой индустрии, что явно указывает на иную культурную традицию. О культурных инновациях свидетельствует и распространение новых композиций росписи в виде бордюров типов 5В и 6 и элементов орнамента. Показатели культурной традиционности, которые могут быть возведены к джейтунскому культурному пласту, содержат общие для многих раннеземледельческих

Таблица 1. Комплекс Анау IА. Сочетание местных традиций и инноваций

Категория объектов		Неолитические традиции	Инновации
Дома	Техника домостроительства	—	+
	Подквадратные дома	+	—
	Удлиненные дома	—	+
	Окраска интерьера	+	—
Погребения	Скорченное положение	+	—
	Посыпка охрой	+	—
	Ориентировка	+	—
Керамика	Технология	Примесь самана	Примесь песка
	Типы форм	—	+
	Орнаментальные композиции	—	+
	Элементы орнамента	25%	75%
Керамические изделия	Статуэтки людей	+	—
	Статуэтки животных	+	—
	Фишки для игры	+	—
	Пряслица	—	+
Кремневая индустрия	Типы заготовок	—	+
	Типы со вторичной обработкой	—	+
	Типы изделий	—	+
Каменные орудия	Зернотерки	+	—
	Ступки	+	—
	Ядра для пращи	+	—
Медные изделия		—	+

культур элементы (мелкая пластика, фишки для игры, ступки, терки, охра в погребениях) и признаки, более тесно связываемые с традициями джейтунской культуры как специфической археологической общности (типы домов, элементы орнаментации керамики).

Для анализа причин отмеченных нововведений немалое значение имеют данные погребений как источника, чутко реагирующего на этнические изменения и дающего материал для антропологической характеристики древнего населения. Погребальный ритуал джейтунских захоронений и погребений времени Анау IА в принципе одинаков: умершие помещались в скорченном положении на боку, тела их посыпались охрой, погребения совершались на территории поселка. Для обоих археологических комплексов показательна неустойчивая ориентировка — преимущественно головой на север, северо-восток и северо-запад, но есть и на юго-запад. Антропологический состав населения Монджукльдепе по данным погребений в известной мере напоминает картину, устанавливаемую по сочетанию в комплексе Анау IА местных традиций и сторонних инноваций. Наряду с типичными для раннеземледельческих культур Ирана и Средней Азии черепами, относимыми к вариантам восточносредиземноморского европеоидного типа (Гинзбург В. В., Трофимова Т. А., 1959; Трофимова Т. А., 1961), здесь представлен череп, обнаруживающий дравидоидные черты, свойственные населению экваториального типа Южной Индии (Трофимова Т. А., 1964, 1968; Гинзбург В. В., Трофимова Т. А., 1972, с. 44—46). Таким образом, данные антропологии говорят о возможном появле-

нии нового населения, что позволяет объяснять отмеченные выше культурные инновации переселением племенных групп, бывших, в частности, и носителями новой технологии. Элементы, восходящие к местной неолитической традиции, скорее всего отражают сложный характер процессов ассимиляции, когда, например, местное население, инкорпорированное пришельцами в систему своих родовых общин, могло сохранять культурные традиции в росписи керамики.

Остается последний вопрос — об источнике инноваций, а иными словами, — о направлении переселения племенных групп, отмечаемого по данным археологии. Имеющиеся аналогии в расписной керамике указывают на районы Северного и Центрального Ирана, где существовала местная рудная база и рано началось изготовление медных орудий. К сожалению, иранские материалы представлены в основном расписной керамикой, а сколько-нибудь подробные публикации, за исключением Сялка, отсутствуют. Действительно, некоторые орнаменты Анау IА находят прямые аналогии не только в слое Сялк II, как заметил Д. Мак Каун (*Mc. Cowp D. E.*, 1942, р. 5), но и в слое Сялк I (*Массон В. М.*, 1959а, с. 319). И. Н. Хлопин обратил внимание, что сходные мотивы имеются и на керамике поселения Шири-Шайне, расположенного неподалеку от Гиссара (*Хлопин И. Н.*, 1961, с. 165). В. И. Сариниди, отмечая возможность аналогий и на ряде других памятников близ Тегерана, предложил считать, что именно из этого района шло расселение племен в западный район памятников типа Анау IА, тогда как восточная их группа, в частности Монджукльдепе, отражает влияния Сялка и косвенно Хассуны (*Сариниди В. И.*, 1970, с. 24). К сожалению, иранские материалы сами по себе и их публикации в особенности еще недостаточны для детализированных сопоставлений. Нужно осторожнее говорить об области Центрального Ирана как центре расселения племен, принесших на юг Средней Азии целый ряд технологических и культурных инноваций. Таков генезис археологического комплекса, стоящего у истоков развития богатой энеолитической культуры ранних земледельцев и скотоводов Южного Туркменистана.

Следующий этап развития анауской культуры получил в специальной литературе наименование Анау IБ или Намазга I. Памятникам этого типа была посвящена сводная работа И. Н. Хлопина (*Хлопин И. Н.*, 1963а). Со времени ее выхода в свет количество новых данных увеличилось незначительно. Были опубликованы сведения о наличии слоев времени Намазга I на целом ряде памятников (*Бердыев О. К.*, 1972б; 1976); слои этого времени вскрыты в разведочном шурфе на поселении Алтындепе (*Массон В. М.*, 1977б).

Для комплекса Намазга I как устойчивого сочетания различных типов характерны: поселения первого и второго типов, однокомнатные и многокомнатные строения из сырцового кирпича размерами 45—48×20—24×10 см, терракотовые пряслица конической формы, обычно орнаментированные насечками, наверхия шаровидной формы, медные булавки с выделенной головкой, терракотовые статуэтки первого типа, изображающие стоящих женщин, и керами-

ка стиля Намазга I. Последняя характеризуется значительной примесью в глине самана (особенно толстостенные сосуды) и монокромной темно-коричневой росписью по красному или зеленовато-белому фону. Это крупные горшки сферической формы, в литературе иногда именуемые корчагами, чаши полусферической формы с вогнутым донцем или на невысоком поддоне, конические чаши и миски. Роспись носит преимущественно геометрический характер: силуэтный треугольник является ведущим элементом орнамента, а композиция типа 16, представляющая собой сетку, образованную такими треугольниками, — наиболее распространенной орнаментальной схемой.

Стратиграфическое положение комплекса Намазга I наиболее четко фиксируется на северном холме Анау, где комплекс типа Намазга I подстилается материалами типа Анау IA и перекрывается наслоениями с материалом типа Намазга II. Мощность культурных слоев с материалами типа Намазга I на Анау, по данным американской экспедиции, составляет 11,2—11,9 м, а по данным С. А. Ершова, — около 10 м. Комплекс типа Намазга I подстилается слоями типа Анау IA также на Каушутском поселении и Овадандепе, а перекрывается слоями типа Намазга II на целом ряде памятников (Тилькиндепе, Акдепе, Карадепе, Намазгадепе, Алтындепе, Илгылыдепе, Серахское поселение, Геоксюр 1). Мощность культурных слоев времени Намазга I достигает столь значительной величины лишь на Анау. На Карадепе, Намазгадепе и Ясыдепе она равна 7—7,5 м. На Алтындепе соответствующие напластования составляют всего 5 м, но следует учитывать, что в данном случае шурф прорезал в основном подошву холма со слоями смыва и без каких-либо строительных остатков. В Геоксюрском оазисе слои времени Намазга I составляют около 2 м и насчитывают три строительных горизонта (Геоксюр 1, Дашлыджидепе), что отражает освоение этого района лишь на поздних этапах существования комплекса типа Намазга I.

Несмотря на такую мощность культурных напластований, явно соответствующую значительному времени существования этого комплекса, его развитие и внутреннее хронологическое членение остаются практически неизученными. На материалах шурфа Карадепе было предложено выделение трех этапов. Для первого из них (XVI—XVII ярусы) характерно преобладание керамики с росписью по красному фону, для второго (XIX—XXII ярусы) — росписи по зеленовато-белому фону, а для третьего (нижние слои, соответствующие ярусам XIX—XXII) — вновь краснофоновой керамики (Массон В. М., 1960б, с. 324—326). Эта общая тенденция находит подтверждение в материалах раскопа 6 на том же памятнике, где в более раннем слое 3 намечается некоторое увеличение числа светлофоновой посуды (Хлопин И. Н., 1963а, с. 12). Ту же картину можно наблюдать и на Алтындепе, где в шурфе на раскопе 11 количество светлофоновой керамики постепенно возрастает по мере углубления (Массон В. М., 1977б, с. 177). Однако эти наблюдения общего порядка пока не могут быть подкреплены и дополнены сведениями об изменении мотивов и композиций росписи сосудов, что объясняется в первую

очередь ограниченностью материалов, происходящих из шурфов небольшой площади. Практически хорошо выделен лишь поздний этап Намазга I, чему способствовало изучение полностью раскопанного И. Н. Хлопиным поселения Дашлыджидепе, относящегося как раз к завершающим фазам развития всего комплекса (Хлопин И. Н., 1961).

В настоящее время известно около 30 памятников, содержащих материалы типа Намазга I, которые по территориальному признаку могут быть сгруппированы в три основных района — западный, центральный и восточный. Некоторые различия между районами, выделяемыми как территориальные, наблюдаются, несмотря на ограниченность имеющегося материала, и в области культуры, прежде всего в расписной керамике. По сравнению со временем существования комплекса Анау IA произведено более дробное членение района, именованного при описании памятников типа Анау IA западным, на два — западный и центральный. Это вызвано увеличением конкретного материала, позволяющим такое более дробное районирование. И. Н. Хлопин предлагает выделять в особый, четвертый, район памятники Геоксюрского оазиса (Хлопин И. Н., 1963а, с. 6), но обычно они рассматриваются как подразделение восточного района (Сарианиди В. И., 1965б, с. 5).

Западный район охватывает территорию от Кызыл-Арвата до Анау включительно. Здесь насчитывается 10 памятников со слоями Намазга I (с запада на восток): Беурме, поселение на 73-м км дороги от Ашхабада, Каранткитокай (Ганьялин А. Ф., 1953), Старая Ниса, Экиндепе (Ганьялин А. Ф., 1956б), Дашлыджидепе, Овадандепе, Гавычдепе, Акдепе и северный холм Анау. Все это мелкие памятники — поселения первой группы. Видимо, население широко освоило почти все небольшие ручьи и реки этого района, но природные ресурсы не благоприятствовали формированию крупных населенных центров. Вместе с тем здесь отмечается непрерывное развитие — та же территория практически была освоена еще неолитическими земледельцами джейтунской культуры. На большинстве названных памятников произведены лишь зачистки, разведочные шурфовки или просто собран подъемный материал.

При раскопках на северном холме Анау применявшаяся американской экспедицией методика не позволила выявить сырцовые строения в сколько-нибудь значительных масштабах. Стена одного из зданий, вскрытого шурфом С. А. Ершова, была покрыта двухцветной росписью (Ершов С. А., 1956б), причем гамма (черная и красная краски) и мотивы орнамента (шахматная сетка и треугольники) близки расписной керамике этого времени (табл. XI, 10, 11). Возможно украшенное таким образом помещение имело особое назначение, являясь небольшим святилищем. Вместе с тем показательно, что последнее располагалось не в центре поселения, а на его окраине. Известно также, что поселение Овадандепе в один из периодов своего существования было окружено глинобитным валом.

На северном холме Анау обнаружено семь детских погребений, совершенных в скорченном положении на правом или левом боку с юго-восточной или

юго-западной ориентировкой (*Warner L.*, 1908). Стандартный набор погребального инвентаря включал бусы из белого камня, возможно, частично нашивавшиеся на одежду, бусы из бирюзы и сердолика, а также две просверленные раковины. Интересны находки в двух погребениях медных и свинцовых пронизок, но каменные бусы здесь отсутствовали. Одно детское погребение содержало лишь два керамических пряслица и кремневое острие. В культурных слоях Анау найдены костяные проколки, каменные зернотерки, ступки и массивные кольца для палок-копалок.

Отличительной особенностью расписной керамики западной группы памятников И. Н. Хлопин считает (*Хлопин И. Н.*, 1963а, с. 16–17) такие композиции, как «шахматная доска» (тип 20) и ромбы, образованные пересекающимися лентами (тип 21 Б). Из элементов росписи достаточно специфичны пересекающиеся ленты (на крупных сосудах), пиловидные линии, линия с нанесенными на нее шариками («нитка бус») и подчеркивание ромбовидной композиции гребенчатыми линиями.

Материалы, характеризующие памятники типа Намазга I центрального района, более значительны. На Карадепе у Артыка слои этого времени зафиксированы в шурфе 1, в шурфах на раскопах 1, 2 и 5 и в раскопе 6, что позволяет сделать заключение о существовании здесь поселения эпохи раннего энеолита, занимавшего площадь более 10 га (*Массон В. М.*, 1960б, с. 323–326; *Хлопин И. Н.*, 1963а, с. 10–12). На раскопе 6 вскрыто несколько строений. Так, на уровне второго строительного горизонта расширена небольшая прямоугольная комната с полом, окрашенным черной краской. Пол и стены одного из углов комнаты были облицованы керамикой. Перед комнатой располагался двор, где находились крупный сосуд для хранения, врытый в пол, и две зернотерки. Ниже этого строительного горизонта на небольшом участке вскрыт еще один горизонт, где также было помещение с окрашенным полом, но на этот раз красной краской. В шурфе 1 мощность напластований с керамикой типа Намазга I составляла 7 м, но строительные горизонты ввиду небольшой площади шурфа выявлены не были. В ярусе XVI шурфа обнаружено детское погребение, совершенное в скорченном положении на левом боку, головой на юг — юго-запад. В области шейных позвонков находилось 38 бус, выточенных из красноватого известняка. В том же ярусе найдена статуэтка, изображающая стоящую женщину с подчеркнутой стеатопигией и украшенная росписью, нанесенной коричневой краской (табл. XI, 35). Вокруг шеи проведена полоса, скорее всего передающая ожерелье или повязку. От нее по спине до талии спускаются две узкие полосы или ленты. Полная грудь, переданная двумя наложениями, и покатые плечи, от которых вниз спускались руки, характеризуют этот подтип стоящих жепских скульптур, присущих Намазга I. В ярусе XIX найдена часть второй фигурки, видимо, относящейся к тому же подтипу. Стеатопигия здесь еще более подчеркнута, а на ягодицах имеются насечки.

На Намазгадепе слои Намазга I (табл. XI, 37–47) пройдены в шурфе 1 («шурф ЮТАКЭ») и в шурфе 5 («шурф в хаузе»). Строительные остатки в обоих шурфах не обнаружены (*Куфтин Б. А.*, 1954; 1956;

Массон В. М., 1956а). Судя по значительному расстоянию между этими шурфами, поселение на Намазгадепе в пору Намазга I занимало площадь не менее 10 га. В шурфе 5 найден торс женской фигурки (табл. XI, 43), относящейся, судя по пышной груди и округлым плечам со следами обломанных рук, к тому же подтипу, что и статуэтки Карадепе.

Интереснейший комплекс времени Намазга I выявлен на Яссыдепе, расположенном в 9,5 км к северу — северо-западу от сел. Каахка (*Куфтин Б. А.*, 1956; *Ершов С. А.*, 1956а; *Хлопин И. Н.*, 1963а, с. 13–14). Здесь во втором сверху строительном горизонте раскопан ряд строений. Видимо, это были жилые помещения с очагами и примыкавшие к ним хозяйственные дворы и подсобные строения. Выделяются два смежных помещения, в одном из которых располагался массивный очаг, а вдоль стен другого шла колоннада из деревянных столбов. Стены помещений были расписаны, причем геометрические мотивы (ромбы, треугольники) повторяли настенную роспись в Анау. Роспись (табл. XII, 1, 2) производилась по светлому грунту черной и красной красками, а в одном случае была применена инкрустация из белых гипсовых вставок. На одной из стен полихромная роспись нанесена в несколько слоев, что указывает на длительное использование строений. Необычайно парадный интерьер этого дома позволяет видеть в нем святилище. В известной мере это строение на Яссыдепе напоминает двухкомнатный дом времени Анау IA на поселении Чакмакльдепе с полом и стенами, окрашенными в черный цвет, который также предположительно трактуется как святилище. Возможно, одно или несколько подобных строений имелось на каждом раннеэнеолитическом поселении. Стенная роспись зафиксирована в слоях времени Намазга I при шурфовке небольшого поселения центральной группы Серманчадепе, расположенного близ станции Арман-Сагата (*Массон В. М.*, 1956б, с. 236). При раскопках Яссыдепе, помимо многочисленной расписной керамики и невыразительных обломков медных предметов, найдены: идольчик (табл. XII, 3) в виде терракотового стержня с вырезанным на его вершине человеческим лицом, терракотовые пряслица конической формы (табл. XII, 4, 5), костяные проколки, ядра для пращи из необожженной глины, каменные зернотерки, тесло и ступки. В центральной группе памятников керамика типа Намазга I обнаружена также на Карадепе и на поселении у Каушута (*Бердыев О. К.*, 1972б).

В числе особенностей росписи керамики памятников центральной группы И. Н. Хлопин отмечает наличие орнаментальной композиции типа 9, одновременное использование в одной композиции силуэтных и контурных треугольников, появление изображений животных (*Хлопин И. Н.*, 1963а). К числу последних относятся линейно-схематические, но достаточно экспрессивные фигуры козлов с большими полукруглыми рогами с Намазгадепе и найденный на Карадепе черепок (табл. XI, 33) с силуэтным изображением передней части фигуры животного, похожего на лошадь или кулана. Поскольку костные остатки лошади на памятниках Южного Туркменистана вплоть до поздней бронзы отсутствуют, речь, вероятно, должна идти именно о кулане.

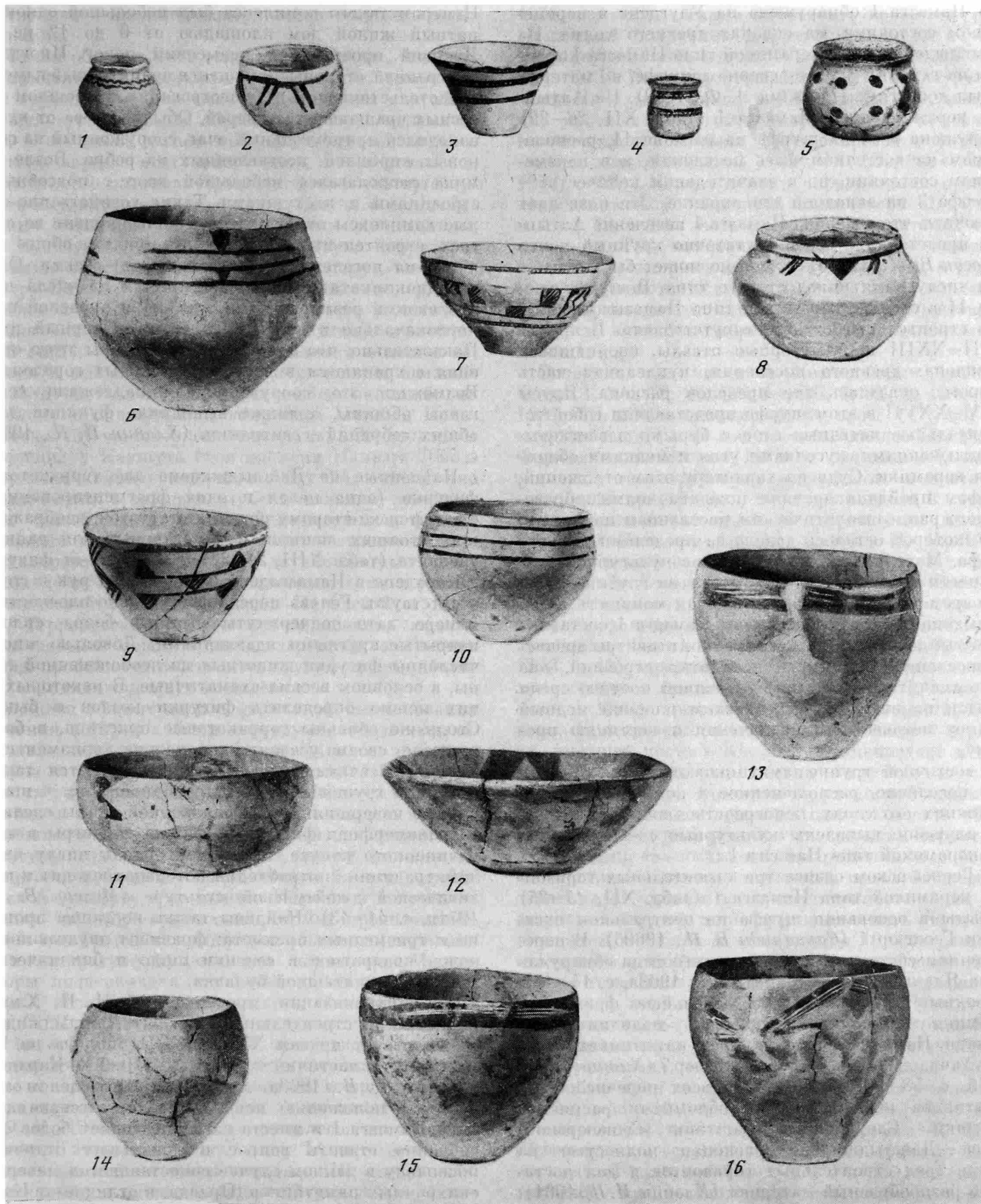

Рис. 1. Керамика Карадепе (1-5, 7-9,) Ялангачдепе (6,10) и Дашлыджидепе (11-16)
 1, 3, 6, 7 — слой Кара 3; 2, 8, 10 — слой Кара 1А; 4, 5, 9 — слой Кара 2

Среди памятников восточной группы керамика типа Намазга I обнаружена на Улугдепе в перемещенном состоянии, на склонах древнего холма. На Илгылыдепе слои с керамикой типа Намазга I пройдены на глубину 3,5 м в северном шурфе, но материк не был достигнут (*Ганялин А. Ф.*, 1959). На Алтындепе керамика типа Намазга I (табл. XII, 26–29) обнаружена в слоях шурфа на раскопе 11, расположенном на восточном фасае поселения, а в перемещенном состоянии, но в значительном количестве — в шурфе 3 на западной его окраине. Это позволяет заключить, что в период Намазга I поселение Алтындепе представляло собой достаточно крупный центр (*Массон В. М.*, 19776) и что оно может быть отнесено к числу памятников второго типа. В шурфе раскопа 11 в слоях с керамикой типа Намазга I какие-либо строительные остатки отсутствовали. В ярусах XVIII–XXIII шли мусорные отвалы, скопившиеся на склонах древнего поселения, нуклеарная часть которого оказалась вне пределов раскопа. Ярусы XXIV–XXVII в этом шурфе представляли собой горизонтальные натечные слои с бурыми известковыми включениями, кусочками угля и мелкими обломками керамики. Судя по характеру этих отложений, шурфом пройдена древняя подошва холма, образованного раннеэнеолитическим поселением на Алтындепе, которое осталось далеко за пределами данного шурфа. Материк, лишенный следов культурной деятельности человека, был достигнут на глубине 8,5 м от современной поверхности. Общая мощность культурных напластований времени Намазга I составила на Алтындепе 5 м, но, несомненно, в центре древнего поселения, где имеются остатки строений, она более значительна. Помимо глиняной посуды, среди находок из этого шурфа отметим плоский медный предмет неизвестного назначения и костяную проколку.

К восточной группе памятников относится и Серахское поселение, расположенное в пойме р. Теджен. В нижних его слоях, непосредственно на материковом аллювии, выявлены культурные слои с расписной керамикой типа Намазга I.

В Геоксюрском оазисе три строительных горизонта с керамикой типа Намазга I (табл. XII, 15–25) вскрыты в основании шурфа на центральном поселении Геоксюр 1 (*Сарианиди В. И.*, 19606). В перемещенном состоянии керамика этого типа обнаружена на Ялангачдепе (*Хлопин И. Н.*, 1963а, с. 14–15). Косвенные соображения и отдельные фрагменты керамики позволяют говорить о наличии слоев времени Намазга I еще на трех памятниках оазиса — Акчадепе, Айшадепе и Геоксюр 7 (*Хлопин И. Н.*, 1964б, с. 58, 63). Находки со всех перечисленных памятников ограничиваются обломками расписной керамики. Следующий памятник Геоксюрского оазиса — Дашлыджидеде — раскопан полностью на уровне трех строительных горизонтов и дал достаточно разнообразный материал (*Хлопин И. Н.*, 1961).

Постройки во всех строительных горизонтах Дашлыджидеде возведены из прямоугольного сырцового кирпича и в принципе однотипны (табл. XIII, 29). Маленькое (около 1600 кв. м) и, видимо, бедное поселение не отличается высоким качеством своих сооружений, но среди лабиринта мелких и нередко косоугольных строений отчетливо заметна их концеп-

трация в несколько хозяйственно-жилых комплексов. Центром такого комплекса был небольшой однокомнатный жилой дом площадью от 6 до 12 кв. м. Дверной проем имел невысокий порог. Иногда с внутренней стороны помещался подпорочный камень, свидетельствующий о существовании в прошлом навесных вращающихся дверей. Обычно слева от входа находился прямоугольный очаг, сооруженный из сырцовых кирпичей, поставленных на ребро. Возле домика располагался небольшой двор с подсобными строениями и клетушками. Такие хозяйственно-жилые комплексы отмечены на Дашлыджидеде во всех трех строительных горизонтах, причем общее их число на поселении достигало шести–восьми. Один из однокомнатных домов выделяется из числа прочих своими размерами (28,5 кв. м) и окраской пола первоначально в красный, а затем в черный цвет. Показательно, что планировка и размеры этого строения сохраняются в двух строительных горизонтах. Возможно, это сооружение принадлежало семье главы общины, а также выполняло функции дома общих собраний — святилища (*Хлопин И. Н.*, 1964б, с. 73).

Найденные на Дашлыджидеде две терракотовые фигурки (одна целая и одна фрагментированная) относятся ко второму подтипу статуэток, изображающих стоящих женщин и характерных для раннего энеолита (табл. XIII, 21, 22). В отличие от фигурок с Карадепе и Намазгадепе изображения рук и груди отсутствуют. Голова передана в условно-плоскостной манере, зато подчеркнуты пышные бедра, сплошь покрытые круглыми вдавлениями. Довольно многочисленны фигурки животных из необожженной глины, в основном весьма схематичные. В некоторых из них можно определить фигурки козлов и быков. Столь же обильны терракотовые пряслица, в большинстве своем усеченно-конические, орнаментированные насечками или зацепами. Имеются также пряслица грушевидной и шаровидной форм и шаровидные наворачия. Из необожженной глины сделаны антропоморфная фигурка и фишка для игры в виде удлиненного конуса, принадлежащая к числу изделий, традиция употребления которых восходит к неолитической джейтунской культуре (*Массон В. М.*, 1971в, с. 41–43). Найденны также костяные проколки и три медных предмета: фрагмент двулезвийного ножа, квадратное в сечении шило и биконическая головка миниатюрной булавки.

По синхронизации, предложенной И. Н. Хлопиным, третий строительный горизонт Дашлыджидеде соответствует ярусам XXVI–XXVII шурфа на Намазгадепе и частично ярусам XVIII–XX Карадепе (*Хлопин И. Н.*, 1963а, с. 20, рис. 4). Это в целом отвечает его положению наиболее позднего в свите слоев типа Намазга I и вместе с тем позволяет более обоснованно ставить вопрос о локальных отличиях, поскольку в данном случае сопоставляется материал синхронных памятников. Правда, в отличие от Карадепе посуда позднего Намазга I в Геоксюрском оазисе (рис. 1, 11–16) имеет не красный, а зеленовато- или желтовато-белый фон, что, возможно, составляет одну из черт локального своеобразия. Весьма характерны для памятников восточной группы и орнаментальные композиции типов 10А, 17, 19Б. К числу локальных особенностей И. Н. Хлопин от-

носит также концентрические полуокружности на внутренней и внешней поверхностях сосудов открытого типа.

Таким образом, есть основания полагать, что между памятниками, выделенными в три территориальные группы, имеются некоторые отличия и в области культуры, главным образом в росписи керамики. Так, в западной группе найдены статуэтки первого подтипа первого статуарного типа, а в восточной — лишь второго подтипа. Правда, находки соответствующих скульптур пока единичны. Вместе с тем отмечаемые локальные особенности менее значительны, чем культурные различия между двумя территориальными группами памятников в пору Анау IА. В пору Намазга I в Южном Туркменистане, судя по расписной керамике, происходит своего рода культурная интеграция, складывается единый керамический стиль. Наблюдаемые же различия в целом невелики и выявляются лишь при детальном анализе. Все это заставляет обратить особое внимание на проблему происхождения комплекса Намазга I.

Поскольку на северном холме Анау, Овадандепе и поселении у Каушута слои времени Намазга I подстилаются комплексами типа Анау IА, естественно предполагать в данных случаях наличие генетических связей между ними. Действительно, формат сырцового кирпича, окраска полов в строениях специализированных функций, двухкомнатные дома Яссыдепе и Чакмакльдепе свидетельствуют о тесной генетической связи комплексов Намазга I и Анау IА. Терракотовые конические пряслица, медные двулезвийные ножи и четырехгранные в сечении шилья-пробойники составляют другую группу объектов, объединяющих эти комплексы.

Сложнее обстоит дело с керамикой, на основании изучения которой и были в первую очередь выделены названные комплексы поры раннего энеолита. Посуда стиля Анау IА и стиля Намазга I различается уже на уровне технологии, поскольку в последней вновь получает распространение широко практиковавшийся в пору джейтунской неолитической культуры прием добавления в глину в качестве отощителя рубленой соломы. Весьма близки к джейтунской культуре в комплексе Намазга I и крупные горшки цилиндрико-конической формы, предназначенные для хранения припасов и обычно именуемые в литературе хумами или корчагами. Многие авторы подчеркивали эту связь джейтунской керамики с керамическим комплексом Намазга I (Хлопин И. Н., 1963а, с. 21). Есть основания полагать, что за время существования комплексов Анау IА технологическая традиция, представленная джейтунским гончарством, не прерывалась и продолжалась на каких-то еще не открытых памятниках (Бердыев О. К., 1976). Выше уже отмечалось, что на определенном этапе комплексы Анау IА и позднейшей джейтунские памятники сосуществовали. Во втором слое Чакмакльдепе наряду с типичной для Анау IА посудой найдена толстостенная керамика с примесью в тесте крупного рубленого самана, сходная как по этому признаку, так и по зеленовато-белому цвету

черепка с керамикой типа Намазга I (Бердыев О. К., 1976, с. 36). Таким образом, керамика типа Намазга I сохраняет джейтунскую керамическую традицию. В этом отношении в значительной мере прав О. К. Бердыев, отмечавший, что культуру времени Намазга I можно рассматривать как соединение местных джейтунских традиций и инноваций, появившихся в Южном Туркменистане с формированием комплекса типа Анау IА (Бердыев О. К., 1976, с. 21). Наряду с этим определенная преемственность между керамикой комплексов Намазга I и Анау IА может быть отмечена и в системах орнаментации. Так, композиционные решения типов 3Б, 5Б и 6, характерные для посуды Анау IА, в равной мере сохраняются и в пору Намазга I. Но это опять-таки характеризует лишь один из компонентов, вошедших в состав керамического комплекса Намазга I.

Основная же масса композиционных решений (типы 1, 2А, 2Б, 3А, 3Б, 5А, 5Б, 6, 8Б, 9, 10А, 10Б, 15А, 15Б, 16) и доминирующие типы (17, 20, 21) впервые появляются именно в комплексе Намазга I. Формально некоторые из этих композиций, как и элементы геометрических орнаментов, в частности контурный треугольник, имеют параллели в керамике хассунской культуры VI тысячелетия до н. э. Северной Месопотамии (ср.: Хлопин И. Н., 1963а, с. 25) и в посуде комплекса Хаджи-Фируз того же времени в Северо-Западном Иране (Mellaart J., 1975). Однако эти параллели, как и аналогии женской терракотовой статуэтке с Дашлыджидепе в комплексах Элама (Массон В. М., Саррианиди В. И., 1973, с. 12), едва ли могут иметь отношение к проблеме генезиса комплекса типа Намазга I, в первую очередь ввиду хронологических расхождений. Вероятно, формирование нового стиля расписной керамики, имевшее место в Южном Туркменистане в пору Намазга I, — один из частных случаев явления, в целом обычного для культур расписной керамики, и далеко не всегда при этом следует искать обязательные прототипы росписи на соседних территориях. Новыми композиционными решениями в росписи керамики Намазга I являются шесть бордюров и девять сеток, причем среди первых имеется один двусторонний бордюр, а среди вторых — пять двусторонних сеток, включая и композицию 16, которая, как неоднократно подчеркивалось, присуща всем комплексам типа Намазга I, невзирая на принадлежность к той или иной территориальной группе. Между тем, как отмечалось выше, двусторонние композиции могли возникнуть лишь на двусторонних поверхностях — цинковках, ткачах и т. п. Очевидно, именно таков был один из основных источников композиционных решений энеолитических гончаров в пору формирования керамики стиля Намазга I. Таким образом, есть все основания рассматривать археологический комплекс Намазга I в целом именно как местный, среднеазиатский, формировавшийся на основе культурных традиций, представленных в Южном Туркменистане на раннеземледельческих памятниках неолитического времени и времени Анау IА.

Глава третья

Памятники среднего энеолита

По разработанной системе периодизации, в Средней Азии к среднему или, как его иногда называют, развитому энеолиту относятся комплексы времени Намазга II, значительно варьирующие в двух основных территориальных группах. Соответствующие материалы были выделены еще при раскопках северного холма Анау и получили наименование комплекса Анау II (*Pumpehly R.*, 1908). Это выделение было подтверждено стратиграфическими наблюдениями на Намазгадепе, где аналогичный комплекс назван Намазга II (*Куфтин Б. А.*, 1954; *Массон В. М.*, 1956б, с. 296, 298). В 1955–1962 гг. ЮТАКЭ АН Туркменской ССР совместно с ЛОИА АН СССР проводились специальные раскопки памятников среднего энеолита, причем особенно значительными были масштабы этих работ на Карадепе и в Геокюрском оазисе (*Массон В. М.*, 1960а; 1960б; *Хлопин И. Н.*, 1964б; 1969). В последующие годы некоторые дополнительные шурфовки были произведены на Елендепе (*Щегенко А. Я.*, 1968а) и Алтындепе (*Массон В. М.*, 1977б).

Для среднеэнеолитического комплекса в целом характерны: поселения первого и второго типов, строения из сырцового кирпича форматом 47–48 × 23–25 × 10–12 и 40–42 × 23–25 × 10 см, одиночные захоронения преимущественно с южной ориентировкой, женские терракотовые статуэтки второго типа, терракотовые усеченно-конические пряслица, медные двулезвийные черешковые наконечники ножей или дротиков, сферические чаши, конические чаши и миски как ведущие формы, а также горшки с выделенным горлом и биконические миски, композиции росписи типов 10Б и 20 и геометрические фигуры (треугольники, квадраты, ромбы) с сетчатым или полосчатым заполнением как основные элементы орнамента. Эти признаки характеризуют среднеэнеолитические комплексы в целом, тогда как в западной группе памятников господствует керамика типа Намазга II, а в восточной — керамика ялангачского стиля, которые детальнее будут рассмотрены ниже.

Во всех случаях, когда производилось послойное изучение памятников, среднеэнеолитические комплексы были достаточно надежно стратифицированы (*Куфтин Б. А.*, 1954; *Массон В. М.*, 1960б; 1962г). В западной группе слои Анау II на эпонимном памятнике имели мощность около 5 м и повсюду подстилались раннеэнеолитическими отложениями. На Карадепе в шурфе 1 они подстилались комплексом типа Намазга I, перекрывались комплексом типа Намазга III и достигали толщины 3 м (ярусы VI–XI — по фиксации Б. А. Куфтина, ярусы X–XV — по нумерации, принятой при последующих работах). На том же памятнике в шурфе на раскопе 2 зафиксированы слои типа Намазга II мощностью

2 м (ярусы XIV–XVII), а на раскопе 1 выявлены шесть строительных горизонтов с материалами этого типа, получившие наименование Кара 2–7 и имевшие толщину около 5 м. На Намазгадепе комплекс Намазга II был выявлен в шурфах 1 (ярусы XVIII–XXII) и 5 (ярусы XIV–XIX), в целом составляя слои толщиной 2,5 м. Раскопки на другом памятнике западной группы — Елендепе — установили мощность соответствующих напластований в 6,5 м при наличии восьми строительных горизонтов.

В восточной группе памятников слои среднего энеолита были изучены в целом ряде пунктов. На центральном поселении Геокюрского оазиса — Геокюре 1 — они занимали четыре строительных горизонта (4–7), подстилались слоями с материалами типа Намазга I и перекрывались ярким позднеэнеолитическим комплексом с керамикой геокюрского стиля (*Сарианиди В. И.*, 1960б). На других памятниках оазиса мощность среднеэнеолитических наслоений колебалась от 3,25 м (Акчадепе) до 4,70 м (Муллалидеде) и 5,40 м (Ялангачдеде), причем в последнем случае не исключено наличие в основании холма и раннеэнеолитических напластований (*Хлопин И. Н.*, 1964б, с. 64). На Алтындепе в шурфе на раскопе 11 среднеэнеолитические слои, как и на Геокюре 1, находились между раннеэнеолитическими и геокюрскими напластованиями, а на раскопе 1 оказались лежащими на материке и лишь перекрытыми комплексом с посудой геокюрского стиля. В обоих случаях толщина наслоений невелика — 3 и 2,8 м. Это связано с тем, что в пределы раскопа попали лишь окраинные части поселения без остатков строений. На Илгындыдепе слои среднего энеолита были изучены в шурфе в северной части памятника, где они выходили на дневную поверхность и имели мощность 4,5 м, занимая ярусы I–IX (*Ганялин А. Ф.*, 1959, с. 18–19). Таким образом, можно заключить, что среднеэнеолитические напластования в тех случаях, когда изучались строительные остатки, в среднем достигают толщины 4–5 м. Исключение составляет лишь Елендепе, где, возможно, представлена наиболее полная свита слоев этого времени.

Обратимся к краткой характеристике памятников западной группы, материалы которых систематизированы в сводке, опубликованной в 1962 г. (*Массон В. М.*, 1962в). С тех пор они пополнились лишь в небольшой мере. Наиболее значительные данные получены при раскопках Карадепе, причем материалы работ 1955–1957 гг. систематизированы и опубликованы (*Массон В. М.*, 1960б; 1962в), а данные раскопок 1963 г. вводятся в научный оборот впервые. На Карадепе среднеэнеолитические наслоения выявлены в четырех пунктах — на раскопах 1 и 5, в шурфе на раскопе 2 и в шурфе 1. Можно сказать,

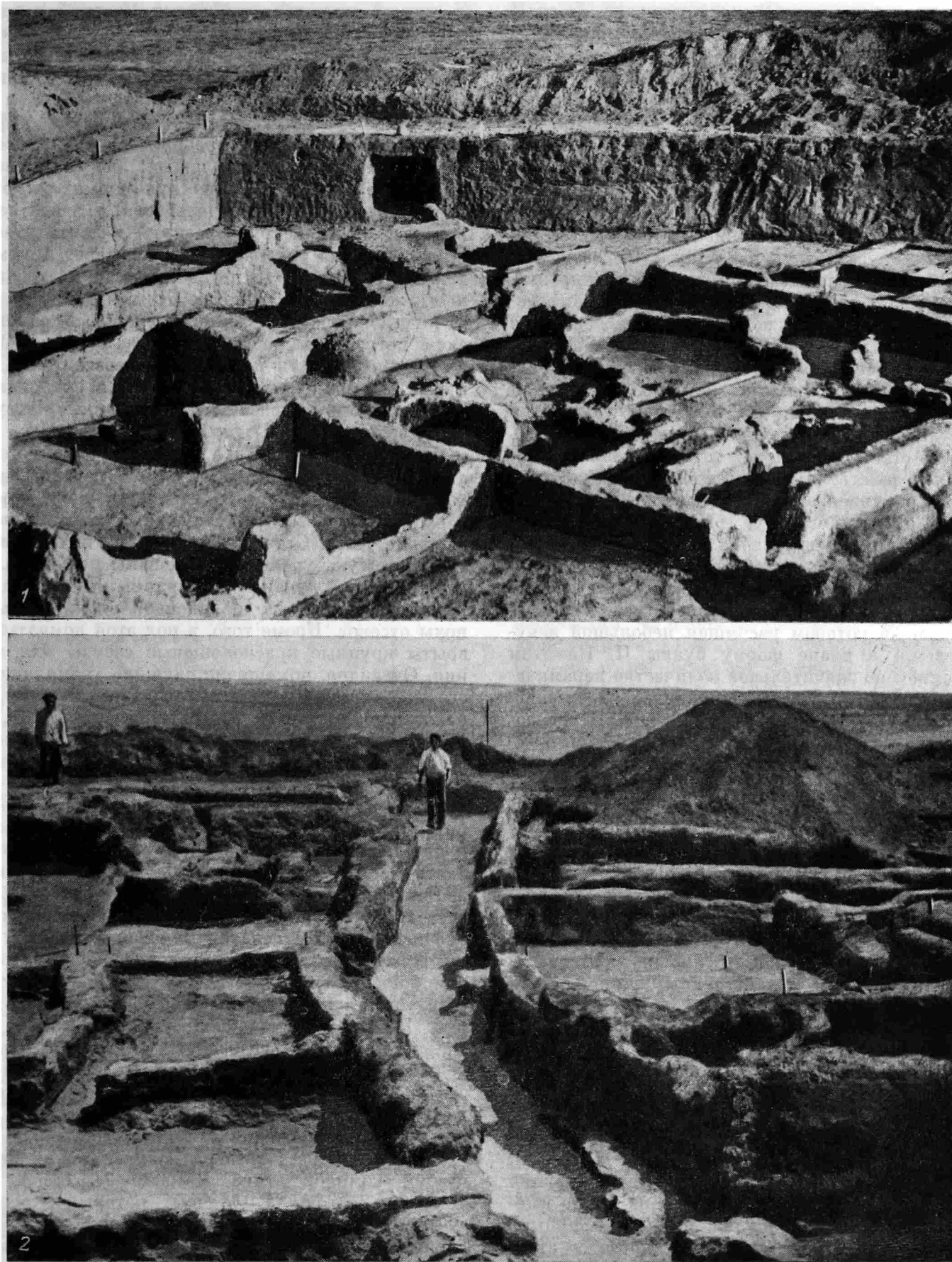

Рис. 2. Строения слоя Кара 3 на Карадепе (1) и улица, разделяющая жилые массивы на поселении Геоксюр 1 (2)

что Карадепе в этот период представляло собой крупное поселение, явно относящееся ко второму типу. Правда, интенсивность обживания памятника различна. Наибольшей мощности слои времени Намазга II достигают в северо-восточной его части (раскоп 1), где они изучены в значительном объеме. Раскоп 1, превращенный в стратиграфический, позволил произвести вскрытие слоев Кара 2, 3 и 4 на площади 400 кв. м, а слоев Кара 5, 6 и 7 — на площади 40 кв. м.

В слоях Кара 6 и 7 раскопом 1 пройден слабо застроенный участок; сохранившиеся отрезки стен позволили лишь установить факт их существования, но не выявили сколько-нибудь четкой планировки. В слое Кара 6 обнаружено погребение взрослого человека, совершенное в скорченном положении на правом боку, головой на юг, без сопровождающего инвентаря. В слое Кара 5 открыты остатки тщательно оштукатуренного, видимо, жилого, помещения площадью не менее 8 кв. м с выступом у одной из стен. Параллельно его внешней стене располагались две другие стены — вероятно, остатки каких-то более узких хозяйственных строений. В том же слое расчищено безынвентарное детское погребение, совершенное на правом боку, головой на восток.

Информация о более верхних слоях полнее благодаря значительному масштабу работ. В слое Кара 4 в юго-восточной части раскопа 1 находился обширный незастроенный участок, скорее всего хозяйственный двор, в котором расчищен небольшой закуток, имевший в плане форму буквы П. На этом участке отмечено значительное количество керамических шлаков и обгоревших кирпичей, возможно, связанных с обжигом глиняной посуды. В северо-восточной части раскопа 1 вскрыта часть многокомнатного строения с большой жилой комнатой. На стенах последней сохранились следы трех тщательно выполненных глиняных обмазок. Рядом располагались узкие подсобные строения.

В слое Кара 3 (рис. 2, 1) незастроенный участок, двор или междудомное пространство, находился в юго-западной части раскопа 1, а в центре располагалось большое подквадратное в плане помещение с несколькими выгороженными отсеками. К северу от него была большая, видимо, жилая, комната с примыкающим узким хозяйственным помещением. В следующем за ним помещении в пол до половины тулова были врыты краснолощенные сосуды шаровидной формы с отогнутым венчиком. Помещения, расчищенные в северо-западной части того же раскопа, были отделены узким коридором: среди них также можно выделить подквадратную жилую комнату с выступом у одной из стен и небольшое хозяйственное помещение с сосудом для хранения. Обособлена в планировочном отношении и группа строений в юго-восточной части раскопа 1, где имелись большая, очевидно, жилая, комната и примыкающие к ней подсобные строения, иногда со стоящими в них крупными сосудами для хранения. В углу одного из этих строений находилась площадка, тщательно облицованная фрагментами керамики. Все сооружения слоя Кара 3 были, как правило, плотно забутованы глиной и кусками сырца, а на них, как на фундаменте, возведены здания следующего слоя — Кара 2.

Относящиеся к слою Кара 3 погребения, расчищенные ниже полов вскрывавшихся строений, стратиграфически залегали уже в слое Кара 4, будучи впущенными в него. Погребения одиночные, могильные ямы нередко обкладывались сырцовым кирпичом. Прослежены отпечатки циновки на дне ям, а иногда и выше костей скелета. В одном случае зафиксированы следы красной краски. Основная масса погребений совершена на правом боку, головой на юг — юго-запад. Положение рук варьирует: обычно правая рука вытянута вдоль тела, а левая согнута в локте; реже обе руки согнуты в локтях так, что кисть одной из них располагалась перед лицом. Инвентарь отмечен в 10 погребениях из 21. Редко это кости животных, обычно же бусы, находимые у шеи и, видимо, образывавшие ожерелье. В одном детском погребении на шее и плечах было 249 бус, в том числе шесть крупных гипсовых бусин, обтянутых серебряной фольгой. Запястья рук охватывали миниатюрные браслеты, состоявшие из лазуритовых, сердоликовых и одной золотой бусин.

Сооружения слоя Кара 2 в плане во многом повторяют постройки слоя Кара 3. В центре тоже находилось крупное подквадратное в плане строение, в пределах которого выделен ряд отсеков и небольших клетушек. Стены некоторых из них были тщательно оштукатурены и облицованы мелкой галькой, керамическим шлаком и крупными фрагментами керамики. Такой же облицовкой были покрыты и полы отсеков. Кроме того, в пол этой комнаты были врыты крупные краснолощенные сосуды для хранения. Очевидно, помещение служило хранилищем. За его пределами находились дворовые участки, принадлежавшие, судя по разделявшим их стенам, иногда утолщенным, нескольким разным комплексам. В одном из дворов обнаружена глинобитная кормушка.

К слою Кара 2 могут быть отнесены 35 погребений, расчищенных ниже уровня полов и нередко прорезавших строения слоя Кара 3. При некоторой хаотичности их общего расположения заметна тенденция к группировке могил рядами, вытянутыми с востока на запад. Могилы обкладывались кирпичом. Зафиксированы отпечатки циновки и красной краски. Преобладают захоронения, совершенные на правом боку с вытянутой вдоль тела правой рукой и согнутой в локте левой. Отмечено и иное положение рук. Господствует ориентировка головой на юг и юг — юго-запад. Погребальный инвентарь, помимо редких костей животных, содержал бусы, преимущественно в ожерельях возле шеи, реже — в виде диадемы на лбу и браслетов на запястье. Лишь в одном погребении найден глиняный сосуд.

Раскопками на Карадепе получен яркий керамический комплекс типа Намазга II (табл. XIV, 4—9, 20—27, 31—35, 38—50), который характеризуется: тонкостенными краснолощенными сосудами с черными пятнами на поверхности и примесью гипса в глине в виде полусферических чаш, конических и биконических чаш и мисок, сферических горшков с выделенным горлом, одноцветной и двухцветной (красной и темно-коричневой или черной) росписью преимущественно по кремовому или желтоватому фону, орнаментальными композициями типов 5В, 8Б, 10Б, 16, 18, 15А, 15Б, 20, треугольниками или

Таблица 2. Распределение керамических групп в комплексе типа Намазга II на Карадепе (раскоп 5)

Группа		Количество фрагментов	%
I	Полихромная роспись	30	9
II	Монохромная роспись по светлому фону	5	1,5
III	Монохромная роспись по красному фону	25	7,5
IV	Краснолощенная с примесью гипса в тесте	13	8
	Красноангобированная	15	
V	Кухонные котлы	87	74
	Толстостенные сосуды	160	
Итого		335	100

Таблица 3. Распределение керамических групп в комплексах Карадепе (раскоп 1)

Группа		Количество фрагментов		
		Кара 7	Кара 6	Кара 5
I	Полихромная роспись	1	15	2
II	Монохромная роспись по светлому фону	21	46	14
III	Монохромная роспись по красному фону	2	10	16
IV	Краснолощенная с примесью гипса в тесте	26	115	28
	Красноангобированная	19	89	35
	Серая	—	1	1
V	Кухонные котлы	5	10	17
	Толстостенные сосуды	42	169	163
Итого		116	455	276

ромбами с сетчатым или полосчатым заполнением как основными элементами росписи. Особенно специфично появление здесь керамики с двухцветной росписью — «ахальской полихромии», названной так по области Ахал, где сосредоточена часть памятников западной группы.

В литературе предложено деление среднеэнеолитической керамики западной группы памятников по технологическим признакам и цветовой гамме на пять групп: I — с полихромной росписью; II — с монохромной росписью по светлому фону; III — с монохромной росписью по красному фону; IV — красные и серые сосуды; V — грубая посуда хозяйственного назначения — кухонные котлы и толстостенные сосуды для хранения (Массон В. М., 1962в, с. 11–14). Некоторое представление о количественном распределении керамики этих групп в культурном слое Карадепе могут дать подсчеты по материалам раскопа 5 (табл. 2, 3).

Уже в самом раннем среднеэнеолитическом слое Кара 7 представлены краснолощенная керамика с примесью в тесте гипса и один черепок с двухцветной росписью (табл. XIV, 47–50). Раннеэнеолитическая традиция нашла отражение в наличии керамики с росписью черными силуэтными треугольниками по красному фону. Широкое распространение получили полусферические чаши с росписью треугольниками, образованными несколькими параллельными линиями.

В слое Кара 6 также сохраняется ряд типов расписной керамики (табл. XIV, 38–44), характерных для раннего энеолита, в том числе с росписью силуэтными треугольниками и «ниткой с бусинами». Вместе с тем широко представлена тонкостенная посуда с двухцветной росписью, преимущественно в виде фриз на наружной стороне чаш и мисок, а также треугольных шевронов, спускающихся ко дну сосуда. Донца чаш иногда вогнуты, в чем также проявляется сохранение раннеэнеолитических традиций. В принципе сходное положение наблюдается и в слое Кара 5 (табл. XIV, 31–35). Количество расписной керамики во всех учтенных комплексах составляет от 15 до 18%.

Для слоя Кара 4 (табл. XIV, 20–27) показательное преобладание среди расписной керамики сосудов с полихромной росписью, что составляет 65% всей учтенной расписной керамики. Широкое распространение получает роспись треугольными шевронами. На одном из фрагментов имеется геометризированное изображение человеческой фигурки. Сосуды с росписью по красному фону составляют 29%. В слое Кара 3 (табл. XIV, 13–19) посуда с двухцветной росписью уже составляет лишь 31% расписной керамики, а на первое место выдвигается посуда с монохромной росписью на светлом фоне. В полихромной керамике слоя доминируют фризовые композиции; появляются линейно-схематические рисунки козлов — четыре ноги и круто загнутые на спину рога, они особенно типичны для посуды с одноцветной росписью. Керамика с росписью по красному фону представлена единичными образцами. В слое Кара 2 (табл. XIV, 4–9) количество керамики с двухцветной росписью сокращается еще более значительно. Характерным элементом орнамента посуды с одноцветной темно-коричневой росписью по светлому фону становятся узкие полосы, заполненные поперечными черточками или отрезками волнистых линий. Имеется фрагмент чаши с использованием мотива полукреста, образованного просветом в силуэтом треугольнике, что указывает на возможное воздействие керамики геоксюрского стиля, с ранним этапом развития которой слой Кара 2 синхронизируется по ряду данных.

Помимо керамики, в среднеэнеолитических слоях Карадепе найдены редкие терракотовые фигурки животных. Довольно многочисленны изделия из известняка и песчаника: зернотерки, ступки, пестики, подпятники, дисковидные гири с ручкой, кольца — утяжелители палок-копалок. Медные изделия единичны и представлены обломками четырехугольных в сечении шильев-пробойников и булавок с пирамидальной головкой.

Среднеэнеолитические материалы других памятников западной группы в основном немногочисленны

или плохо документированы. Самым западным пунктом обнаружения красноощенной керамики типа Намазга II является Чингиздепе у селения Парау, к западу от Кызыл-Арвата (*Бердыев О. К.*, 1971, с. 11). Керамика типа Намазга II происходит с поселений Гавычдепе, Сунчадепе и Акдепе под Ашхабадом, причем на последнем мощность соответствующих слоев достигает 7 м (*Дурдыев Д.*, 1959, с. 8), что, правда, требует проверки, поскольку нет уверенности в правильном отделении комплексов типа Намазга II от более ранних. Наконец, на поселении Тилькиндепе к востоку от Геоктепе был заложен шурф, выявивший в верхних слоях типичную для Намазга II керамику (*Массон В. М.*, 1962 в, с. 8). На северном холме Анау остатки строений времени Намазга II (Анау II) отмечены на террасе 1, где выделены три строительных периода (*Pimpelly R.*, 1908; *Массон В. М.*, 1962 в, с. 9). В целом можно заключить, что здесь располагался хозяйственный комплекс, включавший несколько небольших помещений, у двух из которых пол и стены были облицованы фрагментами керамики, хозяйственный двор и полушаровидные печи для выпечки хлеба, напоминающие современные туркменские тандыры. Вскрытые в наслоениях этого времени погребения в основном детские, совершены на правом боку с согнутыми ногами, головой на юго-запад или реже — на юго-восток. В инвентаре, как и на Карадепе, показательны наличие бус, возможно, частично нашитых на одежду. Так, в одном детском погребении в районе таза найдено 1066 бус из белого камня. Керамика Анау (табл. XV, 4—13) рассматриваемого времени не делится на дробные хронологические группы, но, судя по аналогиям с Карадепе, здесь имеются и ранний комплекс посуды с полихромной росписью, и монохромная керамика типа Кара 2, т. е. финальных этапов среднего энеолита. Отмечается высокое качество серой керамики; иногда создается впечатление, что она изготовлена на каком-то поворотном инструменте (*Pimpelly R.*, 1908, р. 133). Найдены в Анау медный двулезвийный нож или наконечник дротика, кремневая пластина, возможно, бывшая вкладышем серпа, и каменные изделия, в том числе плоская гиря весом 13,6 кг с ручкой (*Алексин В. А.*, 1973).

На Намазгадепе среднеэнеолитический комплекс Намазга II (табл. XV, 22—32) выделен в двух шурфах, где расчищены также остатки полов и ориентированные на юг погребения, совершенные в скорченном положении на правом и левом (реже) боку. По аналогии со стратиграфией Карадепе в пределах среднеэнеолитических напластований можно выделить два горизонта: ранний (ярусы XIX—XXI шурфа 1), где многочисленна посуда с двухцветной росписью, и поздний (ярус XVIII шурфа 1), где преобладает керамика с монохромной росписью. Интересны находки фрагментов терракотовых женских статуэток второго типа. На бедрах одной из них краской нанесены ряды ломаных линий, на бедрах другой — линейно-схематическое изображение козла, типичное для позднего этапа среднего энеолита.

К среднему энеолиту относится и небольшое поселение Елендепе, расположенное к северу от Каушута. Это овальный в плане холм диаметром около

140 м (*Щетенко А. Я.*, 1968а), где шурфом выявлены восемь строительных горизонтов, причем лишь в самом верхнем отмечена примесь керамики эпохи раннего железа, а остальные датируются средним энеолитом. В пятом строительном горизонте, в зольном слое, расчищен круглый в плане очаг, напоминающий очаги-жертвенники геоксюрских поселений. Рядом с ним обнаружена схематичная мраморная фигурка сидящей женщины, что, возможно, указывает на небытовой характер и самого очага. В верхнем строительном горизонте Елендепе собрана керамика геоксюрского стиля. Посуда с полихромной росписью многочисленна в нижних горизонтах, но в третьем горизонте найдено лишь три фрагмента керамики с двухцветной росписью. Во втором и первом горизонтах посуда с полихромной росписью типа Намазга II полностью отсутствует, а керамика с одноцветной росписью (табл. XIV, 51—58), по мотивам близка посуде типа Кара 3 и Кара 2, включая линейно-схематические изображения козлов. Елендепе представляет собой уникальнейший пока для Средней Азии тип поселения, возникшего именно в пору среднего энеолита и тогда же прекратившего свое существование. Это могло быть связано с концентрацией населения в таком крупном центре, как Намазгадепе, который именно в период позднего энеолита достигает максимальных размеров.

При сравнении расписной керамики перечисленных памятников намечаются некоторые локальные особенности. Так, в полихромной керамике Намазгадепе в отличие от Карадепе широко распространены фризы с фигурами треугольников, противостоящих друг другу вершинами, тогда как на Карадепе имеются фигуры крестов, отсутствующие на Намазгадепе (*Массон В. М.*, 1962 в, с. 17—18). Однако эти различия существуют в рамках посуды единого керамического стиля. Вместе с тем в пору среднего энеолита на юге Средней Азии в восточной группе памятников сформировалась и посуда особого, ялангачского, стиля, отличная от вышеописанных комплексов.

Наиболее полная характеристика керамики ялангачского стиля была дана И. Н. Хлопиным (*Хлопин И. Н.*, 1958; 1963б; 1969). Она распространяется с поселения Улугдепе у Душака, далее на восток, включая Алтындепе, Илгылыдепе и поселения Геоксюрского оазиса, где расположен эпонимный памятник — Ялангачдепе. Для керамики ялангачского стиля (рис. 1, 6, 10) характерны: монохромная темно-коричневая роспись преимущественно по красному фону, сферическая чаша как ведущая форма, а также цилиндрические горшки, полусферические чаши, конические чаши и миски, биконические чаши и миски, орнаментальные композиции типов 4 и 15А как ведущие, а также композиции типов 2Б, 3А, 7, 8А, 10А, 12А, 12Б, 17, 19, 20. И. Н. Хлопин по орнаментальным мотивам выделяет на геоксюрских поселениях эпохи среднего энеолита три группы керамики: собственно ялангачскую; так называемую псевдоубейдскую или типа пятого слоя Геоксура 1; с полихромной росписью типа Намазга II (*Хлопин И. Н.*, 1969, с. 17—23). Последняя, как полностью соответствующая комплексам западной группы поселений и скорее всего оттуда импортированная (*Массон В. М.*, 1962 в, с. 19—20;

Хлопин И. Н., 1969, с. 23), не имеет прямого отношения к собственно ялангачскому комплексу. Для него типичны, строго говоря, три группы орнаментов: параллельные линии вдоль венчика (преимущественно на небольших и средних сосудах), треугольные шевроны (преимущественно на крупных сосудах) и сравнительно пестрая орнаментация, комбинирующая геометрические фигуры с сетчатым и полосчатым заполнением, опять-таки характерная для сосудов малых и средних размеров (псевдоубейдский тип по И. Н. Хлопину). Многочисленные наблюдения позволили наметить эволюцию керамики ялангачского типа по отчетливо прослеживаемому сближению параллельных линий, идущих вдоль венчика. По подсчетам И. Н. Хлопина, расстояние между линиями на раннеялангачских памятниках составляет от 13 до 16 мм, а на поздних — 4—5 мм, иногда сокращаясь даже до 2 или 1 мм (Хлопин И. Н., 1969, с. 20). Ранние комплексы дают верхние слои таких памятников, как Ялангачдепе и Айнадепе, а поздние хорошо представлены верхними наслоениями поселений Муллалидепе и Геоксюр 7 и 9. С точки зрения автора настоящих строк, производившего раскопки последнего памятника, его керамический комплекс с единичными фрагментами расписных сосудов на многие сотни нерасписных может оказаться синхронным третьему слою поселения Геоксюр 1, где расписные фрагменты, вообще крайне редкие в эту пору, не были встречены лишь ввиду ограниченных размеров шурфа.

Последовательное развитие комплексов восточной группы памятников для среднего энеолита было установлено в шурфе на поселении Геоксюр 1 (табл. XVI, 1—18). Здесь в седьмом слое обнаружены типично ялангачская керамика и черепок сосуда с полихромной росписью типа Намазга II (Сарианиди В. И., 1960а; 1960б). В следующем, шестом, слое количество керамики с полихромной росписью особенно значительно, причем имеются образцы с изображениями козлов с бугорчатыми рогами и ветвистого дерева. В комплексе пятого слоя уже отчетливо прослеживается сближение полос, идущих вдоль венчиков сосудов ялангачского типа, и появляется керамика с пестрой орнаментацией, основанной главным образом на геометрических фигурах с сетчатым и полосчатым заполнением (типа пятого слоя Геоксюра 1). По-прежнему встречаются фрагменты посуды с полихромной росписью типа Намазга II. Наконец, в четвертом слое продолжается тенденция к сближению линий, идущих вдоль венчика, но, как и ранее, представлены фрагменты с полихромной росписью типа Намазга II. Слои среднего энеолита изучались также на раскопе 3 на юго-западной окраине поселения Геоксюр 1, где они выходили прямо на дневную поверхность. Здесь открыто круглое в плане строение диаметром 3,6 м с отходящими от него отрезками стены толщиной около 0,5 м, которую И. Н. Хлопин считает обводной (Хлопин И. Н., 1964б, с. 14—15; 1969, с. 7).

Одним из наиболее полно изученных памятников Геоксюрского оазиса этого времени является поселение Ялангачдепе (Геоксюр 3). В настоящее время оно представляет собой оплывший холм вытянутых пропорций с максимальными размерами 130×95 м. Верхний строительный горизонт, сохранивший по-

стройку, сгруппированные на самой вершине холма, вскрыт полностью на площади 750 кв. м (табл. XVII, 2). Здесь расчищены остатки обводной стены толщиной до 0,6 м с заключенными в ее периметр круглыми в плане строениями, которые, судя по заполнению и наличию очагов, использовались в качестве жилых помещений. Центральное место в пределах ограды занимал подпрямоугольный в плане дом, тщательно оштукатуренный изнутри, с двухчастным очагом-подиумом на невысокой платформе, поднятой над полом, и рассматриваемый как святилище — дом общих собраний всего поселка. Перед домом выгорожен небольшой участок, за которым находились параллельные отрезки стен, бывших, судя по всему, основанием зернохранилища (Массон В. М., 1964в, с. 313, 331—333). Рядом с центральным домом располагался прямоугольный дом меньших размеров, также с двухчастным очагом. В пределах ограды расчищено круглое в плане здание диаметром 6,1 м. За оградой находился еще ряд строений, в том числе прямоугольная комната, параллельные стены — основание зернохранилища — и круглые в плане дома с отходящими от них отрезками прямых стен.

Во втором строительном горизонте вскрыта лишь центральная часть поселка, и, возможно, поэтому ограда не обнаружена. Толстая стена разделяла поселок на две части — восточную и западную. В восточной части центральным строением был прямоугольный, капитально выстроенный дом, занимавший то же место, что и святилище верхнего строительного горизонта. Дом был тщательно оштукатурен, на стене сохранился налп. Поблизости располагались две пристроенные друг к другу небольшие жилые комнаты и различного рода подсобные сооружения, в том числе основание для помоста. В западной части поселка несколько пристроенных друг к другу помещений образуют целый массив, включавший жилые комнаты площадью 5—10 кв. м и хозяйственные сооружения. При анализе планировки Ялангачдепе три обстоятельства обращают на себя внимание. Во-первых, здесь четко выражены обводные стены, во-вторых, не менее определенно выступает святилище как архитектурный и организационный центр поселка, в-третьих, сама застройка отражает тенденцию сближения однокомнатных домов, возводящихся впритык и в целом образующих прототип многокомнатного дома.

Достаточно разнообразен и комплекс предметов, обнаруженных при раскопках Ялангачдепе (табл. XVIII, 1—23). Так, среди керамики имеются яркие образцы сосудов типа Намазга II с полихромной орнаментацией, в том числе с изображением геометризированных человеческих фигур, и сосудов с изображением дерева. Найдены костяные проколки и шпатели, кремневые вкладыши серпов и «наконечники стрел», функционально служившие сверлами, медные ножи или наконечники дротиков, часть медного топорика. Особенно выразительна коллекция антропоморфной и зооморфной скульптуры. Из необожженной глины изготовлены схематические антропоморфные фигурки на цилиндрическом основании, статуэтки баранов и бычков. Значительным числом представлены терракотовые женские статуэтки второго варианта второго типа, воспроизводящие пыш-

потелых сидящих матрон с полной грудью, но без рук (табл. XVIII, 18–20). На фигурках темно-коричневой или черной краской нанесены дополнительные элементы — ожерелья и различные знаки на бедрах (солярные круги, угловые шевроны, фигура козла). Имеется и схематическая плоская фигурка из камня.

Ближний ялангачскому комплекс (табл. XVI, 31–43) получен при раскопках верхнего слоя поселения Айнадепе (Геоксюр 6). Здесь представлены по крайней мере два элемента, характерные для планировки Ялангачдепе: овальные в плане строения с отходящими от них прямыми отрезками стен и однокомнатные или двухкомнатные жилые дома, построенные нередко вплотную один к другому. Не вполне ясен вопрос о наличии на Айнадепе центрального святилища. При раскопках группы строений третьего слоя в северной части холма открыт небольшой дом из двух комнат, в одной из которых располагался прямоугольный очаг-подиум, а в другой — круглый очаг, идентичный очагам-алтарям геоксюрских домовых святилищ позднего энеолита. Строения слишком малы, чтобы служить местом общих собраний даже одних только взрослых мужчин, если допустить такую выборку наиболее полноправного населения. Однако такая специфическая деталь, как очаги-жертвенники, позволяет предполагать, что упомянутый дом принадлежал лицу, как-то связанному с выполнением культовых церемоний (Массон В. М., 1964в, с. 318; прим. 34; Хлопин И. Н., 1964б, с. 75, 89). Среди находок с Айнадепе представлены как керамика ялангачского стиля в его раннем проявлении, так и посуда с полихромной росписью типа Намазга II. Обнаружены также два медных ножа, костяные проколки, каменные тесла, глиняные колесики с выступающей с одной стороны втулкой, глиняные фигурки животных и терракотовые женские статуэтки. Среди последних имеется фигурка, принадлежащая, как и скульптура Ялангачдепе, ко второму варианту второго типа (без рук), но представлены и фигурки первого варианта того же типа, воспроизводящие сидящих полных женщин с руками (табл. XVI, 43). У одной из фигурок короткие отрезки рук опущены вниз, у другой — сложены на животе под грудью. Можно отметить богатство и разнообразие коллекций мелкой пластики, присущие именно раннеялангачским памятникам.

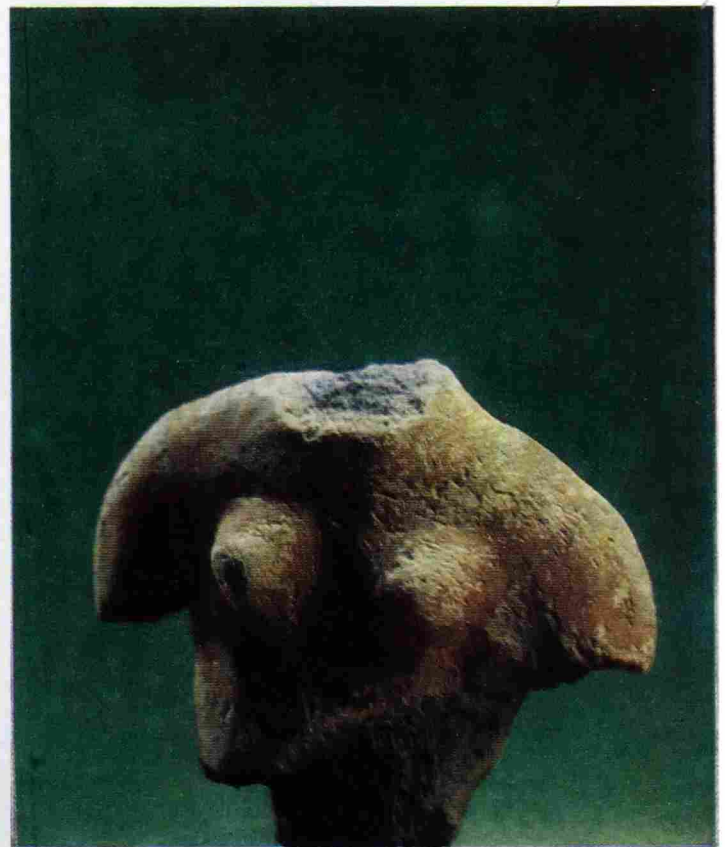
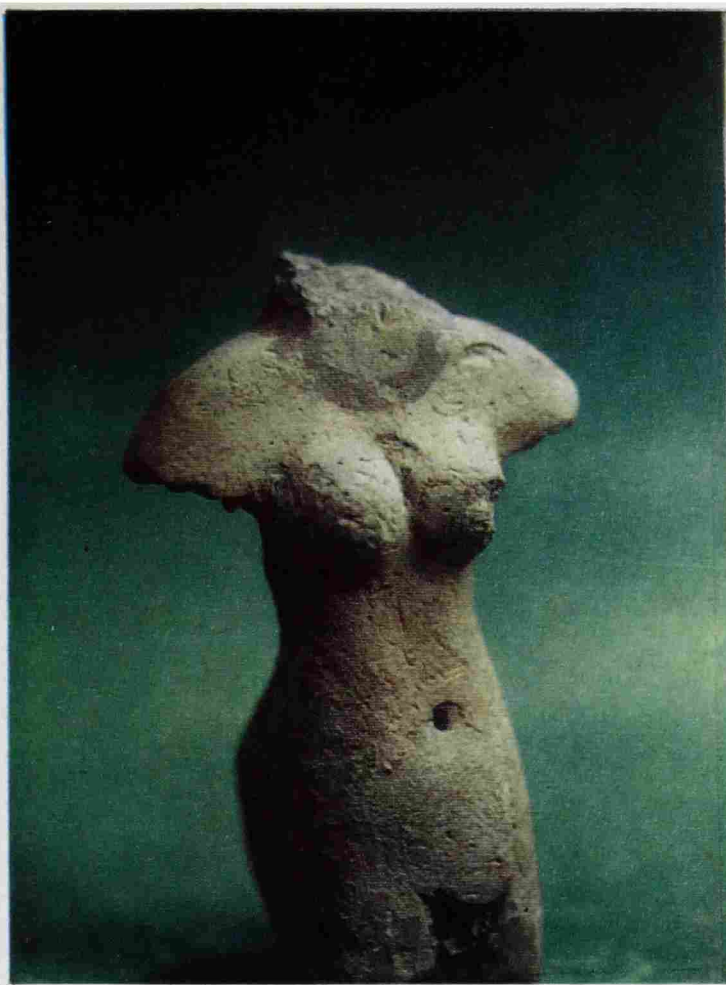
Хронологически близок этим памятникам и комплекс верхнего слоя поселения Акчадепе (Геоксюр 2). Здесь также обнаружены круглое в плане здание, подквадратное святилище с двухчастным прямоугольным очагом-подиумом и небольшие жилые комнаты. Однако все эти строения тесно примыкают, а частично и пристроены друг к другу. В целом узкой улочкой они разделяются на два массива. Керамика поселения аналогична керамическому комплексу Айнадепе, но вместе с тем здесь представлены и сосуды, на которых линии, проведенные вдоль венчика, тесно сближены.

Поздний этап среднего энеолита характеризуется поселением Муллалидепе (Геоксюр 4). В настоящее время оно представляет собой оплывший холм расплывчатых очертаний с максимальными размерами 130×110 м. Верхний строительный горизонт холма

вскрыт на площади около 2000 кв. м (табл. XVII, 1). Обнаруженные постройки группируются в два хронологических комплекса — западный, относящийся к поре позднего Ялангача, и восточный, с керамикой геоксюрского типа, т. е. позднеэнеолитический. Планировка западного комплекса Муллалидепе сохраняет три основных планированных элемента, отмеченных на Ялангачдепе: обводную стену с включенными в ее периметр круглыми домами, плотную застройку однокомнатными домами, выделенное святилище с прямоугольным очагом-подиумом. Как и на Ялангачдепе, круглые строения, включенные в периметр обводной стены, имеют диаметр от 3,1 до 3,8 м, заполнены культурными слоями и в ряде случаев снабжены бытовыми очагами, что позволяет рассматривать их как жилые помещения. В пределах обводной стены имеются также хозяйственные строения, в том числе основание зернохранилища, и отдельно расположенное круглое в плане строение площадью 12,5 кв. м с очагом, где найдено несколько зернотерок. Такой отдельно стоящий круглый дом более значительных размеров (28,5 кв. м) был и на Ялангачдепе. Возможно, как и прямоугольные дома-святилища, эти строения выполняли какие-либо специализированные общественные функции. И. Н. Хлопин одно время полагал, что в отличие от прямоугольных святилищ они могли быть специальными «женскими» домами (Хлопин И. Н., 1962б, с. 17). Всего на Муллалидепе насчитывается 12 жилых домов площадью от 7,5 до 15,5 кв. м.

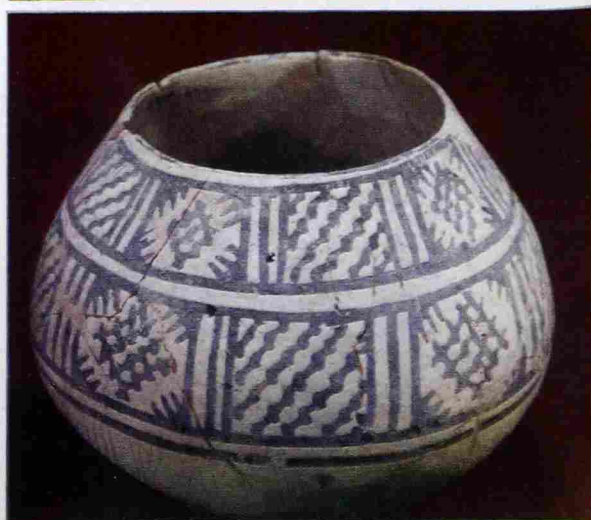
В керамическом комплексе Муллалидепе (табл. XVIII, 24–30) отчетливо выступают черты позднего происхождения, в частности, отмечается сближение полос, прочерченных на тулове чаш и мисок параллельно венчику. Представлена здесь и посуда с более сложной орнаментацией типа пятого слоя Геоксюра 1, и керамика с полихромной росписью типа Намазга II, причем среди последней имеется фрагмент с изображением дерева. Прочие изделия на Муллалидепе сравнительно немногочисленны и однообразны. Это медные ножи, в том числе один с витой ручкой (табл. XVIII, 34), сохранившийся фрагментарно, глиняные фигурки животных, глиняные биконические ядра для пращи и костяные проколки. Принадлежность к поре среднего энеолита фрагментов женских статуэток с Муллалидепе остается неясной, поскольку здесь имеются постройки и поры позднего энеолита.

По времени Муллалидепе близко поселение Геоксюр 7, где открыты круглое в плане строение с овальным очагом в центре и два отдельных, но расположенных рядом прямоугольных дома. Судя по обособленному положению, круглый дом функционально аналогичен крупным круглоплановым домам, находившимся внутри обводных стен Ялангачдепе и Муллалидепе. В керамике преобладают изделия ялангачского стиля, причем параллельные линии, нанесенные вдоль венчика полусферических чаш, максимально сближены. Обнаружены цилиндрические горшки, украшенные вертикальными рядами ромбовидных фигур и с крупносетчатым орнаментом. Отметим также сланцевое тесло, костяной шпатель, терракотовые усеченно-конические пряслица и два медных наконечника дротика или ножа. Несколько необычны фрагменты антропоморфных скульптур.

Терракотовые статуэтки. Средняя Азия. Энеолит
Карадепе, ранний энеолит
Ялангачдепе, средний энеолит

Дашлыджидеде, ранний энеолит
Алтындепе, средний энеолит

Расписная керамика и статуэтки. Карадепе. Поздний энеолит

Мужская глиняная статуэтка
Терракотовая «головка волна»
Расписной сосуд

Женская терракотовая статуэтка
Расписной сосуд
Фигурка быка из мраморовидного известняка

Одна из них, видимо, изображает стоящую женщину, т. е. принадлежит к числу статуэток первого типа, характерного для раннего энеолита и пока не встреченного на других среднеэнеолитических памятниках. Выделяется каменная головка с четко моделированным лицом и невысокой шапочкой.

К числу позднеялангачских комплексов, а возможно, даже и более поздних, относятся строения верхнего слоя поселения Геоксюр 9. Оно представляет собой холм овальных очертаний с максимальными размерами 104×88 м. В ходе раскопок, осуществленных на площади 750 кв. м, выявлены основные элементы планировки, отмеченные при описании Ялангачдепе: часть обводной стены с включенным в ее периметр овальным строением; однокомнатные прямоугольные и подквадратные в плане дома площадью от 12 до 24 кв. м и расположенное почти в центре поселения подквадратное здание площадью 45 кв. м с толстыми стенами, декорированными снаружи пилястрами. Возможно, оно играло роль святилища — дома общих собраний, но прямоугольный очаг-подиум в нем не обнаружен, хотя в одном из углов расчищена вымостка из обгоревших кирпичей, возможно заменявшая его. В керамике этого поселения фрагменты сосудов с росписью единичны, но все же достаточно характерны. Это прежде всего полусферические чаши со сближенными параллельными линиями, нанесенными вдоль венчика. Кроме того, имеются два образца с полихромной росписью типа Намазга II, фрагменты сосудов с монохромной росписью типа пятого слоя Геоксюр 1, несколько черепков с полихромной росписью геоксюрского стиля. Основную массу — около 70% всей керамики — составляют сосуды с красной, иногда лощеной поверхностью, местами покрытой черными пятнами. Они представлены двумя основными формами — полусферической чашей и кошачьей миской. Обнаружены также терракотовые усеченно-конические пряслица, костяные проколки и крючок, напоминающий вязальную спицу, медные проколка и нож. Найдены два фрагмента терракотовых антропоморфных статуэток, одна из которых явно женская, а также каменная человеческая головка, глиняная фигурка барана и глиняные колесики с выступающей с одной стороны втулкой.

В целом для поселений Геоксюрского оазиса поры среднего энеолита характерно стойкое сохранение планировочного решения поселка, предусматривавшего наличие обводных стен с включенными в их периметр круглоплановыми постройками. В общем плане поселка они выглядят как башни, но по площади близки жилым домам и имеют соответствующее заполнение, а нередко и бытовые очаги. Видимо, перед нами строения перасчлененных функций, что типично для первобытной фортификации. Следует учитывать также, что обводные глинобитные стены полуметровой толщины скорее были забором, чем собственно крепостной стеной (Массон В. М., 1966б).

По сравнению с памятниками Геоксюрского оазиса данные, характеризующие другие поселения восточной группы поры среднего энеолита, весьма ограничены. Так, на Илгынлыдепе соответствующие слои мощностью 4,5 м были пройдены шурфом в северной части памятника, где, помимо керамики ялангачского стиля, найдены глиняное колесико и

торс женской статуэтки (Ганялин А. Ф., 1959, с. 18—20). На Алтындепе среднеэнеолитические слои раскапывались в двух шурфах, но строения этого времени пока не обнаружены (Массон В. М., 1977б). Наряду с керамикой ялангачского стиля здесь представлены фрагменты сосудов с полихромной росписью типа Намазга II. Терракотовые фигурки изображают пышнотелых сидящих женщин с покатыми плечами и опущенными вниз руками, что указывает на их принадлежность к первому варианту терракот второго типа. Нередко на фигурках черной росписью передано ожерелье или роспись в виде различных заштрихованных фигур нанесена на плечи и бедра. В слоях обнаружены также зооморфные фигурки и терракотовые пряслица.

Среднеэнеолитические комплексы обеих территориальных групп обнаруживают тесную связь с раннеэнеолитическими традициями почти по всем основным видам объектов. Так, в комплексах типа Намазга I находят прототипы терракотовые фигурки пышнотелых матрон с проработанными краской отдельными деталями, хотя их стоящая поза в пору среднего энеолита меняется на сидящую. Еще в большей степени это касается таких типов вещей, как каменные тесла, медные двулезвийные ножи и четырехгранные в сечении шилья-проколки, антропоморфные фигурки и глиняные статуэтки животных, усеченно-конические пряслица, а также основного формата сырцового кирпича, по крайней мере для восточной группы памятников, где хорошо изучена жилая архитектура, традиции однокомнатных домов, обнаруживающих, правда, в среднем энеолите тенденцию к сближению и слиянию в огромные домомассивы. Эти новшества в основном могут быть объяснены эволюционным развитием.

Однако с керамическими комплексами дело обстоит более сложно, особенно для западных памятников, где ведущая группа посуды с полихромной росписью типа Намазга II на первый взгляд резко отличается от расписной керамики типа Намазга I. Поэтому первые исследователи анауской культуры считали, что посуда с полихромной росписью находится вне основной линии развития керамики обитателей Анау, являясь импортом из более культурного центра (Schmidt H., 1908, p. 130). Позднее указывалось на почти одновременное появление полихромной керамики в Средней Азии и в Белуджистане (Mc. Cown D. E., 1942, p. 58, com. 109) и даже говорилось о прямом белуджистанском влиянии на Анау (Piggott S., 1946, p. 20; 1952, p. 75). Ж. М. Касаль, опираясь на свои раскопки поселения Мундигак в Южном Афганистане, считал полихромную Намазга II вариантом стиля Кветта, распространенного на юге Афганистана и в Северном Белуджистане, причем сам стиль Кветта, по мнению исследователя, складывался на основе стиля керамики Сузы II (Casal J. M., 1961, p. 100). Наоборот, советские исследователи на основании новых материалов обычно подчеркивают тесную связь анауской полихромии с местными традициями (Куфтин Б. А., 1954, с. 28; Массон В. М., 1956а, с. 310—311; Хлопин И. Н., 1969, с. 50). Раскопки самых ранних горизонтов времени Намазга II, таких, как слои Кара 5—7, показали, что здесь основная масса посуды с черной росписью по красному фону, и тонкостенная, и тол-

стенная, продолжает традиции керамики типа Намазга I. Принципиально новой является лишь группа тонкостенных сосудов с полихромной росписью, численность которых постепенно возрастает. Детальный анализ показывает, что целый ряд орнаментальных мотивов и композиционных решений, присущих полихромной керамике, генетически связан с традициями расписной керамики типа Намазга I (Массон В. М., 1962в, с. 20). Это касается композиций типов 8Б, 10Б, 15А, 15Б, 18. Основное отличие, помимо общей измельченности орнамента, заключается в том, что треугольник как важнейший элемент орнаментальных схем не контурный, а заполнен сеткой или косой штриховкой, что впервые, правда, в единичных случаях, отмечается для поры Намазга I. Однако такая преемственность пока может быть прослежена лишь в общей форме. Сам прием употребления двухцветных рисунков, причем именно роспись красным и черным, как в полихромной керамике Намазга II, характерен для настенной росписи Средней Азии поры раннего энеолита (Анау, Яссыдепе) и даже неолита (Песседжикдепе), но процесс распространения его на посуду остается не вполне ясным. И. Н. Хлопин предполагает, что усовершенствование горна позволило обжигать посуду, окрашенную в две краски (Хлопин И. Н., 1969, с. 50), но специальным изучением режима теплотехники это предположение пока не подтверждено. Очевидно, полихромия Намазга II в первую очередь следует рассматривать как ступень совершенствования местной керамической продукции.

Из числа отдаленных аналогий, помимо самых общих месопотамских (Массон В. М., 1962в, с. 21), интерес представляют аналогии монохромной керамики Намазга II, особенно рисунков козлов, с эламским комплексом Джови, предшествовавшим керамике Сузы I. Правда, эти аналогии носят общий характер и могут свидетельствовать лишь об отдаленных культурных связях, но не о происхождении всего среднеазиатского комплекса в целом. Однако весьма показательно принципиальное отличие рисунков козлов на центральноиранском памятнике Сиалк как от эламских, так и от среднеазиатских. Это может указывать на особое направление среднеазиатско-эламских связей, миновавших центральные области Ирана. Особый интерес представляет обнаружение керамики с полихромной росписью типа Намазга II, причем в ее раннем проявлении, на поселении Тали-Иблис в Кермане, в слое Иблис IV, датированном автором 3600±300 гг. до н. э. (Caldwell J. R., 1967, p. 144—145, 182). Сходство велико, но в целом керамический комплекс Табли-Иблис отличен. Возможно, речь может идти об импорте особо нарядной посуды, как это, видимо, имело место в Геокюрском оазисе, но в данном случае территориальная разобщенность памятников слишком значительна. К сожалению, стратиграфия Тали-Иблис, где зафиксированы в основном мусорные отвалы, а не строительные горизонты, в целом недостаточно четка, что затрудняет решение этого вопроса.

Что касается керамического комплекса ялангачского типа, то, как убедительно показал И. Н. Хлопин, он закономерно вырастает на основе традиций раннеэнеолитической расписной керамики, хотя и выступает в упрощенном варианте (Хлопин И. Н.,

1960а, с. 161—164; 1969, с. 32—35). Это относится и к посуде с росписью параллельными линиями вдоль венчика, и к посуде типа пятого слоя поселения Геокюр 1. Последняя отражает ту же тенденцию, что и керамика типа Намазга II западных областей, — замену контурных геометрических фигур фигурами с сетчатым или полосчатым заполнением. И. Н. Хлопин склонен объяснять это воздействием на керамическое искусство поселений восточной группы керамики типа Намазга II (Хлопин И. Н., 1969, с. 34). Но это могла быть и общая для региона в целом тенденция, тем более что подобное явление на памятниках восточной группы зарождается уже на финальных этапах раннего энеолита (Хлопин И. Н., 1963а, табл. XIX, 7). Вопрос о внесреднеазиатских связях среднеэнеолитических комплексов восточных памятников менее ясен. На начальном этапе их изучения были отмечены аналогии посуды типа пятого слоя Геокюр 1, особенно такого мотива, как ряды ромбов с косой штриховкой, с керамикой северного Убеида и комплекса Сиалк II (Массон В. М., 1962б; 1964в, с. 417—418). С убейдскими воздействиями связывалось и распространение в восточной группе памятников круглых в плане домов, характерных именно для северного Убеида, воспринявшего в этом отношении халафские традиции Северной Месопотамии. И. Н. Хлопин предпочитает видеть в посуде типа пятого слоя Геокюр 1 исключительно местную продукцию с возможным влиянием лишь западного комплекса типа Намазга II (Хлопин И. Н., 1964в; 1969, с. 34). Однако такой весьма специфический мотив, как ряды ромбов с внутренней штриховкой, в керамике Намазга II отсутствует, и полностью исключать какое-то отдаленное воздействие на Среднюю Азию убейдской традиции, сыгравшей большую роль в истории культуры Ближнего Востока, не приходится. Месопотамские аналогии могут быть отмечены и для отдельных среднеэнеолитических терракот (Массон В. М., Саруаниди В. И., 1973, с. 13).

При сравнении комплексов западной и восточной групп поселений следует учитывать, что на последних благодаря широким раскопкам в Геокюрском оазисе ассортимент известных изделий разнообразнее. Однако показательно, что при раскопках поселения Елендепе в западной группе памятников обнаружен круглый очаг, идентичный очагам Айнадепе и Геокюра 7. Вместе с тем керамические комплексы западной и восточной групп, хотя и формируются на основе общей раннеэнеолитической традиции, существенно отличаются. Различия посуды типа Намазга II и керамики ялангачского стиля позволяют заключить, что в это время культурные различия уже столь велики, что можно говорить о формировании в рамках единой анауской культуры двух локальных вариантов. Характерно и постоянное присутствие в памятниках восточной группы керамики явно западного типа, прежде всего посуды с полихромной росписью. Ее детальный анализ показывает, что при определенном своеобразии в целом она практически идентична западным образцам (Массон В. М., 1962в, с. 19—20). Возможно, что это — свидетельство продолжающейся инфильтрации населения из западных областей, приведшей в пору раннего энеолита к возникновению Геокюрского оазиса.

Глава четвертая

Памятники позднего энеолита

По разработанной системе периодизации в Средней Азии к позднему энеолиту относятся комплексы времени Намазга III, значительно различающиеся в своих территориальных проявлениях. Материалы этого периода не были отмечены в ходе работ американской экспедиции на Анау и впервые выделены стратиграфически четко при шурфовке Намазгадепе Б. А. Куфтиным (*Куфтин Б. А.*, 1954). В дальнейшем широкими раскопками выявлено значительное культурное своеобразие западной и восточной групп памятников, специально изучавшихся в 1955—1963 гг. После 1963 г. позднеэнеолитические наслоения раскапывались в основном в стратиграфических шурфах на Улугдепе и Алтындепе.

Для позднеэнеолитического комплекса в целом характерны: поселения всех трех типов, многокомнатные строения из сырцового кирпича (45×24×10 и 42×22×11 см), коллективные захоронения в специальных гробницах, женские статуэтки четвертого типа, терракотовые усеченно-конические пряслица, терракотовые навершия шаровидной и биконической форм, медные двулезвийные черешковые ножи, круглые зеркала без ручек и булавки с лапачковидной головкой, биконическая чаша как ведущая форма и биконические миски, горшки и кубки как типичные формы, композиции росписи типов 5Б, 8Б, 8А, 10Б, 21А и фигура многоступенчатого креста или его части в виде полукреста или четверти креста как основные элементы росписи. Если перечисленные особенности показательны для керамики позднего энеолита в целом, то в пределах территориальных групп распространена посуда двух разных стилей — на западе карадепинского, а на востоке — геоксюрского, причем каждая со своим собственным устойчивым сочетанием форм, композиций и элементов орнамента, которые будут охарактеризованы при описании этих памятников.

Стратиграфическое положение позднеэнеолитических комплексов определяется достаточно четко как на востоке, так и на западе. В западной группе памятников в шурфе 1 на Намазгадепе соответствующие напластования составляют 2,5 м, подстилаются слоями с материалом Намазга II и перекрываются слоями с материалом Намазга IV. В шурфе 2, судя по имеющимся публикациям, слои с материалом Намазга III мощностью 9 м лежат на материке, занимая наслоения ярусов XIX—XXXVI (*Куфтин Б. А.*, 1956, с. 266; *Массон В. М.*, 1956а, с. 299). Просмотр материалов в фондах музея показал, что керамика из ярусов XXIII—XXVII (2,5 м) действительно принадлежит комплексу Намазга III, а материал более нижних ярусов в собраниях вообще отсутствует. Возникают сомнения, был ли докопан шурф до указанной глубины, тем более что мощность напла-

стований, равная 2,5 м, соответствует толщине слоев Намазга III, отмеченных в шурфе 1. На Карадепе в шурфе 1 соответствующие наслоения составляют 3,5 м (ярусы I—VII), а на раскопе 2 — 2,5 м (ярусы IX—XIII), причем в ярусе XIII обнаружена посуда типа раннего Намазга III или Кара 1Б по установленной на раскопе 1 стратиграфии, где материалы собственно Намазга III занимали горизонт 1А (*Массон В. М.*, 1960б, с. 326—328). Во всех случаях на Карадепе ниже этих горизонтов идут наслоения с материалом типа Намазга II. Наконец, позднеэнеолитические напластования отмечены еще на двух памятниках западной группы — на Акдепе у Ашхабада, где они занимают десятый строительный горизонт (*Марушенко А. А.*, 1956; *Дурдыев Д.*, 1959, с. 8—10), и на Карадепе у Кашута, где в шурфе пройдено 1,5 м с материалом типа Намазга III, но горизонты с материалами типа Намазга II не достигнуты (*Щетенко А. Я.*, 1968а, с. 24—26). Можно заключить, что в западной группе памятников мощность позднеэнеолитических напластований в точно документированных колонках составляет от 2,5 до 3,5 м и что вполне четко выявляется ранний этап формирования этого археологического комплекса.

Достаточно определенно стратиграфическое положение позднеэнеолитических слоев и в восточной группе памятников. Так, на поселении Геоксюр 1 они составляют 2,25 м, занимая первый — третий горизонты в стратиграфическом шурфе (*Сарианиди В. И.*, 1960б, с. 270—271). В третьем горизонте расписная керамика полностью отсутствует, а ниже идут горизонты с керамикой ялангачского типа. На Чонгдепе позднеэнеолитические слои составляют 2,5 м (ярусы I—V) и подстилаются наслоениями с материалом времени Намазга II (*Адыков К. А.*, *Массон В. М.*, 1960с, с. 59—61). На поселении Хапуздепе, находящемся к югу от поселений Геоксюрского оазиса, позднеэнеолитические слои толщиной около 1 м (ярусы XIV—XIII) лежат на материке и перекрыты горизонтами с материалом типа Намазга IV (*Сарианиди В. И.*, 1964, с. 62). Около 1,5 м достигает позднеэнеолитический слой на поселении Илгылыдепе, где он пройден в двух шурфах (*Ганялин А. Ф.*, 1959, с. 20; *Бердыев О. К.*, 1971, с. 10). На поселении Улугдепе соответствующие материалы отмечены в двух строительных горизонтах — пятом и шестом, причем в последнем встречены единичные фрагменты керамики ялангачского типа (*Сарианиди В. И.*, 1971, с. 433—434). Наконец, детальное изучение стратиграфии Алтындепе показало, что там позднеэнеолитические напластования мощностью от 3,5 до 6,0 м занимают промежуточное положение между наслоениями времени среднего энеолита с керамикой ялангачского типа и слоями,

содержащими материалы типа Намазга IV (*Массон В. М.*, 19776). На Алтындепе установлена и детальная периодизация, характеризующая развитие позднеэнеолитического комплекса восточной группы памятников (горизонты Алтын 14 — Алтын 9). Многочисленные находки керамики геоксюрского типа на Карадепе и карадепинского типа на Геоксюре, Чонгдепе и Алтындепе позволяют надежно коррелировать стратиграфию западной и восточной групп памятников.

В западной группе наиболее полно изучено поселение Карадепе у Артыка, давшее исключительно обильный и разнообразный материал, пока опубликованный частично (*Массон В. М.*, 1960б, 1962 г.). Именно здесь был выделен ранний этап позднеэнеолитического комплекса, обозначенный как Кара 1Б. Соответствующий ему материал обнаружен на раскопе 1, в разведочных шурфах на раскопах 2 и 4, а также на раскопе 5, где напластования этого типа подстилают вскрывавшиеся строения. На территории двора А в раннее время располагалась мусорная свалка, давшая в изобилии керамику типа Кара 1Б. Эта керамика использовалась также для облицовки стен хранилищ, существовавших на раскопе 5 в пору Кара 1А. На раскопе 1 соответствующий материал представлен погребениями, впущенными в слой Кара 2. Могилы одиночные, иногда обложены и перекрыты сырцовым кирпичом. Захоронения в основном совершались в скорченном положении на правом боку, головой на юг или юго-запад с небольшими отклонениями. В погребениях в основном встречаются один-два глиняных сосуда, бусы, реже — медные булавки с лопаточковидным навершием и пряслица. Бусы располагались на шее и у плеч (ожерелье или обшивка одежды), а также в виде браслета на левом запястье. На одном из участков отмечена концентрация детских погребений.

Основные отличия комплекса Кара 1Б как устойчивого набора археологических типов заключаются в керамике, так как пряслица, медные изделия и бусы здесь по существу такие же, как и в слое Кара 1А. Для керамики комплекса Кара 1Б ведущей формой является полусферическая чаша (рис. 3, 1), типичны также биконические чаши, кубки, миски и горшки (табл. XIX, 16—32). Сосуды имеют примесь мелкорубленого самана в тесте, тяжеловесны. Часть из них серого цвета, обычно с лощеной поверхностью, иногда украшенной процарапанным орнаментом. Роспись производилась темно-коричневой краской по зеленовато-белому и много реже — по красному фону. Среди композиций представлены односторонние (1Б, 10Б, 15Б) и двусторонний бордюры (тип. 14). Из элементов композиции распространены многоступенчатые кресты с помещенными внутрь ромбовидными фигурами с различным заполнением, пирамидки из трех и большего числа треугольников, косые зубчатые линии и косые полосы с внутренней горизонтальной штриховкой, перекрещенной одной-двумя вертикальными полосами. Судя по отдельным фрагментам, имеются изображения козлов и птиц, правда, сравнительно редкие, а изображения пятнистых животных, столь характерные для керамики Кара 1А, отсутствуют.

В наиболее значительных масштабах на Карадепе изучен слой развитого Намазга III или Кара 1А.

В это время, как и в среднем энеолите, Карадепе было поселением второй группы, т. е. сравнительно крупным центром, занимавшим около 15 га. В плане оно представляло собой сдвоенные овалы, причем в пору позднего энеолита в равной мере были обжиты западная и восточная его части. В восточной части холма был заложен раскоп 2, но, несмотря на значительную его площадь (400 кв. м), расчищены лишь маловыразительные остатки строений. Из пяти вскрытых небольших помещений в двух имеются вкопанные в пол сосуды, лишенные дна и использовавшиеся как отопительные очаги, что позволяет считать данные помещения жилыми. В восточной части поселения строения верхнего слоя расчищены на площади около 5500 кв. м. Здесь выявлена достаточно выразительная картина застройки раннеземледельческого поселка (табл. XX). Правда, остался неясным вопрос о характере оформления внешнего края поселения. Заложенный на юго-восточном склоне холма с целью решения данного вопроса раскоп 3 не дал в этом отношении каких-либо конкретных результатов: судя по всему, край позднеэнеолитического поселения разрушен оплывом тепе. Зато весьма выразительной оказалась планировка вскрытых здесь жилых строений. Они принадлежали многокомнатному жилому дому, в состав которого входили как исходный планировочный элемент большая жилая комната с отопительным очагом и примыкающие к ней два-три небольших хозяйственных отсека. Стенки и пол последних были иногда облицованы фрагментами керамики (*Массон В. М.*, 1962 г, с. 165—166). Расчищенные части двух разных массивов разделяло незастроенное пространство шириной около 5 м — очевидно, улица.

Такой исходный планировочный элемент далее неизменно прослеживается в застройке Карадепе, образуя в сочетании со строениями других типов многокомнатные дома-массивы (раскопы 3—4). Интересно отметить, что остатки этих строений, составляя единый строительный горизонт, имеют разные высотные отметки, явно понижающиеся к краям Карадепе, т. е. постройки как бы «обтекают» холм, образованный более ранними руинами. Довольно сложно определение границ многокомнатных домов-массивов, обычно возводившихся впритык друг к другу. В ряде случаев наличие улочек или сплошных стен позволяет с достаточной уверенностью отделить один комплекс от другого. Важным моментом является и внутренняя планировочная взаимосвязь отдельных помещений. К сожалению, не во всех случаях удается с достоверностью установить дверные проемы, которые нередко имели пороги высотой до 40—50 см.

Всего на участке раскопа 3—4 можно выделить ряд многокомнатных домов-массивов. Первый включал примерно 20 помещений (помещения III, 1—17) и с западной стороны был огражден узкой улочкой. С других сторон его границы не могут быть четко прослежены, поскольку выходят на оплывший край холма. Здесь выделяются жилые комнаты с примыкающими к ним узкими подсобными строениями (помещения III, 1, 2 и III, 6, 3), представляющие собой типичный исходный планировочный элемент карадепинских домов. Отопительный очаг в полу помещения III, 1 был сделан из верхней части кухонного сосуда. Возможно, третья жилая комната

Рис. 3. Керамика Карадепе (1—3, 5—8) и Геокюра 1 (4)
 1, 2 — слой Кара 1Б; 3—6 — слой Кара 1А; 7—8 — слой Кара 2

находилась к югу от помещения III, 1, а к ней примыкало узкое хозяйственное помещение III, 5. Наконец, четвертой жилой комнатой этого дома было помещение III, 13 с отопительным очагом в виде овальной ямы в полу. К ней примыкал ряд небольших подсобных строений. Возможно, некоторые из них использовались не только обитателями данной комнаты, но и всем коллективом, проживавшим в многокомнатном массиве. Вероятно, к северу от помещения III, 13 находилась пятая жилая комната, чьим хранилищем было помещение III, 15.

Второй многокомнатный массив, согласно публикациям, состоял из помещений III, 18–23 (Хлопин И. Н., 1956, с. 44; Массон В. М., 1960б, с. 350), однако при завершении раскопок выяснилось, что к нему относятся также помещения III, 61 и III, 62 и двор ГIII, выходящий на центральную площадь всего поселения. Из этого двора проход вел в просторное помещение III, 62, судя по размерам и планировке жилое, с хозяйственными отсеками и небольшой пристройкой перед входом (помещение III, 61). Второй жилой комнатой является помещение III, 23 с обогревательным очагом и тремя подсобными помещениями (III, 20–22). Дом имел небольшой внутренний двор АIII. Третьей жилой комнатой с хозяйственным отсеком были скорее всего помещения III, 19 и III, 18. В свете раскопок 1963 г. к тому же дому-массиву следует относить помещения III, 28–34 и примыкавшие к ним помещения III, 56, III, 58, III, 72, ориентированные на обширный хозяйственный двор ГIII. В трех помещениях (III, 28–30) имелись очаги, что позволяет считать их жилыми, хотя помещение III, 30 скорее всего осуществляло эту функцию в комплексе с соседним помещением III, 31. Судя по размерам и характеру отделки, к числу жилых относится и помещение III, 34. Ранее уже высказывалось предположение, что помещение III, 33, аккуратно оштукатуренное, с выступом-пилястром у одной из стен, с выделенным позднее узким обходным коридором (помещение III, 32), также было жилым (Массон В. М., 1960б, с. 351). В рассматриваемом многокомнатном доме, таким образом, было всего восемь жилых комнат. К числу хозяйственных строений того же дома относятся помещения III, 56, небольшая каморка III, 72 и строение III, 58. Последнее — прямоугольная комната, перегороденная параллельными стенками на узкие отсеки, — в целом представляет собой уже упоминавшееся в предшествующей главе сооружение, определяемое как фундамент зернохранилища. Своеобразие рассматриваемого дома заключается в сравнительной редкости четкого повторения исходной планировочной единицы в виде сопряженных жилой комнаты и хозяйственного отсека или отсеков. Возможно, их функцию выполняли внутренний двор АIII и группировавшиеся возле него строения, но в таком случае следует допускать их общее использование всеми обитателями дома. Всего рассматриваемый дом включал 18 помещений.

К третьему многокомнатному дому можно отнести 12 помещений: III, 24–27 и III, 48–55. Однако следует учитывать, что дом раскопан не полностью, а его южная часть уничтожена поздней мусорной свалкой. В этом доме исходный планировочный элемент просматривается достаточно четко. Таковы

прежде всего большая жилая комната III, 25 с обогревательным очагом и соединенное с ней проходом узкое хозяйственное помещение III, 24. Вторым таким же элементом являются жилые помещения III, 48 и III, 50, а третьим и четвертым — помещения III, 53 и сохранившееся частично помещение III, 49, выходящее на хозяйственный двор БIII. В северной части двора расчищены параллельные отрезки стен — основание зернохранилища. Самое крупное помещение дома — III, 26 — имело перегородку, выделявшую небольшой коридорчик, поскольку оно само было проходным. Примечательно, что средняя часть южной стены этого помещения прокалилась от длительного воздействия огня. В его заполнении было много обгорелых балок. Здесь же обнаружена превосходно выполненная терракотовая «головка воина». Было бы соблазнительно видеть в этой комнате домашнее святилище, подобное позднеэнеолитическим святилищам Геоксюра и связанное с сильным и длительным воздействием огня, но здесь нет ничего похожего на овальный или прямоугольный очаг-алтарь, характерный для домовых святилищ Геоксюра и Чонгдпе. Судя по расположению подсобных помещений, шестая жилая комната этого дома могла находиться к востоку от помещения III, 48.

Четвертый дом-массив, вскрытый на раскопе 3, насчитывает 21 помещение (помещения III, 35–47, III, 59–60, 64–66, III, 68–70). От второго дома он был отделен своего рода междудомным пространством, заполненным рыхлым завалом с большим количеством битой керамики. Исходные плановочные единицы здесь выделяются достаточно четко. Такова прежде всего жилая комната (помещение III, 47) с небольшим отсеком перед входом, отопительным очагом и тремя подсобными помещениями (III, 46, III, 64, III, 65). Судя по размерам, второй жилой комнатой было помещение III, 68, частично разрушенное стратиграфическим шурфом 1952 г. Несколько подсобных строений тяготеют к третьему жилому помещению III, 41, также имевшему отопительный очаг. Четвертой жилой комнатой было помещение III, 42 с отопительным очагом, соединенное проходом с комнатой III, 43. Скорее всего пятой планировочной единицей являются помещения III, 37 и III, 38 (жилая комната, раскопанная частично). Рассматриваемый дом имел свой хозяйственный двор ВIII, где располагались основание зернохранилища и еще одно подсобное сооружение, получившее в ходе фиксации разных сезонов тройной номер (III, 35–36: III, 70).

Такова общая характеристика основных комплексов, вскрытых на раскопе 3. В целом они образуют весьма сложный планировочный лабиринт, разобраться в котором до конца не всегда удастся. Однако анализ позволяет выделить как исходный планировочный элемент каждого отдельного дома-массива жилую комнату и тяготеющие к ней подсобные строения, причем в каждом доме можно насчитать от четырех до восьми таких исходных планировочных единиц. Общим для всех домов является также наличие хозяйственного двора и оснований зернохранилищ.

Весь рассмотренный участок своим северным фасом выходил на обширную центральную площадь

карадепинского поселка. Здесь имеется ряд строений, планировка которых не вполне ясна из-за разрушений, причиненных мусорной свалкой и шурфом 1952 г. С запада площадь ограничивал многокомнатный дом-массив, вскрытый частично (помещения IV, 36—38, IV, 41). Северный край дома четко обозначен прямой улицей, выходившей на площадь и имевшей первоначально ширину 2 м. За ней располагались строения, расчищенные на раскопе 4, где отмечены два стратиграфических горизонта. Стены верхнего из них почти не сохранились, поскольку пол находился на глубине 15—20 см от современной поверхности. Тем не менее сделанные в этом слое находки очень ценны. Здесь обнаружены мраморная статуэтка быка и значительное число целых и фрагментированных сосудов, выточенных из белого и розового мраморовидного известняка. Поэтому было высказано предположение, что этот слой содержал остатки какого-то здания особого назначения (*Массон В. М.*, 1960б, с. 347). Второй горизонт дал уже вполне четкую планировочную систему сооружений, синхронных вскрытым на раскопе 3 постройкам. В первой публикации результатов работ 1956—1957 гг. все строения рассматривались как части двух многокомнатных домов-массивов. Однако обращало на себя внимание то обстоятельство, что на подквадратном участке, определенном как «двор», находился массивный прямоугольный очаг типа отсутствовавшего на раскопе 3. Широкими раскопочными работами в Геоксюрском оазисе было установлено, что аналогичные очаги характерны для культовых построек, обычно представлявших собой крупный подквадратный дом. В. И. Сарцианиди вполне обоснованно сопоставил с ними очаг раскопа 4 на Карадепе (*Сарцианиди В. И.*, 1962а, с. 48). Наконец, в специальной статье И. Н. Хлопин прямо высказал мнение, что в основном комплексе построек, вскрытых на Карадепе, мы имеем особый культовый центр (*Хлопин И. Н.*, 1971).

Судя по различным осям плана, основной комплекс насчитывал несколько этапов застройки. При этом исходным ядром были «дворы» AIV и BIV с внутренними очагами, из которых очаг в помещении AIV сохранился хуже, и примыкавшие к ним строения. По геоксюрским аналогиям эти «дворы» можно трактовать как святилища. Позднее возле них был возведен комплекс строений (помещения IV, 4, IV, 30—31 и IV, 35), оформлявших выход на улицу, и появился обширный хозяйственный двор BIV, в котором находилось основание зернохранилища. Вероятно, к комплексу, объединявшему святилища, следует относить и семь небольших комнаток, вытянутых вдоль утолщенной стены (помещения IV, 14, IV, 16—20, IV, 27). Связанные между собой ходами и имеющие общий вход, они скорее всего представляли собой хранилища стандартной величины. Отсутствие связывавших «длинный дом» со святилищами проходов естественно, поскольку это строения разного функционального назначения. Основная же группа строений на раскопе 4 при такой трактовке предстает как большой комплекс из двух святилищ, обширного хозяйственного двора и серии хранилищ, не считая прочих подсобных строений. Таким образом, перед нами — остатки весьма сложного сооружения — своего рода протохрамового комп-

лекса, объединявшего идеологическую и хозяйственную функции. Показательно и отсутствие в нем бытовых обогревательных очагов, характерных для жилых комнат.

К северу от этого комплекса вскрыта часть строения многокомнатного дома — пятого в восточной части карадепинского поселения. Здесь крупные комнаты, IV, 21—23 скорее всего были жилыми; некоторые из них снабжены обогревательными очагами. Рядом с помещением IV, 23 располагался узкий хозяйственный отсек. Не исключено, что участок, обозначенный как помещение IV, 26, в действительности был двориком или междудомным пространством. Остатки шестого многокомнатного дома-массива, относящегося к слою Кара 1А, но очень плохо сохранившегося, выявлены в восточной части Карадепе на западном участке раскопа 1. Здесь четко выделяется исходный планировочный элемент — большая жилая комната с отопительным очагом в виде верхней части кухонного котла в полу и примыкающее к ней узкое длинное помещение.

Позднеэнеолитические погребения на Карадепе обнаружены в ряде мест и в различном стратиграфическом положении. По этим признакам они объединяются в три достаточно четкие группы: обособленный могильник на раскопе 1; погребения на территории поселка, расположенные в одном стратиграфическом горизонте с описанными строениями; погребения, залегающие ниже уровня полов раскопывавшихся построек. Могильник на раскопе 1 относится ко времени Кара 1Б. Он частично охарактеризован выше. Строения того же времени здесь отсутствуют, а могилы впущены в слой Кара 2. Лишь в юго-западной части раскопа 1 зафиксировано несколько построек времени Кара 1А, частично перекрывавших некоторые могилы. Таким образом, в пору Кара 1Б на территории раскопа 1 находилась оплывшие руины построек среднего энеолита (Кара 2). Судя по высотным отметкам, это была самая высокая часть Карадепе и именно она была выбрана для обособленного кладбища. В расположении захоронений прослеживается тенденция к размещению рядами, тянущимися с северо-запада на юго-восток, соответственно осям большинства строений.

Вместе с тем подобный обособленный могильник времени Кара 1А пока не обнаружен. Отдельные захоронения, расчищенные выше полов описанных строений, скорее всего были совершены уже в период запустения домов. Исключение составляют лишь коллективные гробницы. Возможно, к их числу принадлежат небольшие, отдельно стоящие подквадратные в плане строения, обнаруженные во дворе на раскопе 5. В одном из них найдены три целых сосуда и два человеческих зуба. Более определенно можно охарактеризовать гробницу, вскрытую на раскопе 4 к северу от культового комплекса. Это прямоугольная камера размерами 2,6×2,2 м, возведенная из сырцового кирпича. Камера оказалась разрушенной, ее расположение близко от дневной поверхности ухудшило сохранность костного материала. Все кости находились в перемещенном состоянии, но, судя по черепам, здесь было захоронено 23 взрослые особи. В южной части камеры имелось свободное пространство, возможно, специально

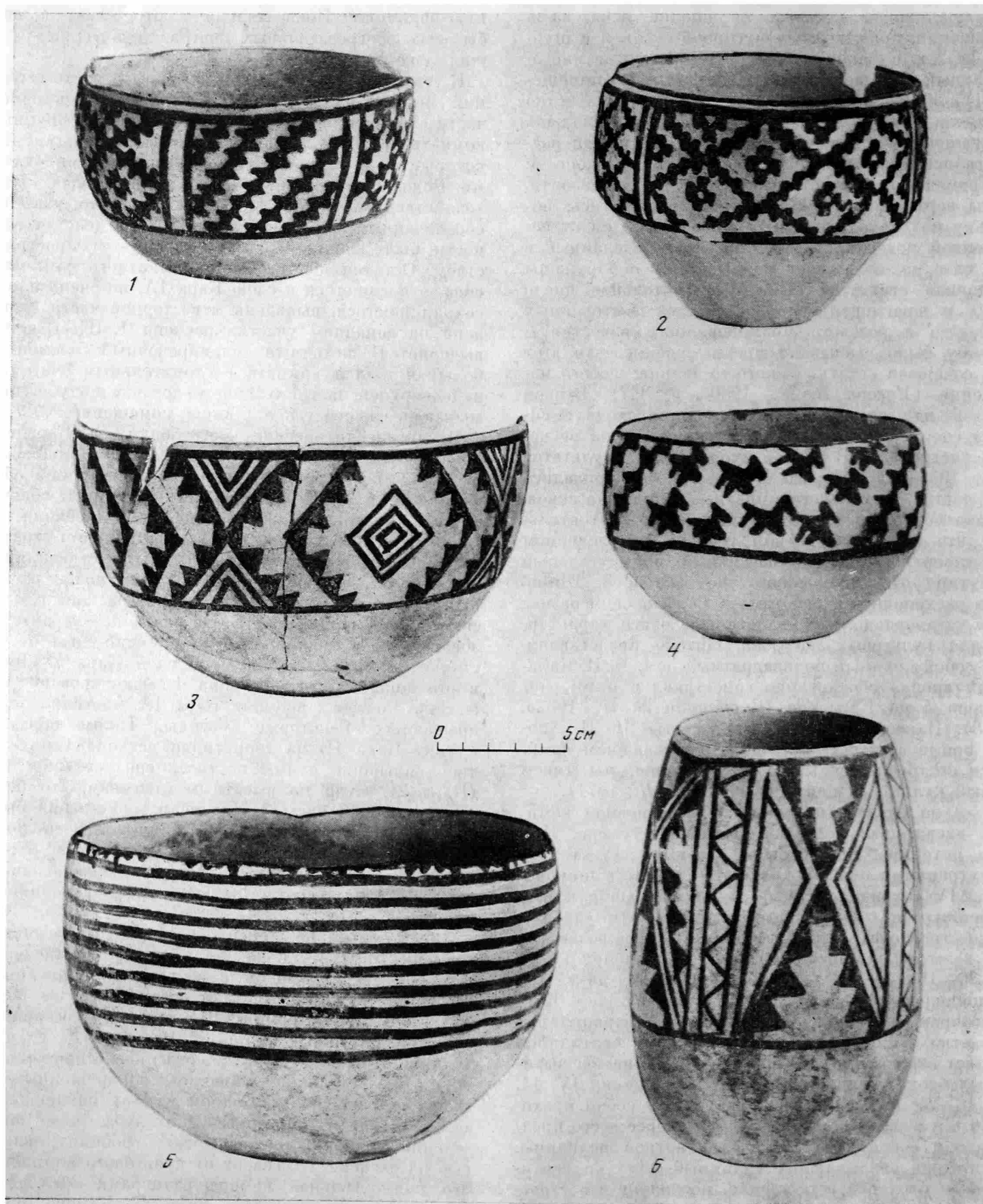

Рис. 4. Позднеэнеолитическая керамика Карадаге
1—5 — слой Кара 1Б; 6 — слой Кара 1А

Рис. 5. Керамика слоя Кара 1Б поселения Карадепе (1—10)

освобожденное для заключительного погребения, которое почему-либо не было совершено. В гробнице обнаружено 17 глиняных сосудов (3 серых и 14 расписных) и 3 каменных, каменные бусины и медная булава с лопаточковидным навершием. У внешней грани восточной стены найдена терракотовая статуэтка, изображающая сидящую женщину с ползущей по бедру змеей. Показательно, что в гробницы эпохи бронзы, открытые у восточной стены Алтындепе, также помещались женские статуэтки, возможно, с ритуальными целями. Погребения третьей группы, располагавшиеся ниже полов вскрытых домов, как правило, совершены в скорченном положении на левом боку, головой на юг. Погребальный инвентарь их представлен одиночными глиняными сосудами и бусами.

Перейдем к рассмотрению обнаруженных в позднеэнеолитических наслоениях Карадепе археологических объектов, среди которых первое место занимает специфический керамический комплекс (табл. XXI, 25–50). Керамика карадепинского стиля характеризуется использованием в монохромной росписи густой краски, дающей на поверхности заметный на ощупь рельеф, темно-коричневой росписью по зеленовато-белому и реже — красному фону и редкой полихромной росписью темно-коричневым и красновато-малиновым, серой керамикой, украшенной иногда нарезным орнаментом. Ведущей формой является полусферическая чаша, распространены также сферические и биконические чаши, миски, кубки и горшки. В композициях росписи преобладают односторонние бордюры (2, 5Б, 8Б, 10Б, 19, 21Б) и односторонние сетки (5А, 5В, 8А, 10А, 15А, 21А), по имеются и двусторонние сетки (16, 20). Характерными элементами орнамента являются многоступенчатые кресты обычно измельченного рисунка, их элементы, а также изображения козлов, пятнистых животных, идущих птиц, орлов с распростертыми крыльями.

Карадепинская коллекция керамики, представленная значительным числом целых образцов (рис. 4, 1–5; 5, 1–10), позволяет полно охарактеризовать гончарное производство этого времени. Наиболее яркой и хорошо поддающейся анализу группой является расписная керамика. Обычно роспись образует фризы на внешней стороне сосудов, оставляя незакрашенной их нижнюю часть. Расписывались миски конической, сферической, биконической и цилиндрической форм, полусферические, сферические и биконические чаши и кубки, конические, сферические, биконические и цилиндрические горшки, а также сосуды в форме кувшина с выделенным, но еще невысоким горлом. Уникальна полусферическая чаша, очевидно, специального назначения, по краю которой расположены четыре птицеобразные головки людей, повторяющие аналогичные мотивы росписи и терракоты. Геометрические сюжеты росписи, как и крестообразные фигуры, преимущественно измельчены: пестрота рисунка подчеркивается нанесением на линии, образующие основной рисунок, поперечных черточек. Несколько отличаются в этом отношении сосуды с полихромной росписью, по гамме близкие керамике геоксюрского стиля, а по орнаментации резко от них отличные. Из элементов, имевших, видимо, более сложную семантику, чем простая

геометрия, отметим круг, обычно трактуемый как солярный символ и представленный на карадепинской керамике с точкой посередине (чаще всего) или с зубчатой короной (реже).

Специфической особенностью рассматриваемого керамического комплекса являются зооморфные мотивы росписи. Это изображения козлов, причем отмечается три их варианта. Первый — профильные изображения животного с бородой, резко загнутыми рогами и длинным хвостом, нередко создающим впечатление трехногой фигуры. Степень схематизации этих рисунков различна, но в основном они весьма реалистичны. Ко второму варианту относятся профильные изображения животных с прямой спиной и сравнительно коротким, опущенным вниз хвостом, что придает фигуре прямоугольные очертания. Особняком стоит изображение кормящей козы с Чонгдепе с поднятым вверх хвостом. Третий, крайне редкий вариант представляет собой изображение козла, воспроизводящее все четыре ноги в противовес профильной манере, что скорее всего является данью среднеэнеолитическим традициям. Количество преобладают рисунки пятнистых животных, которых, учитывая генетический аспект и ряд специфических деталей, можно считать барсамп, хотя чаще всего они сильно схематизированы. Большинство рисунков передает спину животного плавной скругленной линией, реже фигура имеет геометризированные очертания. Хвост обычно длинный, изгибается вдоль туловища, ноги имеют на конце три отростка (когти?). Голова животного, как правило, не выделена, две черточки или два треугольника изображают уши, такими же треугольниками или усиками переданы челюсти. Довольно часты изображения птиц. Они, как и фигуры козлов, силуэтные, в основном встречаются в сочетании с солярными кругами. Редкие фигуры орлов также даны в профиль, в геральдической позе, с распростертыми крыльями. Кроме того, имеются изображения различных трудно отождествляемых существ типа птица-козел (Массон В. М., 1960б, табл. XXI, 4). Интересно распределение фрагментов керамики с зооморфными изображениями по раскопам (табл. 4).

Таблица 4. Распределение керамики с изображениями животных и птиц на Карадепе

Место и размер раскопов	Козлы	Барсы	Птицы	Орлы
Раскоп 4 (около 1200 кв. м.)	59	80	9	4
Раскоп 5 (850 кв. м.)	69	36	32	—
Раскоп 3 1963 г. (600 кв. м.)	139	164	62	4
Итого, %	37,5	44,5	17	1

Следует иметь в виду, что и сама расписная керамика составляет в среднем около 20% всей глиняной посуды, хотя в археологических исследованиях она рассматривается в первую очередь как четкий индикатор изменений различного рода. Среди нерасписной керамики представлены крупные полусферические чаши и конические миски. Сосуды, использовавшиеся в качестве кухонных котлов, имели сферическую форму и небольшой слив. Своеобраз-

ными переносными котлами был, видимо, сосуды с примесью в тесте дресвы, от которых сохранились крупные ножки. Имеются и высокие ножки от сосудов типа ваз. Серая керамика (табл. XXI, 41, 42, 44—50) с лощеной поверхностью и сравнительно редким процарапанным орнаментом представлена биконическими мисками и горшками. Последние иногда имели высокую ножку или поддон. Найдены также серые полусферические чаши и сферический кубок. Один из фрагментов с частыми сквозными отверстиями принадлежит сосуду типа ситечка, на другом помещен зигзагообразный налеп, возможно, воспроизводящий змею.

Типичными для позднеэнеолитического комплекса Карадепе являются сосуды, выточенные из белого или розоватого мраморовидного известняка (табл. XXI, 20, 22—24). Наиболее характерная их форма — приземистые горшочки с невысоким горлом и резко отогнутым наружу венчиком. Имеются также конические и полусферические чаши и высокие сосуды с гофрированными стенками, выглядевшие особенно парадно.

Терраотовые статуэтки рассматриваемого комплекса представлены антропоморфной и зооморфной скульптурой. Из них женские статуэтки относятся к третьему типу, воспроизводящему сидящую фигуру с изящной плавной линией ног и бедер, в которых в отличие от второго типа нет гипертрофированной тяжеловесности. Ноги, как правило, разделены процарапанной линией, исходящей из вершины треугольника, нацарапанного в нижней части живота. Роспись сравнительно редка; ее постепенно заменяют резные линии и различного рода налепы. Могут быть выделены два варианта этого типа: с изображением рук и груди, с тяжелыми подпрямоугольными плечами; с воспроизведением в верхней части фигурки лишь одной головы. Головы обычно имеют клювовидный профиль. Иногда изображалась падающая коса (или косы); нередко по обеим сторонам головы имеются эсвидные подвески. Ожерелья передапы налепами, краской или процарапанными линиями. Мужские статуэтки сравнительно редки и представлены двумя вариантами — сидящими и стоящими (табл. XXI, 12, 14). Первые весьма схематизированы, вторые изображают фигурки с тяжелыми подквадратными плечами и длинной узкой бородой, исходящей двумя прядями. С затылка на спину спускается узкая коса, небольшая шапочка окрашена в черный цвет. Видимо, к числу фигурок этого типа принадлежит и превосходно выполненная «головка воина» (табл. XXI, 15) со спускающейся с макушки витой косой, с узкой двупрядной бородой, в головном уборе типа шлема. К группе антропоморфных терракот относятся и схематизированные лепные фигурки, как правило, необожженные.

Коллекция зооморфных терракот с Карадепе также довольно многочисленна. Одна из фигурок с росписью пятнами, возможно, изображает пятнистую корову. Мелкие, наспех вылепленные фигурки в основном, видимо, изображают мелкий рогатый скот, в одном случае, судя по загнутому вверх хвосту, — собаку, в другом — кабана или свинью. Семантически близка терракотам и мраморная фигурка быка, тяжеловесного и неуклюжего, во многом свиноподобного, у которого по существу лишь

рога и длинный хвост определяют принадлежность его к этому виду животных.

Число медных изделий в позднеэнеолитических слоях Карадепе невелико. Это четырехгранные пробойники или шпилья, обломок двулезвийного ножа, несомкнутый браслет, булавки с лопаточковидными навершиями, небольшое кольцо и долото совкообразной формы. Костяные изделия также немногочисленны: шпилья-проколки и кочедыг для плетения циновки. Из песчанки изготовлялись зернотерки, ступки, куранты, подпятники, кольца-утяжелители для палок-копалок, плоские диски с ручкой (так называемые гири) и шары, опоясанные желобком и бывшие, возможно, грузами, использовавшимися при ткацких работах. Украшения, помимо медных, представлены бусами несложных форм, изготовленными в основном из гипса, а также из сердолика и бирюзы. Гипсовые наборные ручные браслеты состояли из плоских бусы разных геометрических очертаний. Впервые появляются в энеолитических комплексах Средней Азии и печати-амулеты, имевшие отверстие для подвешивания. Они вытачивались из нетвердых пород камня и имели рисунок, повторяющий характерные для расписной керамики мотивы, — крест в части многоступенчатого креста.

Помимо самого Карадепе, позднеэнеолитические памятники западной группы изучены слабо. На Акдепе под Ашхабадом к этому времени относится десятый горизонт юго-восточного раскопа (*Дурдыев Д.*, 1959, с. 8), содержащий керамику (табл. XIX, 1—6) карадепинского стиля (*Сарианиди В. И.*, 1976, с. 101, рис. 5), в том числе также характерные формы, как полусферическая чаша, биконическая миска и сферический горшок с дробной геометрической орнаментацией и рисунками пятнистых животных. Интересен почти целый сосуд на трех ножках с этого памятника. На Карадепе найдены лишь фрагменты этого типа посуды. Судя по опубликованным американской экспедицией черепкам (*Массон В. М.*, 1962в, табл. VI, 1—3, 9), на северном холме Апау имелся слой с посудой типа Кара 1Б. На Намазгадепе соответствующие слои пройдены лишь в шурфах, в одном из которых отмечены строительные остатки (*Ганялин А. Ф.*, 1956а, с. 53). Нахождение материалов Намазга III в шурфе 1, в перемещенном состоянии в шурфе 5 («в хаузе») и на южной окраине памятника (шурф 2) свидетельствует о том, что Намазгадепе существовало уже как крупное поселение, ставшее в подгорной полосе наиболее значительным центром. В шурфе 1 встречены керамика типа Кара 1Б и столь же яркий комплекс типа Кара 1А (табл. XIX, 7—15) с присущими ему элементами росписи, рисунками козлов и пятнистых животных (*Ганялин А. Ф.*, 1956а, рис. 9, 10; *Массон В. М.*, 1956а, табл. XXVIII). В коллекциях представлены также черепки с изображением птиц и с полихромной орнаментацией того особого вида, который известен и на Карадепе. В шурфе 2, судя по музейным коллекциям, в ярусе XXVII имеются фрагменты керамики типа Кара 1Б, тогда как выше, вплоть до яруса XXIII включительно, идет фрагментированная, но достаточно выразительная керамика типа Кара 1А. Помимо чисто геометрической орнаментации, здесь имеются солярные круги и фигуры козлов. Материал яруса XXII типологически трудно

определим, поскольку на материалах западной группы памятников критерии различия позднего Намазга III и раннего Намазга IV пока слабо разработаны.

Обратимся к восточной группе памятников, где отмечено четкое культурное единство, начиная с поселения Улудеде у Душака и вплоть до Геокюрского оазиса. Начнем с наиболее изученного эпонимного памятника, каким является Геокюр 1 (*Сарианиди В. И.*, 1959б; 1960б; 1965б; 1966). Он занимает площадь около 12 га и по этому показателю принадлежит к числу поселений второго типа. Строения в широких масштабах изучались здесь на раскопе 1, где на протяжении 55 м прослежена магистральная улица (рис. 2, 2) шириной 1–2 м с отходящими от нее небольшими проулками. Всего на раскопанном участке намечается не менее пяти домов-массивов, разделенных такими улочками, но не один из них полностью не вскрыт. По данным аэрофотосъемки, деление на дома-массивы прослеживается и в микрорельефе памятника.

Достаточно полно изученный жилой комплекс насчитывает не менее 14 помещений (*Массон В. М.*, 1964в, с. 320), а согласно другому толкованию — даже не менее 16 (*Сарианиди В. И.*, 1965б, с. 9). Здесь прежде всего обращает на себя внимание наличие той же исходной планировочной единицы, которую мы наблюдали на Карадепе. Это сравнительно крупная жилая комната с отопительным очагом и примыкающее к ней узкое подсобное строение. В наиболее хорошо изученном доме-массиве было не менее шести таких жилых комнат. Был здесь и небольшой хозяйственный дворик, в котором в специальном небольшом помещении рядом находились два кухонных очага. Особенно примечательно наличие здесь особого помещения специализированных функций, отсутствовавшего в карадепинских домах. Оно располагалось обособленно, имело отдельный вход со двора и следы длительного воздействия огня. Аналогичные помещения были и в других раскопанных комплексах. Они имели на полу очаг-алтарь в виде небольшого круглого керамического диска с невысоким бортиком и овальным отверстием в центре. Иногда в этих помещениях встречались каменные курильницы и обгоревшие человеческие кости. Видимо, это небольшие домашние святилища, входившие в состав каждого многоквартирного дома, но иногда располагавшиеся рядом с коллективными гробницами. Все они как-то связаны с действием огня, заполнены обугленным хворостом, обгоревшими глиняными блоками. В двух случаях очаг-алтарь с овальным отверстием в центре имел прямоугольные очертания, что явно сближает его с очагами-подпумами среднего энеолита. В одном из многоквартирных домов раскопана двухкамерная гончарная печь, состоявшая из расположенных рядом топки и обжигательной камеры. В наиболее высокой точке Геокюра 1 частично раскопано здание с парадным фасадом, оформленным пятью пилястрами, возможно, принадлежавшее к числу строений, выполнявших, подобно карадепинскому культовому комплексу, общие для всего поселения функции.

Особый интерес представляют коллективные гробницы Геокюра 1 (рис. 6, 1–2), раскапывавшиеся В. И. Сарианиди в течение нескольких полевых

сезонов. Они, как правило, овальные в плане, реже — эллиптические или прямоугольные, возведены из сырцового кирпича и имеют размеры от 2,5×2,3 м до 2,2×1,9 м. Перекрытие из того же сырцового кирпича ложносводчатое; в отдельных случаях прослежен вход в камеру, располагавшийся сбоку и при каждом захоронении закладывавшийся вновь. Захоронения в камерах совершались последовательно, причем останки ранее помещенных в гробницу отодвигались в сторону, образуя груды перемешанных костей, среди которых правильное анатомическое расположение сохранял лишь скелет усопшего, помещенного в гробницу последним. Число погребенных в могиле колеблется от 2 до 10–12, но, как правило, больше 2. Инвентарь в большинстве случаев или вообще отсутствует, или очень беден и представлен одиночными каменными или расписными сосудами, плетеными корзинами (сохранились только отпечатки), медными булавками с лопаточковидными навершиями, гипсовыми и каменными бусинами. Выделяются погребение 116 гробницы X, в котором находились медное зеркало в плетеном футляре, медная палочка и бусы (*Сарианиди В. И.*, 1965а, с. 104), и ряд вскрытых в 1965 г. погребений, где, помимо керамики, гипсовых бус и каменных сосудов, имелись оригинальный четырехугольный расписной сосуд и гипсовые, обтянутые золотой фольгой бусы (*Сарианиди В. И.*, 1966, с. 70).

Коллективные гробницы на Геокюре 1 исследовались В. И. Сарианиди в 1957 г. на раскопе 2 (*Сарианиди В. И.*, 1959а; 1960б), а затем в 1963–1965 гг. на новом раскопе 3 и на прирезках к раскопам 1 и 2 (*Сарианиди В. И.*, 1965б; 1966). Установлено, что гробницы, число которых достигло 30, сооружены на древней дневной поверхности, на заброшенных участках поселения или на особых площадках, огражденных стенами и представляющих собой специализированный могильник. Могильник на раскопе 2 состоял из четырех гробниц и был ограничен с одной стороны внешней стеной многокомнатного дома, а с трех других — специально возведенными стенами с прямоугольными пилястрами. Примечательно, что внутреннее пространство могильника членилось дополнительными стенами на три отсека, в одном из которых было две гробницы, а в двух других — по одной. На раскопе 3 расчищен участок, где компактно располагались семь гробниц, причем шесть, видимо, функционировали одновременно. Гробницы поры позднего энеолита возведены на руинах построек среднеэнеолитического времени. В непосредственной близости от них в двух помещениях были устроены очаги-жертвенники, в том числе один круглый.

Раскопки Геокюра 1 дали многочисленные образцы глиняной посуды геокюрского стиля, типичной для восточной группы памятников (табл. XXII, 31–47). Она характеризуется монохромной (темно-коричневой) и полихромной (черной и темно-красной) росписью по желтоватому и красноватому фону, распространением красного ангоба, редко — посудой серого цвета, полусферической чашей как ведущей формой, биконическими мисками, горшками и кубками как типичными формами, односторонними бордюрами (2Б, 5Б, 8Б, 10Б, 21Б) и сетками (8А,

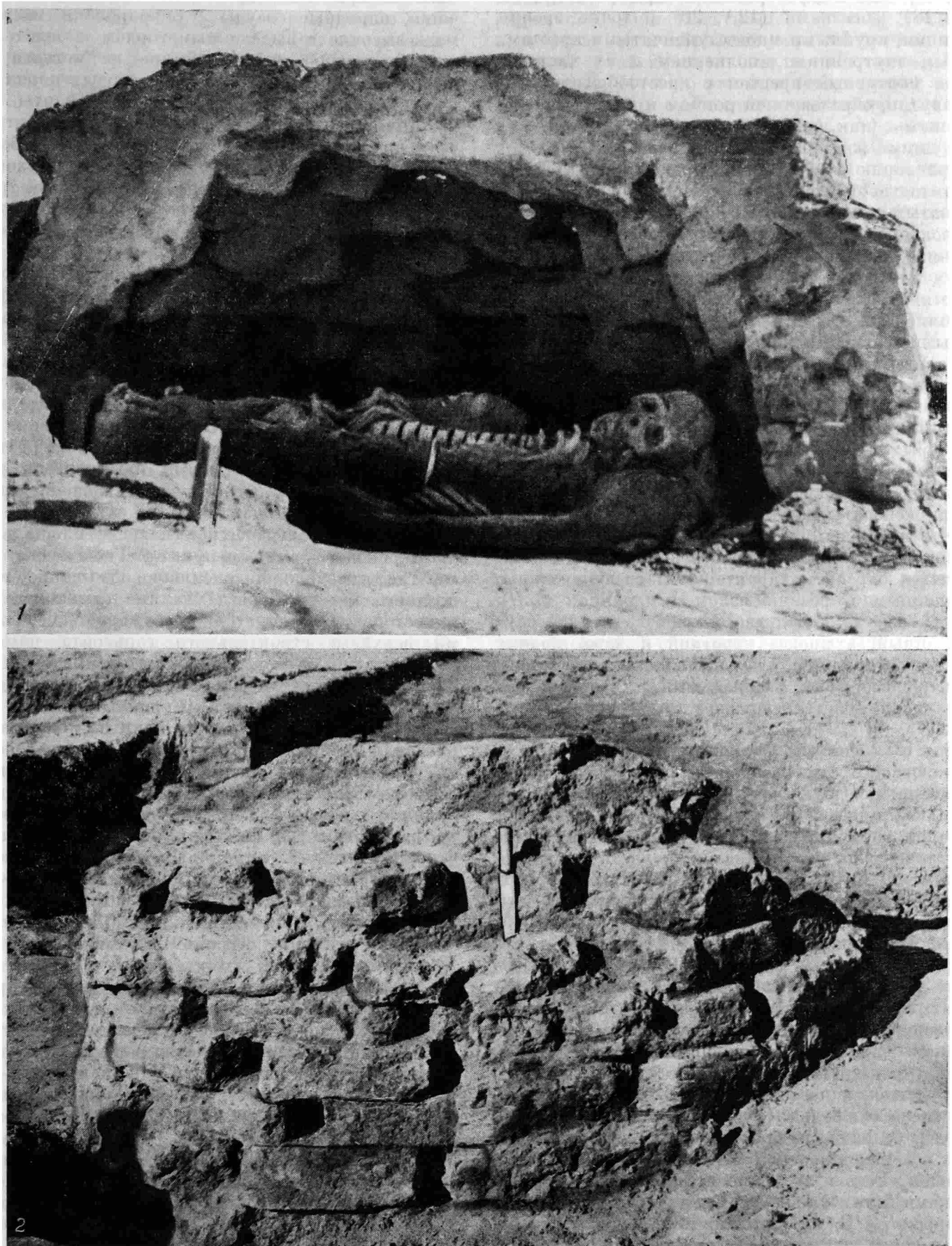

Рис 6. Коллективные гробницы Геокюра 1 (1-2)

21А), равно как и двусторонними бордюрами (9, 11, 13, 14, 18) и сетками (12А, 20) с точки зрения композиции, крупными многоступенчатыми крестами с разным внутренним заполнением и их частями, а также контурным крестом с крестообразной фигурой внутри, образованной ромбом и четырьмя треугольниками (так называемый геоксюрский крест) как ведущими элементами орнамента.

По сравнению с керамикой карадепинского стиля, помимо иного цветового решения (большая роль красноватых тонов), геоксюрской керамике присуще использование в росписи преимущественно крупных четко читаемых геометрических фигур, не теряющихся в пестроте дробной орнаментации. Зооморфные мотивы более редки по сравнению с посудой карадепинского стиля и представлены геометризированными фигурами животных. Так, туловище рогатых копытных, скорее всего козлов, прямоугольное, стилизовано под общую геометрию орнамента, на брюхе помещен треугольник с изображением полукреста, переданного фоновым просветом. Необычны фигуры четвероногих существ, имеющих туловище с сетчатым заполнением, переданные точками глаза и небольшие уши. Иногда подчеркнуты признаки мужского пола. Можно было бы предположить, что перед нами предельно измененные в угоду общему стилю воспроизведения пятнистых животных — барсов с характерным изгибом спины, превращенным в резкий излом (*Сарианиди В. И.*, 1960б, с. 254—255). Но хвост существ в ряде случаев длинный, а иногда короткий и даже поднят вверх, чем отличается от трактовки хвоста у барсов. Антропоморфные изображения и изображения птиц на керамике геоксюрского стиля пока не известны.

Наряду с массовыми находками фрагментов посуды геоксюрского стиля явно местного производства при раскопках двух верхних слоев Геоксюра 1 найдена керамика, по стилю и технике исполнения идентичная керамике западной группы памятников, в первую очередь слоя Кара 2, но частично и Кара 3 (*Массон В. М.*, 1962в, с. 19), и Кара 1Б, что позволяет достаточно четко синхронизировать эти два строительных горизонта со стратиграфической колонкой Карадепе.

Среди терракотовых статуэток Геоксюра 1 преобладают антропоморфные, причем одновременно встречаются женские статуэтки второго статуарного типа, воспроизводящие массивных матрон с опущенными вниз руками, и более изящные скульптуры из числа фигурок третьего типа. На статуэтках второго типа краской нанесены различные изображения, в том числе ожерелья (иногда двухрядные), и рисунки на бедрах, среди которых имеются фигуры фантастических животных с изломанным под углом туловищем. Есть и мужские статуэтки, увенчанные шапочками или шлемами. Специально изучавший эти терракоты В. И. Сарианиди отмечает, что их лица сделаны способом выдавливания в особых формочках с последующей обработкой деталей (*Сарианиди В. И.*, 1965а, с. 35). Шлемы не сохранились, но в целом терракоты очень близки карадепинской «головке воина».

Для позднеэнеолитического комплекса Геоксюра 1 характерны и сосуды, выточенные из мраморовид-

ного и кристаллического известняка: конические чаши, парадные сосуды с гофрированными стенками — высокие с выделенным горлом и более низкие цилиндрические кубки. Обычно из мягкого серого известняка, а реже — из более твердых пород камня изготовлялись ступки, зернотерки, куранты и подпятники. Имеются также каменные кольца-утяжелители диаметром 5—15 см. Найденные в небольшом количестве «наконечники стрел» использовались, как показал проведенный Г. Ф. Коробковой трасологический анализ, в качестве сверл при обработке камня, скорее всего при изготовлении упомянутых выше сосудов (*Коробкова Г. Ф.*, 1964). Отметим найденный на Геоксюре 1 обломок выточенной из камня печати-амулета с изображением фигуры многоступенчатого креста, повторяющим один из основных мотивов росписи керамики геоксюрского стиля.

Количество медных изделий, происходящих с Геоксюра 1, невелико, что вообще характерно для энеолитических памятников Средней Азии. В их числе имеются четырехгранные в сечении шилья, булавки с лопаточковидными навершиями, разные варианты плоских двусторонних пожей, круглые, слегка вогнутые зеркала без ручки.

Поселение Чонгдепе, занимающее площадь около 3,5 га, является вторым пунктом Геоксюрского оазиса, где отмечено интенсивное обживание в пору позднего энеолита, когда налицо симптомы упадка и постепенного запустения всего района. Раскопками верхнего строительного горизонта памятника был выявлен участок, тесно застроенный многокомнатными домами-массивами, отделенными друг от друга узкими проулками (*Сарианиди В. И.*, 1965а, с. 11—13). К сожалению, ни один из комплексов не раскопан полностью, хотя один вскрыт в достаточно значительных масштабах. Интересно, что на вскрытом участке оказалось пять комнат с дисковидными очагами-алтарями на полу, такими же, как на Геоксюре 1. На стенах некоторых комнат и на заполнявших их кирпичных блоках сохранились следы длительного воздействия огня. Как уже отмечалось, функционально такие помещения можно рассматривать в качестве домашних святилищ. На Чонгдепе эти пять строений планировочно связаны с пятью разными комплексами. Каждый такой комплекс объединял не менее десяти строений, часть которых была жилыми комнатами. Наиболее полно изученный комплекс 1 включал шесть жилых комнат, домашнее святилище с очагом-алтарем и кухню с двумя очагами. Судя по составу, многокомнатные дома-массивы Чонгдепе аналогичны комплексам Геоксюра 1. Коллективные гробницы на Чонгдепе не встречены, вероятно, потому, что раскапывалась центральная часть поселения, тогда как могильники устраивались на его периферии или на заброшенных участках. В заполнении вскрытых строений расчищено три погребения, совершенных в скорченном положении на боку или на спине, без погребального инвентаря.

Комплекс изделий (табл. XXII, 1—18), обнаруженных при раскопках строений верхнего горизонта Чонгдепе, ярко характеризует этап, следующий за Геоксюзом 1. На это, в частности, указывают находки керамики карадепинского стиля типа Ка-

ра 1Б, но в основном типа Кара 1А. Определенные изменения могут быть отмечены и в керамике геоксюрского стиля, образующей основную массу находок. Появляется некоторая небрежность в исполнении орнамента, ухудшается качество красной краски, которая становится блеклой и менее густой. Мотив геоксюрского креста, хотя и сохраняется, становится более редким и упрощенным — углы креста, вписанного в ромбовидный шеврон, в отличие от расписной керамики Геоксюра 1 нередко доходят до линии, образующей этот шеврон. На первое место в росписи выдвигается мотив многоступенчатого креста — иногда с вписанным в него ромбом, иногда и без него. В отдельных случаях этот крест просто очерчен черной линией без тонирования самой фигуры красным цветом. Появляются черепки, на которых многоступенчатый крест небольшого размера вписан в ромб из зубчатых линий, а по четырем углам квадрата, в пределах которого располагается эта композиция, находятся фигуры в четверть креста. Эта дробная орнаментика, ведущая к измельчанию и пестроте исходных мотивов геоксюрского стиля, в дальнейшем, как показывают материалы Алтындепе, станет преобладающей в расписной керамике.

Терракота Чонгдепе верхнего горизонта также несет явные черты более позднего по сравнению с Геоксюром 1 происхождения. Массивных женских фигурок второго типа здесь нет; их полностью сменили терракоты третьего типа. Изредка они имеют роспись, но практически ее заменили налесты, которыми передаются ожерелья, косы, шпешки на плечах. Плечи ряда статуэток подчеркнуты прямоугольными. Особенно интересна одна статуэтка с уцелевшими на животе пальцами, переданными на лепом и ясно указывающими на положение рук, сложенных под грудью. Возможно, именно таков был исходный иконографический тип многих терракот позднего энеолита, для которых обычны лишь опущенные вниз отрезки рук (до локтя).

Материалы с керамикой геоксюрского стиля отмечены на поселении, расположенном в пойме р. Теджен на 102-м км дороги Теджен—Серахс (Адыжов К. А., Массон В. М., 1960; Сарияниди В. И., 1965а, с. 8), и на сравнительно крупном раннеземледельческом поселении Улугдепе близ Душака, а недавно открыты в дельте Мургаба (Масимов И. С., 1976). Фрагменты керамики геоксюрского стиля были собраны на Улугдепе еще в 1952 г. Б. А. Куфтиным. При последующих раскопках, проведенных на этом памятнике В. И. Сарияниди, обнаружены две позднеэнеолитические полуразветвленные гробницы, содержавшие несколько сосудов, бус и каменную статуэтку (Сарияниди В. И., Качурис К. А., 1968, с. 344). На стратиграфическом раскопе 1 пятый и шестой строительные горизонты с керамикой геоксюрского типа (Сарияниди В. И., 1969) были перекрыты наслоениями времени Намазга IV (слои Улуг 2, 2А, 3 и 4).

Сравнительно подробно изучена последовательность развития позднеэнеолитического комплекса в крупнейшем центре восточной группы памятников — на Алтындепе (Массон В. М., 1977б). В пору энеолита оно формируется как крупное поселение третьего типа, уступавшее по размерам лишь На-

мазгадепе. Примечательно, что на расположенном рядом поселении Илгылыдепе именно позднеэнеолитические слои образуют верхний горизонт с керамикой геоксюрского стиля (Ганялин А. Ф., 1959, табл. V—VI), включающей и такие мотивы, как геоксюрский крест и геометризированные фигурки животных. Имеется здесь и терракота этого времени (Хлобыстина М. Д., 1977). По типу керамика Илгылыдепе особенно близка керамике поселения Геоксюр 1, что позволяет относить ее к ранним этапам развития этого керамического комплекса. Последующее запустение Илгылыдепе скорее всего было связано с концентрацией населения на Алтындепе, размеры которого как раз в пору позднего энеолита увеличиваются почти вдвое.

Позднеэнеолитические наслоения на Алтындепе выявлены в трех пунктах (Массон В. М., 1970; 1971а; 1972а; 1975; 1977б; Щегенко А. Я., 1968б; 1970). В стратиграфическом раскопе 1, где наиболее глуболежащие слои раскапывались на сравнительно ограниченной площади, самым ранним позднеэнеолитическим горизонтом был слой Алтын 14. Строительные остатки в нем отсутствовали — раскоп пришелся на мусорные наслоения частично наклонного профиля, располагавшиеся вне пределов ядерной части древнего поселения. Этот слой содержал нерасписную краслощеную керамику с темными пятнами на наружной поверхности (табл. XXIII, 48—51), напоминающую аналогичную керамику третьего слоя Геоксюра 1. Как и там, расписной керамики здесь вообще нет. Найден торс массивной женской статуэтки второго типа. Слой Алтын 13, где вскрыта часть небольшой комзаты, дал уже характерный комплекс керамики геоксюрского стиля (табл. XXIII, 38—47), в том числе с полихромной росписью, а также несколько фрагментов, расписанных красной краской, с неясным, как бы потекшим рисунком. Последняя, по заключению исследователей, является весьма ранней и характеризует начальный этап формирования геоксюрского керамического комплекса (Хлобыстина И. Н., 1964б, с. 35—36, 122—123). Строительные остатки зафиксированы и в слое Алтын 11—12, где расписная керамика представлена типичными образцами посуды геоксюрского стиля (табл. XXIII, 26—37). Правда, имеется фрагмент сферического горшка с дробной сетчатой росписью, который по форме и орнаментации ближе керамике карадепинского стиля, что может служить основанием и для синхронизации горизонта по крайней мере с начальным этапом бытования посуды типа Кара 1А. В этом слое обнаружены также фрагменты глиняных статуэток, терракотовые пряслица конической формы и плоская пуговицеобразная поделка с крестовидным орнаментом на одной из сторон.

В слое Алтын 10 вскрыты части двух помещений и овальная в плане погребальная камера возле них. Погребения в камере совершены в двух уровнях — в верхнем находились четыре захоронения взрослых без сопровождающего инвентаря, в нижнем — погребение взрослой женщины с младенцем, с достаточно обильными для позднего энеолита приношениями: пять керамических и два каменных (из белого и розоватого мраморовидного известняка) сосуда, медная булава с лопаточковидным навершием,

10 бирюзовых пронизок и небольшой медный двулезвийный поск, лежавший среди костей молодого барана. Керамика этого слоя (табл. XXIII, 14—25) с укрупненным рисунком, с полихромной росписью напоминает посуду Чонгдэне. Вместе с тем здесь довольно многочисленна посуда с монохромной росписью измельченного рисунка, хотя и основанного на таком традиционном для восточной группы памятников элементе, как фигура многоступенчатого креста, который, однако, перестает быть довлеющим элементом композиции.

В слое Алтын 9 обнаружено несколько строений разного функционального назначения. В обресе раскопа выявлена часть прямоугольного горна. Рядом находилось многокомнатное строение, включавшее комнату с круглым очагом посередине и стоящим в нем сосудом с гофрированным туловом, выточенным из мраморовидного известняка. По аналогии с Геоксюрюм 1 и Чонгдэне можно заключить, что это было небольшое домашнее святилище. За стеной, судя по толщине,—внешней для всего дома, располагалась овальная в плане усыпальница с двумя захоронениями. На полу камеры и поверх костей скелетов отмечены отпечатки циновок. Погребальный инвентарь включал два расписных сосуда, два терракотовых навершия, каменную бусину и небольшой медный треугольник, возможно, наконечник стрелы. Наряду с расписной полихромной керамикой геоксюрского стиля (табл. XXIII, 6, 12) здесь все более увеличивается число сосудов, орнаментация которых развивает те же традиции, но в более дробном и одноцветном исполнении (табл. XXIII, 7—10, 13). Имеется и несколько фрагментов расписной керамики карадепинского стиля, в том числе с изображением пятнистых животных, явно происходящей из западной группы памятников.

По существу те же традиции развиваются в росписи керамики вышележащих горизонтов, в связи с чем значительную сложность представляет вопрос о разграничении на материалах Алтындэпе позднеэнеолитических комплексов и комплексов времени Намазга IV, т. е., по существующей системе периодизации, ранней бронзы. Находки привозной керамики карадепинского стиля в слое Алтын 9 свидетельствуют о его принадлежности к позднему энеолиту. Произведенный Л. Б. Кирчо по матрице В. С. Робинсона анализ коэффициентов сходства разных групп керамики с раскопа 1 также показал, что слой Алтын 9 теснее связан со слоями Алтын 10—13, чем со слоями Алтын 4—8 (Кирчо Л. Б., 1972). Видимо, именно здесь проходит значимая грань, разделяющая комплексы разных периодов (табл. 5).

Таким образом, работы на раскопе 1 показали, что здесь изучалась окраинная часть позднеэнеолитического поселения, где располагались гробницы и начало сосредоточиваться керамическое производство, достигшее особого расцвета в эпоху бронзы, когда на этом участке Алтындэпе находились жилые комплексы и производственные мастерские (так называемый холм ремесленников).

Довольно значительной оказалась свита позднеэнеолитических наслоений в шурфе на раскопе 11. Здесь отмечено шесть строительных горизонтов, соответствующих наслоениям Алтын 9—Алтын

Таблица 5. Коэффициенты сходства разных групп керамики по слоям на раскопе 1 Алтындэпе

Слой	4	5	6	7	8	9	10	11—12	13	14	15
4	200	141	99	41	40	12	3	15	13	— 24	19
5	141	200	54	38	— 43	6	6	6	0	0	0
6	99	— 54	200	38	— 45	33	24	— 41	34	— 47	29
7	41	— 38	38	200	111	— 138	81	52	26	— 29	— 32
8	40	43	45	111	200	118	113	84	33	27	— 30
9	12	— 6	33	138	— 118	200	146	108	55	41	— 57
10	3	6	24	81	113	146	200	125	52	36	— 47
11—12	15	0	41	52	84	108	125	200	62	47	— 56
13	13	0	34	— 26	33	55	— 52	62	200	170	— 173
14	24	0	47	— 29	— 27	41	— 36	47	170	200	170
15	19	0	29	32	— 30	57	— 47	56	173	— 170	200

14, причем уже в первом из них найдена импортная керамика карадепинского стиля. Ниже шли мусорные слои поры среднего энеолита, наклон которых указывает на их периферийное положение на склоне древнего холма. Следовательно, на данном участке, как и на раскопе 1, в пору позднего энеолита происходит увеличение обжитой площади, жилые дома надвигаются на окраины среднеэнеолитического поселка. Эволюция расписной керамики здесь аналогична наблюдавшейся на раскопе 1. Отметим рисунки козлов с прямоугольным туловищем и фрагмент терракотовой коробочки с резной орнаментацией на наружной стороне.

Наконец, позднеэнеолитические слои изучались в шурфе 3 в южной части Алтындэпе, где их мощность оказалась наиболее значительной — 6 м. Особенно важно, что эти слои залегают на материке, документируя сложение Алтындэпе как крупного населенного центра именно в пору позднего энеолита. В самых нижних горизонтах расписной керамики нет, но зато многочисленна посуда с красной лощеной поверхностью, покрытой черными пятнами, как в слое Алтын 14. Терракотовые статуэтки и некоторые другие предметы из позднеэнеолитических напластований Алтындэпе, изучавшихся, помимо отмеченных пунктов, еще и в шурфе на раскопе 5, в целом аналогичны соответствующим изделиям Геоксюрюм 1 и Чонгдэне.

Таким образом, позднеэнеолитические материалы западной и восточной групп памятников характеризуются достаточно представительными коллекциями, демонстрирующими, в числе прочих черт, их значительное своеобразие, особенно керамических комплексов. Изменения происходят на западе и на востоке почти одновременно. Геоксюрская керамика если и старше посуды карадепинского стиля, то лишь на один строительный горизонт. В целом можно сказать, что обе керамические традиции сосуществуют. Естественно встает вопрос о характере наблюдаемых отличий и их значении для археологической систематики и исторической интерпретации. Уже на первых этапах открытия геоксюрских комплексов отмечено их существенное отличие от материалов памятников западной группы. Различия керамических комплексов были выражены столь значительно, что даже возникал вопрос, правда, не получивший отражения в печати, не имеем ли мы

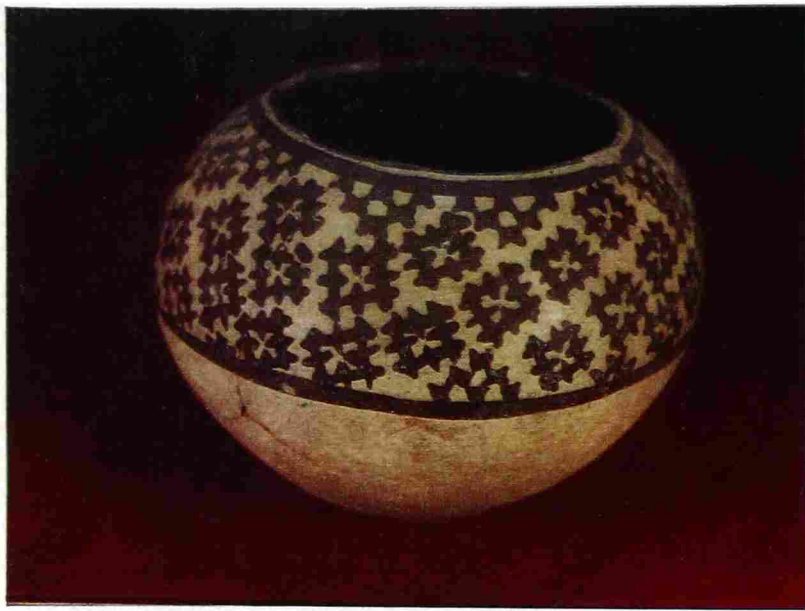

Расписная керамика. Средняя Азия

Ялангачдепе, средний энеолит
Ялангачдепе, средний энеолит
Геоксюр, поздний энеолит

Геоксюр, поздний энеолит
Геоксюр, поздний энеолит
Геоксюр, поздний энеолит

Расписные сосуды позднеэнеолитических памятников Средней Азии
(Каранде, верхний справа — Алтындепе)

дело с двумя разными культурами. Рассмотрим этот вопрос с точки зрения типологии, предлагаемой в настоящем издании.

Сопоставление отдельных элементов позднеэнеолитических комплексов восточной и западной групп частично суммировано в прилагаемой таблице (табл. XXIV). Оно свидетельствует о значительной их близости по ряду признаков. Это касается типов поселений, их застройки с характерной планировочной единицей в виде жилой комнаты, сопряженной с хозяйственными помещениями, типов терракот, ориентировки погребений, основных видов медных изделий, включая булавки с лопаточковидными навершиями, распространения в обеих группах нового типа погребальных сооружений — коллективных гробниц. Правда, здесь имеются некоторые нюансы: коллективные гробницы пока в большем числе известны на востоке, чем на Карадепе, где, однако, основные работы велись в центральной части памятника, тогда как могильники обычно располагаются на окраинах. Кроме того, на памятниках восточной группы преобладают овалы в плане гробницы. По существу своего рода культурное противостояние сводится к различным керамическим стилям. Но и здесь имеется ряд общих черт, отмеченных при характеристике позднеэнеолитического периода в целом. Так, для керамики карадепинского и геоксюрского стилей в равной мере характерны биконические сосуды, четыре типа композиционных схем, такой элемент росписи, как фигура многоступенчатого креста. В остальном керамика карадепинского и геоксюрского стилей, как было показано выше, существенно различается. При этом можно отметить и ряд других элементов росписи, общих для обеих керамических школ. Следовательно, различия комплексов приходятся главным образом на керамику, т. е. лишь на один набор типов из числа многих, составляющих археологическую культуру. Все это дает основания заключить, что анауская культура на позднеэнеолитическом этапе своего развития выступает в виде двух локальных вариантов — геоксюрского и карадепинского, территориально совпадающих с двумя локальными вариантами поры среднего энеолита.

Весьма сложна проблема происхождения обоих локальных вариантов. Набор типов этого периода в целом ряде проявлений существенно отличается от набора типов предшествующего периода, что и позволяет достаточно четко выделять позднеэнеолитические комплексы. Этот вопрос имеет уже сравнительно длительную историю изучения, в ходе которой высказывались, причем иногда одним и тем же исследователем, диаметрально противоположные мнения. Анализ расписной керамики карадепинского типа с самого начала показал ее теснейшие связи с такими иранскими комплексами, как Сялук III, 4—7 и Гисар IB—IIA (*Массон В. М.*, 1956а, с. 315—320). Дальнейшие работы, в первую очередь широкие раскопки Карадепе и интерпретация добытых при этом материалов, показали, что позднеэнеолитическая терракота испытала влияние иконографии убейдской пластики Южного Двуречья (*Массон В. М.*, 1963; 1964в, с. 424—425). Некоторые изменения в погребальном обряде и появление нового антропологического типа позволяли заключить, что

в это время в районе западной группы памятников имела место инфильтрация нового населения, принесшего ряд культурных традиций, но что оно было в значительной мере ассимилировано аборигенами (*Трофимова Т. А.*, *Гинзбург В. В.*, 1960; *Массон В. М.*, 1964в, с. 430).

Дискуссию вызывает и проблема происхождения геоксюрского локального варианта. Первоначально ставился вопрос о возможном сложении геоксюрского стиля, не исключая отдельных влияний со стороны, под воздействием некерамических видов прикладного искусства — тканей и плетеных изделий (*Массон В. М.*, 1960а, с. 23—24). В дальнейшем анализ выявил тесную, но, видимо, и отдаленную генетическую связь геоксюрского креста с орнаментальными традициями Месопотамии и Элама (*Массон В. М.*, 1963; *Сарианиди В. И.*, 1963а). Одновременно указывалось на месопотамские связи геоксюрской терракоты, на западный генезис усыпальниц с ложным сводом. Это в целом привело к заключению о проникновении инокультурных групп населения и в восточный район, хотя здесь антропологические свидетельства были менее очевидны (*Сарианиди В. И.*, 1963а, с. 7, 16; *Хлопин И. Н.*, 1962б, с. 18), что заставляло говорить лишь «о волне иранских и более отдаленных влияний» (*Массон В. М.*, 1964в, с. 433). В. И. Сарианиди все более убеждался в существовании миграции (*Сарианиди В. И.*, 1971), а И. Н. Хлопин пытался вывести мотив геоксюрского креста из местной орнаментальной традиции, отрицая наличие каких-либо влияний в Геоксюрском оазисе и объясняя некоторые общие с Месопотамией черты терракот исключительно конвергенцией (*Хлопин И. Н.*, 1964б, с. 155; 1966; 1969, с. 50).

Рассмотрим имеющиеся позднеэнеолитические материалы именно с генетических позиций, выделяя два показателя: типы объектов, имеющие прямую связь с местной среднеэнеолитической традицией, и типы объектов, которые можно рассматривать как инновации. По технике домостроительства, технологии изготовления керамики, уровню металлургии, широко использующей медное литье, позднеэнеолитические комплексы прямым образом связаны с достижениями предшествующего периода и отличаются лишь отдельными усовершенствованиями, не выходящими за рамки генетического развития. Иную картину мы наблюдаем в материалах, свидетельствующих о соотношении культурных традиций и инноваций (табл. 6).

В погребальном обряде скорченное положение преимущественно южная ориентировка явно продолжают местные традиции поры среднего энеолита (табл. 7). Показательно, что в четырех коллективных гробницах Геоксура 1 преобладает южная ориентировка погребенных (*Сарианиди В. И.*, 1965б, с. 18), причем в данном случае мы имеем дело с наиболее ранними комплексами геоксюрского типа. Позднее, как свидетельствуют погребения слоев Алтын 10 и Алтын 9 (*Массон В. М.*, 1977б, с. 165—169), доминирует уже северная ориентировка, господствующая и в эпоху бронзы.

В равной мере в раннегеоксюрских слоях встречаются женские статуэтки второго типа, прямо продолжающие местную традицию поры среднего энео-

Таблица 6. Позднеэнеолитические комплексы. Сочетание местных традиций и инноваций

Тип объектов		Средне-энеолитическая традиция, %	Инновации, %
Дома	Техника домостроительства	+	-
	Дома-массивы	-	+
Погребения	Скорченное положение	+	-
	Ориентировка	87	13
	Одиночные	+	-
Керамика	Коллективные	-	+
	Технология	+	-
	Типы форм	75	25
	Типы композиций	27	73
Керамические изделия	Элементы орнамента	10	90
	Женские статуэтки второго типа	+	-
	Женские статуэтки третьего типа	-	+
	Мужские статуэтки	-	+
	Статуэтки животных	+	-
Печати-амулеты	Типы пряслиц	+	-
		-	+

Таблица 7. Ориентировка энеолитических погребений

Период	Традиционная ориентировка				Всего
	Ю	ЮЗ	ЮЮЗ	ЮЮВ	
Средний энеолит (время Намазга II)	20	6	32	1	59
Поздний энеолит (время Намазга III)	9	3	23	-	35

Период	Нетрадиционная ориентировка						Всего
	С	ССВ	ССЗ	З	ЗСЗ	В	
Средний энеолит (время Намазга II)	-	-	1	1	-	1	3
Поздний энеолит (время Намазга III)	-	3	2	-	1	1	7

лита. В керамических комплексах, в первую очередь в типах форм сосудов, преобладающая особенно значительна, а имеющиеся различия в деталях отражают наличие вариантов в пределах единого типа. Некоторая преобладанность наблюдается и в типах композиций, и в элементах орнамента. Так, третий вариант рисунков козлов на керамике карадепинского стиля с изображением четырех ног генетически явно связан с зооморфными мотивами керамики среднего энеолита. Однако именно в зооморфном орнаменте инновации особенно значительны и впечатляющи.

Итак, в число новых черт позднеэнеолитических комплексов мы включаем многокомнатные дома,

коллективные гробницы, женские статуэтки третьего типа, мужские статуэтки и основную часть типов композиций и элементов орнамента на керамике карадепинского и геоксюрского стилей. Появление многокомнатных домов и коллективных гробниц объясняется внутренними процессами развития общества и связывается с повышением роли больше-семейных общин, что подробнее будет рассмотрено в следующей главе. Правда, сама архитектурная форма круглоплановых гробниц с ложносводчатым перекрытием истоков в местном строительстве не имеет; здесь вполне возможны месопотамские воздействия (*Сарианиди В. И.*, 1959а; 1960б, с. 299; *Массон В. М.*, 1964б). В литературе достаточно полно освещено несомненное влияние художественной традиции мелкой пластики Южного Двуречья на среднеазиатскую терракоту, использование характерных элементов которой (подпрямоугольные плечи, сложенные на животе руки, налепы на плечах женских статуэток) в сочетании с местной традицией изображения сидящих женщин (в убейдских комплексах они стоящие) в конечном итоге и привело к формированию терракот третьего типа. Элементы эти настолько специфичны, что едва ли может идти речь об их конвергентности. Еще в большей мере это касается мужских статуэток с цилиндрическим основанием и кривой перевязью через плечо. Не вызывает сомнений и тот факт, что разнообразие зооморфных мотивов керамики карадепинского стиля исходным прототипом имело соответствующие мотивы керамики центральноиранских памятников, причем отмечено даже механическое подражание этим образцам. Это хорошо видно на примере пятнистых барсов, которые в Иране изображались двупалыми в профиль, а в Средней Азии были переосмыслены как четырехпалые, хотя точечное заполнение по-прежнему давалось в расчете на профильную двупалую фигуру. Новые материалы по расписной керамике Центрального Ирана показывают, что здесь постепенно формировался тот анималистический стиль, который вошел как один из компонентов в карадепинский керамический комплекс (*Maleki V.*, 1968). Однако в целом карадепинский стиль во всем его разнообразии не только не представлен на иранских памятниках, но даже, как есть основания полагать, оказал воздействие на одновременную расписную керамику Гиссара (*Deshayes J.*, 1975, р. 109).

В значительной мере это относится и к восточной группе позднеэнеолитических памятников, где распространена аналогичная терракота, а в керамике геоксюрского стиля лишь отдельные мотивы, в частности геоксюрский крест, имеют отчетливые и более древние месопотамско-эламские прототипы. Отметим, что названный мотив очень специфичен, поскольку семантически восходит к изображению четырех козлов на углах центрального ромба (*Массон В. М.*, 1963) и потому никак не может быть искусственно создан путем простого сложения ромба и треугольников, как полагает *И. Н. Хлопин* (*Хлопин И. Н.*, 1966), ранее также горячий сторонник западного прототипа (*Хлопин И. Н.*, 1962б, с. 7-8, 18). Вместе с тем геоксюрский стиль в целом не имеет истоков как законченный, устойчивый комплекс. Более того, по мере развертыва-

ния работ в Восточном Иране, Афганистане и Пакистане, все отчетливее выступает его существенное влияние (вкуче с карадепинским стилем) на расписную посуду оседлоземледельческих племен этих районов (*Массон В. М.*, 1964в, с. 439; *Dales G. F.*, 1973, р. 166; *Biscione R.*, 1973, р. 108—114; *Массон В. М.*, 1977б, с. 187). Все это заставляет вернуться к вопросу о возможном использовании в карадепинской и геоксюрской росписях композиций и мотивов, выработанных в ткачестве или в других художественных ремеслах. Действительно, ряд мотивов росписи явно указывает на подражание аппликациям; не случайны аналогии и с ковровыми орнаментами (*Сарианиди В. И.*, 1967; *Кирчо Л. Б.*, 1975). Показательно, что из 15 типов композиций геоксюрской керамики 7 — двусторонние, а 5 отсутствуют в среднем энеолите.

Таким образом, на начальной фазе позднего энеолита в культуре среднеазиатских оседлоземледельческих общин происходят важные сдвиги, ведущие к сложению сначала на востоке, а затем

посредством комплекса Кара 1Б и на западе совершенно новых керамических стилей. При этом использованы отдельные мотивы ирано-месопотамского культурного круга, но они были органически включены в местный керамический стиль. Наличие нового антропологического типа на Карадепе, появляющегося как раз в это время, позволяет предполагать, что имела место и частичная инфильтрация нового населения, во всяком случае, в западной группе памятников. Показательно, что в Средней Азии в это время не наблюдается культурной интеграции. Напротив, своеобразие восточной и западной групп памятников не только сохраняется, но и обретает новые формы. Даже в керамических комплексах, где мы видим следы бесспорного воздействия со стороны, сохраняется набор местных форм сосудов, отличный от Ирана, не говоря уже о Месопотамии. Во всех отношениях воздействие со стороны было менее значительным, чем в пору раннего энеолита, когда складывался комплекс типа Анау IА.

Глава пятая

Основы хозяйства и общественный строй энеолитических племен Средней Азии

Кардинальный хозяйственный переворот, приведший человечество к эпохе производства продуктов питания, в Средней Азии завершился еще в пору неолита, и в этом отношении неолитическая джейтунская культура является достаточно ярким примером ранних оседлоземледельческих обществ, в хозяйстве и культуре которых еще много неизжитых архаических черт (Массон В. М., 1971в). Поэтому энеолитические племена Средней Азии уже на самых ранних этапах своего развития выступают как общество со сложившейся земледельческо-скотоводческой экономикой, где все большую роль начинают играть различные производства, развивающиеся по линии профессиональной специализации и постепенно перерастающие в ремесла.

Судя по всему, в пору Анау IА земледелие носило характер полуоливного, использующего разливы постоянных и временных водотоков, с обваловкой полей для удержания воды и устройством небольших канав для регулирования орошения. Во всяком случае, на это указывает уже само расположение поселений в зоне дельтовых разливов небольших рек и ручьев. Так, на Овадандепе под руинами домов времени Анау IА отмечены чередующиеся накладки темной иловатой глины и желтого песка, свидетельствующие, что эта территория, охватывающая дельтовый участок ручья Карасу, регулярно затоплялась. Восточная группа поселений этого времени сосредоточивалась в районе достаточно полноводных рек — Мианасая и Чаачасая. Наличие на Чакмакльдепе значительного числа углей тополя и карагача (Лисицына Г. Н., 1964б; 1968а, с. 53) свидетельствует о большой облесенности и соответственно обводненности территории. Судя по характеру материковых наслоений, поселение Чакмакльдепе было основано на аллювиальных отложениях. За время своего существования оно подверглось катастрофическому наводнению, в результате которого руины домов оказались погребенными почти под полуметровым слоем глины, разделяющим культурные слои (Лисицына Г. Н., 1965, с. 152). Для регулирования поступления воды на поля использовались мотыги с массивными наконечниками, впервые появившиеся в Южном Туркменистане в пору Анау IА (табл. IX, 27). Урожай собирался серпами с прямой основой, куда вставлялись кремневые вкладыши, обработанные ретушью и имеющие иногда зубчатые лезвия (Коробкова Г. Ф., 1969, с. 47).

Ограниченность определенных остеологических материалов затрудняет характеристику раннеэнеолитического скотоводства. В материалах северного холма Анау отмечены кости мелкого и крупного рогатого скота, а также, по определению В. И. Цалкина, верблюда (Ершов С. А., 1956б, с. 32). Большое число

пряслиц, составляющих характерную черту Анау IА как археологического комплекса, косвенно указывает на широкое развитие овцеводства. Вместе с тем число кремневых скребков для обработки шкур весьма незначительно (Коробкова Г. Ф., 1969, с. 47), что может быть поставлено в прямую связь с распространением медных изделий.

Из домашних производств определенный прогресс наблюдается в изготовлении тонкостенной глиняной посуды, хотя в литературе ведется дискуссия по поводу того, имелись ли уже специализированные горны для ее обжига (Сарианиди В. И., 1963б; Хлопин И. Н., 1964б, с. 116). Но наиболее важным, безусловно, было внедрение металлургии, открывавшей широкие возможности для профессиональной специализации. Исследования, проведенные Н. Н. Тереховой, показали, что в пору Анау IА применялись такие приемы металлообработки, как литье в открытую форму,ковка плавленной меди и термическая обработка — промежуточный отжиг (Терехова Н. Н., 1975а, с. 6; 1975б, с. 29). Совершенно ясно, что в это время на юге Средней Азии складывается металлургический очаг, работающий на привозной руде, скорее всего иранского происхождения.

Земледелие и скотоводство — эти два кита производящей экономики составляли основу хозяйства южнотуркменистанских племен и в пору Намазга I (Шевченко А. И., 1960; Очерки..., 1971). На полях высевались мягкая пшеница и двурядный ячмень. Недостаточность естественных осадков побуждала к развитию ранних форм искусственного орошения, возможно, к сооружению подпруд на подгорных ручьях (Букин Д. Д., 1924; 1929). В этом отношении особенно благоприятные условия были в Геоксюрском оазисе, где поселения располагались по берегам достаточно полноводных, хотя и не крупных, дельтовых протоков р. Теджен. Протоки, блуждая по равнине и затопляя обширные пространства в пору паводков, открывали значительные возможности для развития орошаемого земледелия. Об этом свидетельствуют результаты изучения почвенных разрезов в Геоксюрском оазисе, широкое освоение которого происходит как раз в раннем энеолите. Установлено, что в период внедрения здесь земледелия происходили дельтово-озерные разливы. Их усыхание сопровождалось формированием почв лугово-болотного типа и могло быть ускорено искусственным путем. Именно эта почва обрабатывалась под посевы, а затем вновь затоплялась, чему благоприятствовали низкие берега дельтовых протоков. По мнению почвоведов Н. Г. Минашиной, «это была искусственно регулируемая лугово-болотная фаза развития почв» (Минашина Н. Г., 1969, с. 124). В ходе культивирования неоднократно

имели место и катастрофические разливы, документированные в разрезах глинистыми отложениями. Орошение было длительным, поскольку слой окультуренной почвы достигает толщины 40 см. По расчетам специалистов, для его образования потребовалось не менее 800 лет (Минашина Н. Г., 1969, с. 125). Таким образом, в пору раннего энеолита сложилось мелкооазисное земледелие, концентрировавшееся на подгорной равнине по берегам рек и ручьев и частично захватившее древнетедженскую дельту. Для обработки почвы использовались палки-копалки с каменными кольцами-утяжелителями, которые найдены на ряде поселений. Каменные мотыги переднеазиатского типа, появившиеся в пору Анау IА, в слоях времени Намазга I пока не обнаружены. Малочисленность кремневых вкладышей серпов заставляет предполагать, что были распространены серпы из меди. Обработка продуктов земледелия производилась с помощью каменных ступок и зернотерок.

Мясо домашних животных уже прочно заняло господствующее место в пищевом рационе: на Дашлыджидеде оно составляло свыше 80% всей мясной пищи. Наряду с крупным и мелким рогатым скотом разводили также свиней. Отсутствие на поселениях загонов и стойл предполагает, что скотоводство было отгонным. Некоторое разнообразие в пищевой рацион вносила охота на джейранов, куланов и оленей. На волков охотились, видимо, с целью получения шкур и охраны стад.

Налаженное земледельческо-скотоводческое хозяйство способствовало прогрессу домашних производств, постепенно приобретавших черты первобытных ремесел. Кремневая индустрия приходит в упадок, что является одним из косвенных свидетельств развития металлургии. Правда, сами медные изделия известны в ограниченном числе, что вообще характерно для Южного Туркменистана, лишенного собственной рудной базы. Это квадратные в сечении шилья, обломок двулезвийного ножа, булавки и пронизки, одна из которых витая. Известна также свинцовая пронизка, а на Карадеде в слоях времени Намазга I найден медный слиток с повышенным содержанием сурьмы. Костяные проколки и лопцла, вероятно, были связаны с обработкой кожи. Значительного развития достигает ткачество, о чем свидетельствует большое число терракотовых пряслиц конической формы, нередко украшенных нарезным и прочерченным орнаментом. При раскопках Дашлыджидеде обнаружено свыше 50 таких пряслиц (табл. XIII, 15–17). Начинает выделяться в особую отрасль и производство украшений: из слоев Намазга I происходят многочисленные каменные бусы и пронизки, в том числе сердоликовые и бирюзовые.

Материал для изучения общественного строя энеолитического населения дают раскопки древних поселений и могильников. В пору Анау IА, по имеющимся данным, существовали лишь небольшие поселения, относящиеся, согласно предложенной классификации, к первой группе. Из их числа планировка Монджуклыдеде образована наибольшими однокомнатными домами, иногда подквадратными в плане, иногда удлиненными. Судя по площади, они, подобно однокомнатным домам джейтунского

неолита, служили местом обитания малой семьи. Поселок объединял до десяти таких домов, и его, видимо, можно рассматривать как поселение коллектива, состоявшего из малых семей, бывших низовой ячейкой общества. Дома с окрашенным интерьером, трактуемые как святилища, могли символизировать идеологическое единство этого коллектива, которым скорее всего была родовая община. Оба известных поселения времени Анау IА — Монджуклыдеде и Чакмаклыдеде — разделены почти посередине поперечной улицей (табл. X, 33), на основании чего некоторые исследователи высказывали предположение о наличии там и какого-то двучленного (фратриального?) деления общества (Хлопин И. Н., 1964б).

Основной тип застройки поселений однокомнатными домами сохраняется и в пору Намазга I, как это видно на примере Дашлыджидеде (табл. XIII, 29). Площадь восьми-девяти домов, образовавших этот поселок, в основном невелика — 6–12 кв. м, но один дом имел большие размеры (28,6 кв. м) и тщательную отделку интерьера, включая черную окраску. Возможно, это было место обитания главы родовой общины и его семьи, одновременно служившее местом собраний и культовых церемоний. Население Дашлыджидеде насчитывало 40–50 человек (Массон В. М., 1964в). Вместе с тем в пору Намазга I формируются и такие крупные поселения, как Карадеде и Намазгадеде, относящиеся уже ко второму типу. Их внутренняя структура, вероятно, была более сложной, но широкие раскопки раннеэнеолитических слоев на них не производились.

Нет признаков, указывающих на заметную социальную дифференциацию родового общества в пору раннего энеолита. Обнаруженные на территории поселений погребения или не различаются по инвентарю (относительно беден), или лишены его вообще. В Анау детские захоронения обычно сопровождалось некоторым числом каменных бус (до 70), возможно, нашивавшихся на одежду.

Разделение южнотуркменистанских племен в пору среднего энеолита на две большие культурные области не отразилось на их экономической базе. Во всяком случае, при настоящем уровне наших знаний едва ли можно говорить о каких-либо различиях в земледельческо-скотоводческом хозяйстве восточной и западной групп. Так, продолжалось возделывание тех же двух основных культур — мягкой пшеницы и двурядного ячменя. При раскопках Муллалидеде обнаружено 2100 зерен ячменя и лишь 250 зерен пшеницы. Возможно, это свидетельствует о предпочтении, отдававшемся первой из названных культур. Во всяком случае, на Востоке в древности ячмень на полях занимал первое место, а ячменная лепешка и ячменное пиво были основными продуктами питания рядовых общинников и рабов. На Алтындеде отмечены находки мягкой и карликовой пшениц, двурядного и голозерного ячменя (Лисицына Г. Н., 1970б, с. 92). Каменные кольца-утяжелители для палок-копалок, как и на раннеэнеолитических памятниках, встречаются, но отсутствуют наконечники мотыг. Сравнительно редкие кремневые вкладыши серпов с зубчатым рабочим краем (Коробкова Г. Ф., 1964) заставляют ожидать находки серпов, сделанных из металла. Из лиман-

ного и полуорошаемого земледелие постепенно превращается в поливное, дающее устойчивые и обеспеченные урожаи. Это обстоятельство документально засвидетельствовано открытием древних водоемов в Геоксюрском оазисе (*Лисицына Г. Н.*, 1965). Палеоботаник З. В. Янушевич, изучавшая зерна ячменя с поселения Алтындепе поры среднего энеолита, также пришла к выводу, что здесь практиковалось именно поливное земледелие (*Янушевич З. В.*, 1977, с. 1969). Согласно мнению Г. Н. Лисицыной, время среднего энеолита характеризуется зачатками первых ирригационных сооружений в виде небольших арыков (*Лисицына Г. Н.*, 1970а). Земледелие получает широкое распространение: в оазисах подгорной полосы повсеместно в почвенных профилях обнаруживается мощный реликтовый агроиригационный горизонт.

В состав стада входил крупный и мелкий рогатый скот, причем в Геоксюрском оазисе первый составлял около половины всей мясной пищи. Регулярно встречаются кости домашней свиньи, а в Анау — кости верблюда. Обращает на себя внимание отсутствие домашней птицы. Во всяком случае, ее костные остатки не представлены в остеологических материалах (*Ермолова Н. М.*, 1968). Материалы Геоксюрского оазиса позволяют характеризовать форму скотоводства, практиковавшегося энеолитическим населением юго-запада Средней Азии, как отгонную, когда со стадами передвигались одни лишь пастухи. Палеогеографическими исследованиями установлено наличие в эпоху энеолита в Геоксюрском оазисе двух ландшафтов — тугайного и пустынного (*Лисицына Г. Н.*, 1963а; 1963б), причем последний был особенно благоприятен именно для отгонного скотоводства. Естественно, что в этих условиях в составе стада по количеству голов преобладала овца.

Из разного рода производств наиболее массовым было керамическое. Вместе с тем такая решающая стадия изготовления глиняной посуды, как обжиг, во многом являлась еще несовершенной. Специальные технологические исследования установили, что обжиг по крайней мере части керамики времени Намазга II был неравномерным и кратковременным, производился при температуре до 650°. Согласно заключению Э. В. Сайко, это свидетельствует о плохо организованных условиях обжига, на что указывают разные характер и степень преобразования глиняной массы по толщине черепка (*Сайко Э. В.*, 1977, с. 150). В развитии домашних производств в этот период как будто намечается известная межобщинная специализация. Так, из числа поселений Геоксюрского оазиса на Муллалидеде обнаружено более 50 керамических и каменных пряслиц, в то время как на Ялангачдепе такие находки сравнительно редки, но зато найдено около 30 орудий, связанных с кожевенным производством (табл. XVIII, 14, 15): шпатели, проколки, развертки, иглы. Вполне вероятно, что обработка кожи и производство различных изделий из нее были одним из основных занятий ялангачцев в условиях развивающегося межобщинного обмена.

В этом отношении, возможно, особенно показательными были бы данные по металлургии, но, к сожалению, места соответствующих производств

на древних поселениях пока не обнаружены в отличие от самих медных предметов. Помимо проколки, булавок и пронизок, в их числе имеются пила, нож с намечающимся черешком, плоский односторонний топор-тесло и дротики ромбовидных очертаний. Специальный анализ показал, что медные предметы среднего энеолита изготовлялись из меди, выплавляемой из руды. Отмечается внедрение новых приемов обработки металла — производится наклепка рабочей части изделий, отмечены попытки использовать для литья закрытые формы (*Терехова Н. Н.*, 1975а, с. 7). Очень важен прием заключительного разупрочняющего отжига, производившегося после холоднойковки. В результате такой обработки изделия становились менее ломкими (*Черных Е. Н.*, 1962). Находки украшений из золота и серебра показывают, что в обработку поступили и эти металлы, т. е. местными мастерами была решена задача температурного режима, освоены особенности рудной базы. Правда, рудные источники находились вне Южного Туркменистана, скорее всего на территории Ирана. Таким образом, несмотря на отсутствие местной рудной базы, анауский очаг металлургии достиг в IV тысячелетии до н. э. высокого уровня технического развития.

Вместе с тем регулярное функционирование этого очага требовало налаженной доставки сырья, что, безусловно, стимулировало развитие обмена, превращая его в регулярно действующий инструмент первобытной экономики. Об этом свидетельствует и широкое распространение украшений из лазурита, поступавшего из месторождений Северного Афганистана. Именно в пору Намазга II получают распространение лазуритовые бусы. Судя по заготовкам, лазурит поступал в виде сырья и уже затем обрабатывался местными мастерами. Этот минерал высоко ценился на всем Древнем Востоке. Через территорию, занятую энеолитическими общинами юга Средней Азии, проходил международный путь, по которому лазурит доставлялся в Иран, Месопотамию и далее на запад, вплоть до Египта (*Сарианиди В. И.*, 1968).

В пору среднего энеолита сохраняются два основных типа поселений — небольшие и средние. Более того, изучение памятников Геоксюрского оазиса ясно показывает, что они образуют своего рода иерархическую структуру, когда более крупный поселок, в данном случае поселение Геоксюр 1, был центром оазиса, включавшего, помимо него, еще семь небольших селений (*Сарианиди В. И.*, 1962б). Последние, раскопанные в значительных масштабах, были застроены однокомнатными прямоугольными или овальными в плане домами с отопительными очагами, продолжая в этом отношении раннеэнеолитическую традицию (табл. XVII). Ялангачдепе насчитывало семь-восемь таких домов и, видимо, было населено тем же числом малых семей. На Муллалидеде одновременно функционировало 17—20 жилых домов. Черты коллективности, общественного единства здесь достаточно ярки. Поселки имеют общие зернохранилища и общее святилище, видимо, служившее одновременно местом собраний и именно в это время формирующееся как особый тип здания, выполняющего специфические функции. Иногда однокомнатные сооружения были вплотную при-

строены друг к другу, образуя прототип многокомнатного дома. Однако в отличие от домов-массивов позднего энеолита целенаправленное их сооружение именно как многокомнатных домов не наблюдается: они как бы складываются стихийно. Возможно, уже в этот период повышается значение большесемейной общины в структуре общества, но она еще не имеет своего четко обособленного жилища. Судя по разведочным раскопкам, такова была и застройка крупного поселения Геоксюр 1, все население которого, исходя из коэффициентов застройки мелких поселков, составляло 2000—3000 человек (Массон В. М., 1964в). В целом число жителей Геоксюрского оазиса в пору среднего энеолита может быть ориентировочно определено как 4000—5000 человек. Возможно, оно образовывало самостоятельную племенную единицу.

В тот же период отмечаются и некоторые различия в составе погребального инвентаря, отражающие разный социальный статус или самих усопших, или их семей. Так, в одном из детских погребений на Карадепе обнаружено около 2500 бус, в том числе золотая бусина и гипсовые, обтянутые серебряной фольгой бусы. Но такое положение является исключением. Вероятно, члены родо-племенной системы управления, стоявшей во главе таких сложных организмов, как Карадепе и Геоксюр 1, насчитывающих не менее 2000 жителей, еще не имели возможности (как материальной, так и социальной) подчеркивать размером и характером погребального инвентаря свое особое положение в обществе.

Общий подъем культуры в период позднего энеолита находился в полном соответствии с подъемом экономики оседлоземледельческих племен. С особой убедительностью об этом свидетельствуют исследования, проведенные в Геоксюрском оазисе (Лисицына Г. Н., 1966; 1972). Здесь орошаемое земледелие сделало новый шаг в своем развитии, появились искусственные водоемы и первые ирригационные системы, основанные на каналах. Возможно, в условиях разветвленной гидрографической сети древнедженской дельты, где располагались геоксюрские поселения, такие сооружения возникли еще раньше — в пору среднего энеолита. Но они пока не обнаружены в отличие от каналов последующего периода, когда творческую инициативу древних земледельцев подстегивало прогрессирующее усыхание дельты. Таков прежде всего водоем у Муллалиде, где в пору позднего энеолита жизнь была сосредоточена в восточной части поселения. Овальный по форме, он занимал площадь около 1000 кв. м при глубине 3,5 м. На дне его среди глинистых отложений найдены фрагменты расписной керамики геоксюрского стиля. Вода поступала в водоем из соседнего русла и, видимо, использовалась в период засух. Еще больший интерес представляет оросительная система у поселения Геоксюр 1, где из дельтового протока были выведены три канала, частично функционировавшие одновременно (Лисицына Г. Н., 1964а; 1965). Глубина их достигала 1,2 м, а ширина колебалась от 2,40 до 5,05 м. Длина каналов также сравнительно невелика — около 3 км. По обеим их сторонам в верхнем и нижнем течении располагались поля, куда вода подавалась с помощью небольших канав. В заполнении одного из каналов най-

дена терракотовая женская фигурка достаточно характерного для позднего энеолита типа. Площадь орошаемых земель близ поселения Геоксюр 1 составляла 50—75 га. Проведение специальных каналов позволяло осуществлять многократное орошение посевов, означавшее принципиально новый этап в развитии поливного земледелия, и получать два урожая в год. Геоксюрские каналы, открытые и исследованные Г. Н. Лисицыной, являются древнейшими памятниками такого рода, изученными археологами в Средней Азии (Лисицына Г. Н., 1965). На полях высевались в основном две зерновые культуры — мягкая пшеница и двурядный ячмень. Их зерна обнаружены при раскопках поселений Геоксюр 1 и Чонгдепе.

Определенные трудности вызывает вопрос о земледельческих орудиях поры позднего энеолита. Наконечники мотыг отсутствуют, тогда как каменные кольца-утяжелители для палок-копалок имеются. Вполне вероятно, что именно с помощью этих орудий осуществлялось рытье каналов, причем земля, как это имело место в Месопотамии, относилась в плетеных корзинах (Лисицына Г. Н., 1965). Истлевшие остатки таких корзин обнаружены в толосах. Некоторые исследователи допускают, что для обработки полей использовалась примитивная соха. Действительно, при раскопках позднеэнеолитических памятников обнаружены глиняные колесики от моделей повозок, а роспись отдельных фигурок животных как будто свидетельствует о существовании упряжи (Массон В. М., 1960б).

В скотоводстве в этот период едва ли произошли существенные изменения. В пору позднего энеолита в Геоксюрском оазисе отмечаются усыхание дельты и одновременно резкое сокращение крупного рогатого скота в составе стада. Среди домашних животных представлен и верблюд. Мясное направление животноводства подчеркивается находками остатков комольных овец (Далкин В. И., 1970). Видимо, роль отоманного скотоводства повышается, и в стаде преобладает овца, прекрасно кормящаяся в пустынной степи.

Существенный прогресс наблюдается в пору позднего энеолита в разного рода производствах. Именно к этому времени относятся одноярусные керамические горны, обнаруженные на поселении Геоксюр 1 (Сарианиди В. И., 1963б). Гончарные печи представляют собой производственные сооружения особого рода, а их введение означает начало перестройки всей технической базы керамического производства (Сайко Э. В., 1971, 1977, с. 24). Художественные достоинства позднеэнеолитической керамики также свидетельствуют о высоком профессиональном мастерстве. Видимо, развитие производства стало возможным благодаря выделению мастеров-профессионалов, специализировавшихся на изготовлении глиняной посуды.

Совершенствуется и обработка камня (Айзенберг Ю. Б., 1958). Отметим использование белого и розоватого мраморовидного известняка, из которого изготавливались сосуды, часто сложной профилировки, с рифленным орнаментом (табл. XXI, 22—24; XXII, 20), а также массивные фигурки людей и животных, имевшие скорее всего культовый характер. При изготовлении каменных сосудов в качестве

сверл использовались кремневые «наконечники стрел» (Коробкова Г. Ф., 1964).

Наиболее значительные изменения происходят в сфере металлообработки. Помимо увеличения числа изделий и разнообразия их форм, именно в пору позднего энеолита наблюдаются, как установила Н. Н. Терехова, существенные нововведения в технологии (Терехова Н. Н., 1975а). Так, отмечаются дифференциация технологических приемов, применявшихся при изготовлении различных изделий, и стандартизация технологии при изготовлении однотипных вещей, осваиваются такие новые приемы, как литье в закрытую форму и по выплавляемой модели. Возможно, использовались даже универсальные заготовки-полуфабрикаты. Подобная стабильность условий производства позволяет сделать заключение о существовании постоянно действующих специализированных мастерских, о вычлениении металлообработки в особую сферу производственной деятельности, отделившуюся от горно-металлургического производства (Терехова Н. Н., 1975а, с. 17).

Видимо, определенная специализация происходит и в ювелирном искусстве. В пору позднего энеолита разнообразные бусы и подвески изготавливаются из самых разных материалов — золота, серебра, меди, бирюзы, сердолика, лазурита. Столь разнообразная производственная деятельность, безусловно, требовала профессиональной специализации. Думается, что все отмеченные материалы и данные могут найти объяснение в рамках гипотезы о развитии в этот период общинного ремесла, когда мастер-профессионал обслуживал потребности других членов своей общины именно в силу своей принадлежности к данному коллективу, а не посредством купли-продажи. В свою очередь община обеспечивала мастеров продуктами сельского хозяйства. Подобная организация производства хорошо известна по целому ряду источников и по существу представляет собой попытку общества обеспечить производственный и технический прогресс в рамках традиционных социальных структур (Массон В. М., 1976, с. 62—63). Показательно, что на поселении Геоксюр 1 гончарные горны, связанные с такой специализированной деятельностью, разбросаны по всему поселению и, видимо, отражают рассредоточенный характер расселения мастеров, обслуживающих членов разных общин, в состав которых они входили.

Усложнившейся хозяйственной структуре соответствует и общество более сложной организации. Наряду с поселениями первого и второго типов теперь формируются крупные центры, занимающие несколько десятков гектаров и выделяющиеся в особый, третий, тип памятников. На территории юго-запада Средней Азии в пору позднего энеолита появляются два таких центра — Намазгадепе и Алтындепе. Последнее, судя по всему, увеличивается за счет концентрации населения целой округи, поскольку в это же время происходят сначала сокращение обжитой территории, а затем и полное запустение расположенного неподалеку поселения Илгынлыдепе, относящегося, по крайней мере в пору среднего энеолита, к числу поселений второго типа.

Существенные изменения происходят и в застройке поселений. Однокомнатные строения сменяются многокомнатными домами, возводившимися именно

как крупные жилые массивы (табл. XX). В таких домах-массивах, как мы видели, четко выделяется исходный планировочный узел, объединяющий крупную жилую комнату с отопительным очагом и одно—три подсобных хозяйственных строения. Этот исходный планировочный элемент социологически можно интерпретировать как место обитания малой семьи, тем более что и по площади жилые комнаты соответствуют домам раннего и среднего энеолита, а подсобные строения могли использоваться для хранения принадлежавшего ей имущества. Вместе с тем эти исходные планировочные элементы в пору позднего энеолита уже существуют не самостоятельно, как это наблюдается в более ранних поселках, а объединены числом от четырех до восьми в обширный дом-массив, отделенный от других таких же домов улочками или сплошными стенами. Такой дом-массив имел общие для всего дома хозяйственный двор, кухню, зернохранилища, а в памятниках восточной группы — и общее святилище. Эти обстоятельства подчеркивают определенное хозяйственное и идеологическое единство коллектива, обитавшего в доме-массиве, что позволяет социологически трактовать такие дома как место обитания большесемейной (или домово́й) общины, состоящей из малых семей и представляющей теперь основную ячейку общинного поселка (Массон В. М., 1960б; 1964в).

Важное значение для дополнительного обоснования подобного вывода имеет факт появления именно в пору позднего энеолита коллективных гробниц. На поселении Геоксюр 1 было раскопано 30 таких гробниц, причем обнаружены останки около 200 погребенных (Сарианиди В. И., 1972). В основном гробницы содержали останки 3—10 человек, хотя в двух находилось более 10 скелетов (рис. 7). Такой количественный состав сам по себе предполагает, что перед нами усыпальницы значительно большего коллектива, чем малая семья. Этим коллективом наиболее логично признать именно большесемейную общину. Действительно, в трех гробницах найдены скелеты очень пожилых людей, возможно, патриархов-прародителей. В трех случаях антропологами, по данным одонтологии, установлено наличие в одной гробнице кровных родственников. Не исключено, что геоксюрские могильники содержат информацию и о более крупных общественных единицах, чем большесемейные общины. Так, погребальные камеры расположены группами: в одном случае на участке сосредоточены четыре гробницы, в другом — семь. Упомянутая выше карадепинская гробница с 23 погребенными также принадлежала какому-то значительному коллективу или использовалась в течение весьма длительного времени.

Судя по всему, социальная дифференциация позднеэнеолитического общества (или только ее имущественное отражение) была еще не очень значительна (Алекшин В. А., 1976). Так, по составу погребального инвентаря на Карадепе можно выделить три группы могил: без глиняных сосудов, с одним—тремя сосудами и с восемью сосудами, как правило, с нарядной росписью. Показательно, что в коллективной гробнице на Карадепе в среднем на одного захороненного также приходился один сосуд. Могила с восемью сосудами резко выделяется из числа

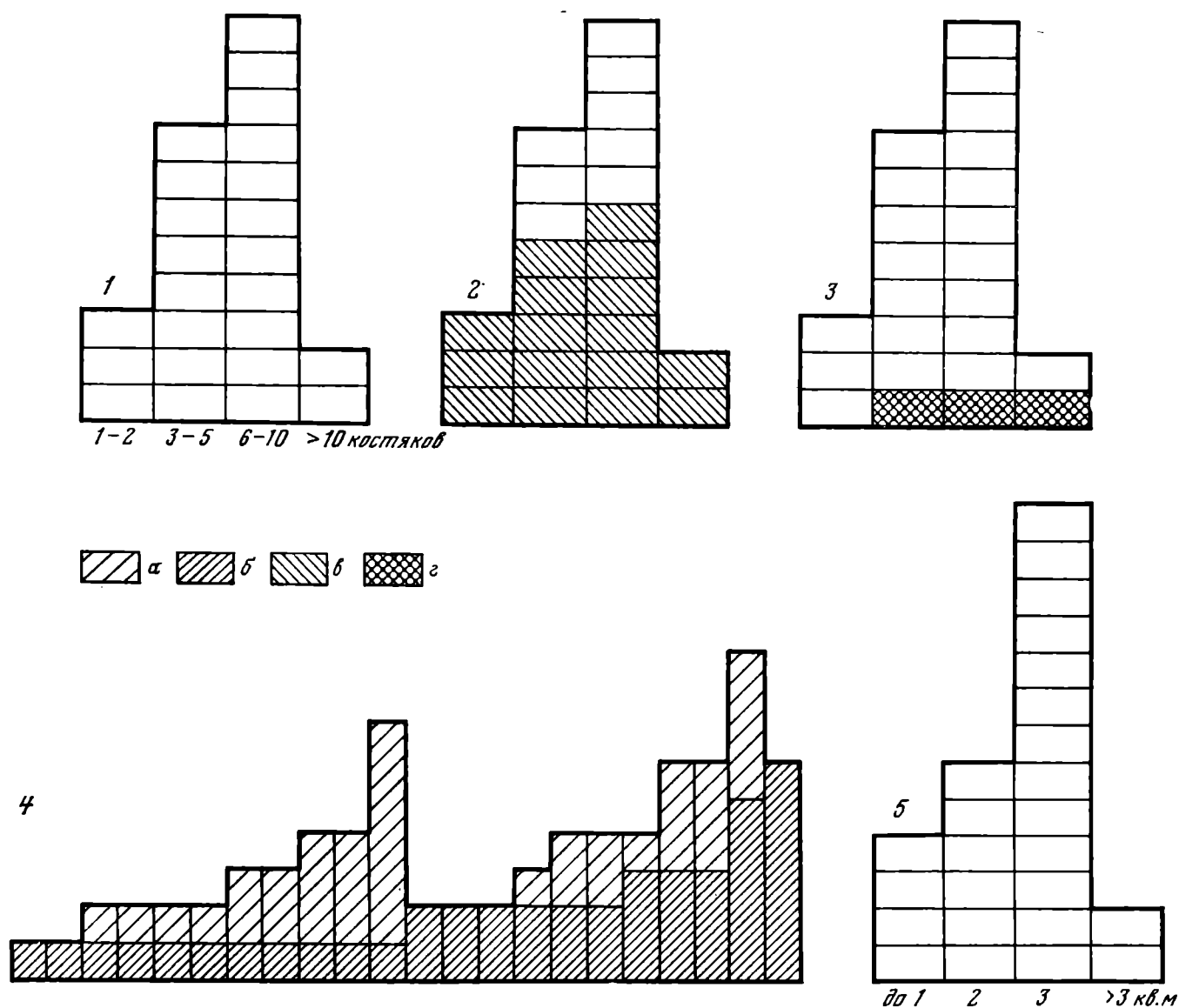

Рис. 7. Распределение погребенных в коллективных гробницах Геоксюра 1

1 — распределение гробниц по числу погребенных; 2 — детские погребения; 3 — погребения стариков; 4 — соотношение мужских и женских погребений; 5 — распределение гробниц по их площади
 а — женские могилы; б — мужские могилы; в — детские могилы; г — погребения стариков

остальных, и это ее обособленное положение подчеркивается уникальной находкой — женской статуэткой, нигде более в погребениях Карадепе не представленной. На Алтындепе выделяется богатое погребение с несколькими сосудами и медными изделиями (табл. XXV), на Геоксюре — могила с медными вещами. Можно заключить, что подобные различия в погребальном инвентаре, носящие в основном количественный характер, отражают наличие в поздэнеолитическом обществе Средней Азии по крайней мере двух социальных прослоек. Высшую из них, надо полагать, составляли жрецы и вожди-старейшины, выполнявшие военные и хозяйственно-организационные функции. Возможно, не случайно именно в пору позднего энеолита появляются терракоты четвертого типа, воспроизводящие бородатых мужчин в боевых шлемах или небольших черных шапочках (табл. XXI, 15, 16). Не вполне

ясен вопрос о погребениях, вообще лишенных инвентаря. На Карадепе и Алтындепе безынвентарные могилы положением костяков и ориентировкой не отличаются от погребений с сосудами, что говорит об их принадлежности к одной этнокультурной традиции. Если погребенные в них лица и занимали низшую ступень социальной иерархии, то они принадлежали к той же племенной группе, что и основное население поселков, представляя собой либо коренных жителей, либо инкорпорированных в племя чужаков.

Обращает внимание система расселения, формировавшаяся еще по крайней мере в пору среднего энеолита, с крупным центром и подчиненными ему мелкими поселками, блестящим примером чего является Геоксюрский оазис. Если рассматривать поселения третьего типа («суперцентры») как сумму большесемейных (домовых) общин, своего рода прототип городской общины, то группы поселений с двучленной иерархией могут соответствовать более крупному объединению, возможно, племенному (Массон В. М., 19716). Интересен факт четкого различия по культурным традициям западных и восточных групп памятников, т. е. двух культурных вариантов. Возможно, в данном случае мы имеем дело с двумя племенными союзами, столицами которых были Намазгадепе и Алтындепе.

Глава шестая

Идеологические представления и памятники искусства среднеазиатских племен эпохи энеолита

Среди объектов материальной культуры, содержащих информацию об идеологических представлениях раннеземледельческих племен, необходимо отметить погребальные комплексы, строения специализированных функций, определяемые как святилища, мелкую пластику, объединяющую антропоморфные и зооморфные изображения, и роспись сосудов, рассматриваемую в семантическом аспекте.

Устойчивый погребальный обряд, характерный для анауских племен, предусматривал помещение усопшего в могилу в скорченном положении и нередко в обкладке из сырцового кирпича, что, возможно, имитировало сооружение жилища. Сходным образом можно рассматривать и коллективные усыпальницы — своеобразные домики мертвых, находившиеся по соседству с жилыми кварталами Геоксюра 1 и Карадепе. Вероятно, эти особенности, как и сам факт размещения могил непосредственно на территории поселения, подчеркивали тесную связь усопших с коллективом общины в целом и с микроколлективами типа малой семьи или большесемейной общины. Стандартный набор погребального инвентаря первоначально включал главным образом личные украшения (бусы в ожерельях или нашитые на одежду), а с поры позднего энеолита — и подношения в виде заупокойной пищи, содержавшейся в сосудах, и частей туши барана, обычно далеко не самых лучших (нижние челюсти, кости ног). Эту часть стандартного набора можно рассматривать как помещаемая с усопшим его доля в поминальной трапезе. Представления о потустороннем мире и заботы о благополучии в нем умершего соплеменника в погребальном обряде ранних земледельцев Средней Азии видимого отражения не получили. Захоронения детей в младенческом возрасте производились в пределах функционировавших домов. Таким образом, энеолитические земледельцы Средней Азии при погребальных обрядах подчеркивали тесную связь умершего с коллективом общины и ее обрядовыми действиями, но, как правило, не стремились обеспечить его значительным количеством предметов, в том числе личного пользования, путем помещения их в могилу. Интересна находка у восточной стены коллективной гробницы, раскопанной на Карадепе, женской статуэтки с налепным изображением ползущей по бедру змеи (Массон В. М., 1964б, с. 5). Эта находка может быть сопоставлена с обнаружением на Алтындепе в слоях времени Намазга V у восточной стены погребальной камеры трех женских статуэток и миниатюрных сосудов (Массон В. М., 1971а, с. 430), что, возможно, указывает на особые поминальные обряды, связанные с использованием терракотовых идолов.

О том, что энеолитическое общество уделяло особое внимание культовым обрядам и церемониям, сви-

детельствует сравнительно широкое распространение в среднеазиатском энеолите строений специфических функций, достаточно убедительно трактуемых как святилища. Эти строения обнаружены на целом ряде памятников, и им уже посвящено несколько специальных работ (Сарианиди В. И., 1962а; Хлопин И. Н., 1964б, с. 76—79; 1971). Раскопки Песседжикдепе показывают, что генезис таких сооружений, бывших организационным и в известной мере планировочным центром оседлоземледельческих общин, восходит еще к неолитической джейтунской культуре (Бердыев О. К., 1976). Традиции песседжикского святилища с его расписным интерьером продолжают и в пору раннего энеолита. Таковы два строения со стенами, окрашенными в красный цвет, на Чакмакльдепе (Бердыев О. К., 1976, с. 33) и ряд строений с полихромными стенными росписями на памятниках времени Намазга I. Наличие в них очагов, в том числе пристенного очага-камина сложной конструкции на Яссыдепе, указывает на то, что в исполнявшихся обрядах определенную роль играло и возжигание огня. Однако если на Песседжикдепе такое сооружение специализированных функций было одно на все поселение, то позднее, возможно, их было несколько. Так, на Чакмакльдепе домов с окрашенным интерьером два — по одному для каждой из двух частей поселка, делившегося почти пополам продольной улицей. Отметим, что на раннеземледельческом поселении Малой Азии Чатал-Гуюк строения со специфическим оформлением интерьера, убедительно определяемые как святилища, распределяются по одному на два-три жилых дома, видимо представляя собой культовые центры большесемейных общин (Mellaart J., 1967; Массон В. М., 1971в, с. 107). Возможно, подобное явление имело место и на южнотуркменских поселениях, достаточно больших по числу жителей.

Весьма четко устанавливаются особенности южнотуркменских святилищ поры среднего энеолита по материалам раскопок памятников ялангачского типа, удачно суммированным И. Н. Хлопиным (Хлопин И. Н., 1964б). Среди отдельно расположенных жилых и подсобных строений ялангачских поселков выделяются подквадратные и подпрямоугольные в плане дома с тщательно оштукатуренными стенами двойной толщины, многократно обмазанными полами, по площади вдвое превышающие обычные жилые дома. Цветовая отделка интерьера отсутствует, но на стене такого строения во втором слое Ялангачдепе обнаружен глиняный налеп (рис. 8, I) в виде перевернутой буквы Ш с 15 углублениями, явно имевший магическое значение. И. Н. Хлопин предлагает видеть в нем схематическое изображение женской фигуры (Хлопин И. Н.,

1964б, с. 162). Важной особенностью этих строений, значимой и для их функциональной атрибуции, является наличие в них специфических очагов. Это большие прямоугольные сооружения, огражденные по краю маленьким бортиком с невысокими глиняными столбиками по углам. Внутри очаг разделен на две части, одна из которых, более высокая, гладко обмазана глиной, а вторая, более низкая, несет следы прокаливания. Слабый огонь был явно недостаточен для приготовления пищи и скорее всего возжигался для культовых церемоний. Показательно также, что прямоугольной формой и краевым бортиком эти очаги напоминают культовые подиумы святилищ и храмов древней Месопотамии. По расчетам И. Н. Хлопина, такое святилище могло вместить 25—30 человек, т. е. практически все взрослое мужское население небольшого поселка. Вполне вероятно заключение, что, подобно святилищу Песседжикдепе, аналогичные постройки на памятниках ялангачского типа были одновременно и культовыми центрами, и местами общих собраний полноправных общинников. Вместе с тем показательно существование в пору среднего энеолита в Геокюрском оазисе очагов овальной формы, располагавшихся в центре овальных строений (Геокюр 7) и в прямоугольных помещениях (Айнадепе).

Сооружения специального назначения со следами возжигания огня широко представлены и на памятниках позднего энеолита. Так, почти в центре Карадепе на уровне верхнего строительного горизонта с невыразительными остатками сырцовых строений, сохранившихся на высоту всего нескольких сантиметров, найдены мраморная фигурка быка и значительное число целых и фрагментированных сосудов из белого и розового мраморовидного известняка. Это позволяло предположить, что здесь были остатки здания специального назначения (Массон В. М., 1960б, с. 347). При вскрытии строений нижележащего слоя они первоначально рассматривались как остатки двух жилых домов. После раскопок поселений Геокюрского оазиса, где были открыты специфические прямоугольные очаги, В. И. Сарияниди сопоставил их с очагами упомянутых строений второго слоя Карадепе (Сарияниди В. И., 1962а, с. 48). Развивая эти соображения, И. Н. Хлопин высказал мнение, что комплекс строений, вскрытый на Карадепе, представляет собой культовый центр (Хлопин И. Н., 1971). Действительно, там почти не было пряслиц и обогревательных очагов, характерных для жилых домов Карадепе. Согласно такой интерпретации, на Карадепе имеются два рядом расположенных подквадратных в плане святилища с прямоугольными очагами. К ним примыкают подсобные строения, в том числе цепочка небольших комнат-хранилищ. Иными словами, карадепинский комплекс можно рассматривать как сложное сооружение протехрамового типа, бывшее не только местом обрядовых церемоний, но и в известной мере центром хозяйственной деятельности, в частности местом хранения резервного и семенного фонда земледельческой общины.

В Геокюрском оазисе такие крупные культовые центры пока не обнаружены, но зато достаточно четко выделяются небольшие святилища, планировочно включенные в состав больших домов-масси-

Рис. 8. Налеп в культовом здании Ялангачдепе (1) и круглый очаг-жертвенник на Айнадепе (2)

вов — мест обитания большесемейных общин. Для них характерны круглые очаги-дски (рис. 8, 2) с белой золой в заполнении и специфические находки, в числе которых отметим каменные сосуды, ступки и пестики, причем в одной из ступок были остатки охры. Такие «домашние святилища» открыты на Геокюре 1 (Сарияниди В. И., 1960б, с. 231), Чонгдепе (Сарияниди В. И., 1965б, с. 12), а в последние

годы — и на Алтындепе (Массон В. М., 1977б, с. 165). Хотя в одном из святилищ был обнаружен и прямоугольный очаг-подиум, круглые жертвенники, безусловно, составляют специфическую черту культуры поселений восточной группы. В святилищах Геоксюра 1 отмечены следы больших пожаров, что позволило В. И. Сарияниди выступить с гипотезой об их преднамеренном сжигании (Сарияниди В. И., 1962а, с. 51; 1966, с. 91), но только в порядке постановки вопроса. Несмотря на наличие в этих святилищах костных остатков, остается непроверенной и другая гипотеза того же автора — о связи святилищ с погребальными обрядами. Как бы то ни было, сооружения специфических функций со следами возжигания огня были достаточно широко распространены на раннеземледельческих памятниках Средней Азии в разные периоды и в разных территориальных группах. Однако это отнюдь не решает вопроса о том, в честь каких божеств возжигался в этих культовых постройках священный огонь.

Для решения данной проблемы обратимся к рассмотрению предметов мелкой пластики. Все они, и антропоморфные, и зооморфные, по характеру исполнения могут быть разделены на две основные группы: наспех вылепленные и необожженные или обожженные частично и тщательно сделанные терракоты с нанесенными краской различными деталями, которым близки (прочностью) каменные фигурки. Если в первых можно видеть объекты одноразового использования, то последние явно рассчитаны на долгую службу. В этой связи наиболее убедительным является заключение, что фигурки животных изготавливались для каких-то разовых обрядов, практиковавшихся древними пастухами (Хлопин И. Н., 1964б, с. 163). Иногда такие фигурки кидались в огонь, но, как правило, специальному обжигу не подвергались. Аналогичное явление отмечено на памятниках джейтунской неолитической культуры, где некоторые фигурки несут следы преднамеренных уколов, сделанных заостренными косточками или палочками (Массон В. М., 1960в, с. 62; Бердыев О. К., 1976, с. 52–53). Подобные проколы встречаются и на фигурках животных, происходящих с энеолитических памятников (Сарияниди В. И., 1965б, с. 39).

Наспех вылепленные антропоморфные фигурки из необожженной глины, иногда с поднятыми вверх руками можно трактовать как изображения молящихся людей (Сарияниди В. И., 1965б, с. 38), также предназначенные для конкретных случаев и разового употребления. В качестве аналогии обычно приводится текст из аккадского сказания о Гильгамеше, характеризующий культовые обряды общества, сложившегося на основе традиций, восходящих в конечном итоге к пласту раннеземледельческих общин:

Едва занялось сияние утра,
Гильгамеш изготовил из глины фигурку.
.....
Фигурку украсил и Шамашу вынес.
(Эпос..., с. 55–56)

Но, бесспорно, основной интерес представляют тщательно выполненные фигурки многоразового употребления, среди которых на памятниках анау-

ской культуры, как и других раннеземледельческих культур, подавляющее большинство составляют терракоты, изображающие женщин. Для рассмотрения их семантики могут быть использованы прежде всего специфические черты самих фигурок, в том числе различные детали и символы, нанесенные краской, а также данные об условиях находки и изображения статуэток в росписи на сосудах.

Все три основных статуарных типа женских фигурок среднеазиатского энеолита передают в целом один и тот же образ обнаженной женщины, сначала стоящей, а затем сидящей, с массивными бедрами (или даже с подчеркнутой стеоопигией) и полной грудью.

В терракотах позднего энеолита массивность сменяется изяществом плавных линий, подчеркивающих основную идею иными средствами эстетического воздействия (рис. 9, 2). Подтипы, имеющиеся внутри основных типов, отражают принцип «часть вместо целого» и дают весьма четкое представление о том, что считалось главным в воспроизводимом образе. Согласно этому принципу, в первую очередь опускалось изображение рук и лишь в редких случаях — груди. Бедра всегда фигурировали как главный элемент. Анализ образа, воспроизводимого древними терракотами, показывает, что при их создании имелась в виду сильная полная женщина, отличающаяся плодовитостью. Это полностью подтверждается характером дополнительных деталей, нанесенных на статуэтки (Антонова Е. В., 1972; 1977). Таков в первую очередь треугольник, подчеркивающий лобок и ставший со времени развитого энеолита неизменным элементом почти всех фигурок, независимо от принадлежности к тому или иному типу или подтипу. В раннем энеолите его заменяло овальное углубление, но следует иметь в виду крайне ограниченное число терракот этого периода. Треугольник наносился краской, подчеркивался процарапыванием или передавался налепом; нередко использовались оба приема — и процарапывание, и окрашивание. Не случайно именно треугольник, иногда с небольшой поперечной черточкой в основании в ранней шумерской пиктографии передает понятие «женщина» (Вайман А. А., 1976).

Другие дополнительные детали встречаются реже. К их числу относятся окрашенные или наlepные ожерелья (на шее) и браслеты (на лодыжках). Нередко ожерелья изображаются двойной линией; на крупной статуэтке с Ялангачдепе точками переданы три нитки бус, а двумя сплошными полосками еще два каких-то других вида шейных украшений, возможно, гривны. Сопоставление названных деталей со стандартными наборами погребального инвентаря, содержащими ожерелья из бус, демонстрирует стремление древних мастеров подчеркнуть особую пышность и богатство воспроизводимых в терракоте женских персонажей. Не вполне ясна семантика косых линий или овальных налепов на торсе. Магические символы, поддающиеся интерпретации, наиболее редки. К их числу относятся фигуры козлов, в разной степени схематизированные и, видимо, связанные с особой ролью этого животного, сохранившего традиционную символику древнего тотема. На бедре фигурки, найденной у стены коллективной гробницы Карадепе, изображена ползущая вверх

змея (рис. 9, 1). На ряде статуэток, происходящих с ялангачских памятников, можно видеть двойные и одинарные круги с точкой посередине, символизирующие, согласно наиболее вероятному толкованию, солнечный диск. На одной целой статуэтке изображено 15 таких кругов, что, по мнению И. Н. Хлопина, могло передавать аграрный календарь древних земледельцев, предусматривавший деление года на 15 месяцев по 24 дня в каждом (Хлопин И. Н., 1964б, с. 106).

Терракоты на среднеазиатских памятниках эпохи энеолита в подавляющем большинстве найдены в перемещенном состоянии и к тому же фрагментированы. Было высказано предположение, что фрагменты терракот с магическими целями закладывались в бытовые очаги (Хлопин И. Н., 1964б, с. 162), но если упоминаемые факты и не случайны, то все же этот обряд не получил массового распространения. Более существенно нахождение превосходной женской статуэтки в богатом погребении на Карадепе и уже упоминавшейся фигурки со змеей близ коллективной гробницы на том же памятнике. Случаев находок целых статуэток в древних святилищах пока нет, однако не исключено, что сцена поклонения такому священному образу воспроизведена на одном из фрагментов расписной керамики, обнаруженной на Карадепе. Здесь сохранились части двух человеческих фигур, обращенных лицом друг к другу. Между ними изображена характерная для позднего энеолита терракота с тяжелыми прямоугольными плечами, подтреугольной «птичьей» головкой, в сидящей позе. Вероятно, это сцена поклонения, причем, судя по относительному масштабу, бывшая объектом поклонения фигура достигала в высоту трети человеческого роста (Массон В. М., 1959а). О существовании крупных антропоморфных скульптур свидетельствует выточенный из мрамора торс с Намазгадепе. Аналогичные изображения жезских скульптур в росписи отмечены еще в нескольких случаях. На том же Карадепе имеется фрагмент сосуда, где воспроизведение такой статуэтки сопровождается рисунками птицы и, возможно, пятнистого животного (Массон В. М., 1960б, с. 441, табл. XXII, 2), а на дне чаши с Алтындепе оно помещено рядом с изображением извивающейся змеи (Кожин П. М., Сарияниди В. И., 1968, с. 36). Наконец, на Алтындепе в 1976 г. было найдено пряслице с воспроизведением двух таких фигурок, разделенных полукрестами. Названные факты не оставляют сомнений в том, что терракотовые женские статуэтки среднеазиатского энеолита являются культовыми объектами, своего рода идолами, воспроизводящими образ женского божества, покровительницы плодородия, богини-матери. Не исключено, что началась дифференциация этого в целом сложного и полиморфического образа, о чем свидетельствует дважды повторившееся соединение женской терракоты с образом змеи, к тому же в комплексе с погребальным сооружением (ипостась хтонической богини подземного мира?).

Как отмечалось, с конца развитого энеолита появляются и сравнительно редкие терракотовые фигурки, изображающие сидящих и стоящих мужчин, в основном воинов в шлемах. Возможно, такие терракоты связаны с культом предков, в частности с

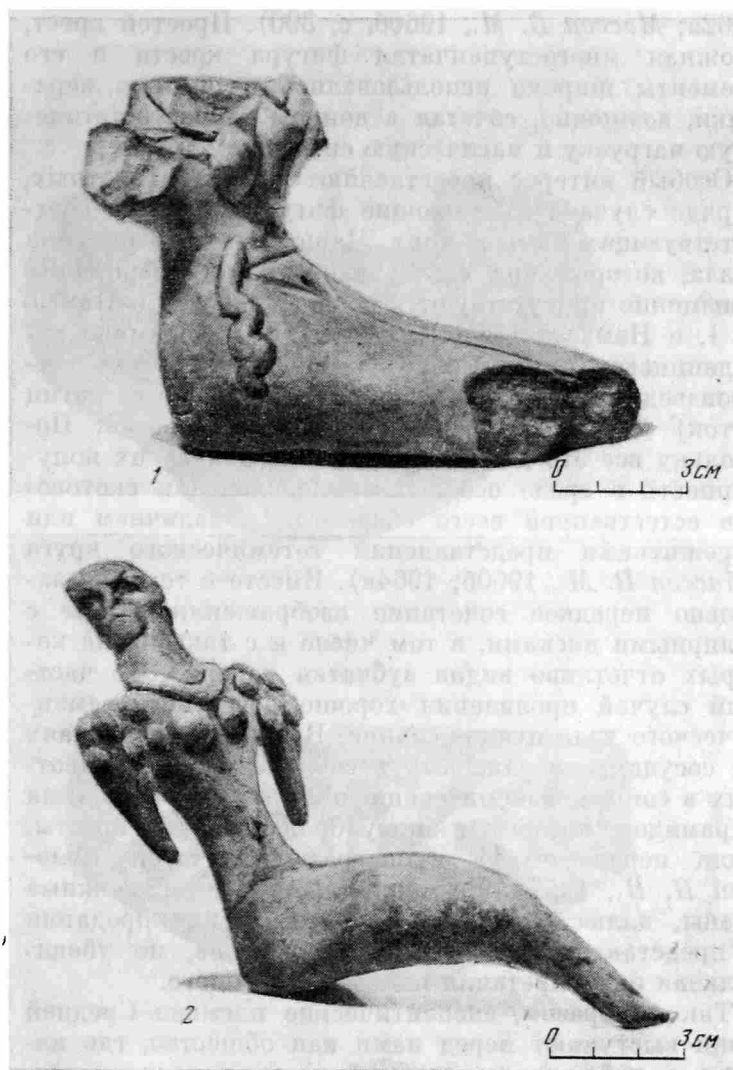

Рис. 9. Позднеэнеолитические терракотовые статуэтки с Карадепе

1 — из коллективной гробницы; 2 — из богатого погребения

культом удачливых военных вождей (Массон В. М., 1960б, с. 401). Значительный интерес представляют находки на Карадепе в слое Намазга III превосходно выполненных терракотовых фигурок животных, украшенных росписью, в том числе фигурок пятнистых коров или бычков, а также, видимо, запряженного быка. Они, как и мраморная статуэтка быка, явно принадлежали к числу предметов многократного употребления. Возможно, это фетиши, хранившиеся в святилищах наряду с другими священными объектами.

Обратимся к росписи на глиняной посуде. Не следует забывать, что это памятники прикладного искусства, подчиняющиеся определенным законам орнаментации, в частности повторению рисунка, развертывающегося по фризу сосуда (Лисицына Г. Н., 1968б). Вместе с тем использованные мотивы, а также отдельные сцены, бесспорно, несут достаточно сложную семантическую нагрузку. В росписи среднеазиатских сосудов таким является крест, первоначально, видимо, выполнявший функции простого оберега, перечеркивающего движение недобрых сил, а затем усложненного семантически, что хорошо видно на печатях и других объектах (Хлопин И. Н.,

1962а; *Массон В. М.*, 1960б, с. 390). Простой крест, сложная многоступенчатая фигура креста и его элементы широко использовались в росписи керамики, возможно, сочетая в данном случае эстетическую нагрузку и магическую символику.

Особый интерес представляют фигуры животных, в ряде случаев заменяющие фигуру креста в соответствующих композициях. Чаще всего это рисунки козла, которые при всех стилистических вариациях неизменно присутствуют в росписи посуды и Намазга I, и Намазга II, и Намазга III. В керамике карадепинского стиля образ козла дополняется воспроизведением пятнистых животных — барсов, птиц (уток) и орлов с распростертыми крыльями. Поскольку все это дикие животные и птицы, их популярность в среде оседлых земледельцев и скотоводов естественней всего связывать с наличием или пережитками представлений тотемического круга (*Массон В. М.*, 1960б; 1964в). Вместе с тем показательное сочетание изображения птицы с соляными дисками, в том числе и с такими, на которых отчетливо видна зубчатая корона. Это частный случай проявления хорошо известного семантического узла птица—солнце. В некоторых случаях на сосудах изображалось несколько разных животных в сопровождении специфических символов типа пирамидок, которые в эпоху бронзы, как и кресты, были перенесены в иконографию печатей (*Хлопин И. Н.*, 1957). Возможно, перед нами сложные сцены, иллюстрирующие мифологические предания и представления древних земледельцев, но убедительная интерпретация их — дело будущего.

Таким образом, энеолитические племена Средней Азии выступают перед нами как общество, где наряду с культом женского божества — покровительницы плодородия — определенную роль играли и представления тотемического круга, вероятно, уже подчиненные этому главному культу. Недаром фигурки козлов изредка рисуются на бедрах женских терракот. Весьма интересно наличие в культовом комплексе Карадепе двух расположенных рядом и одинаковых по размерам подквадратных в плане помещений, которые, судя по ялангачским аналогиям, можно трактовать как святилища. Если одно из них было посвящено культу плодородия, т. е. в первую очередь женскому божеству, то естественно предположить связь второго святилища с мужским божеством, составлявшим с древней покровительницей земледельцев священную пару. Не исключено, что с таким мужским божеством был связан и культ быка, терракотовые и каменные изображения которого как раз появляются на Карадепе в это время. Во всяком случае, в культовом комплексе Алтындепе, относящемся уже к средней бронзе, небесный бык выступает в совокупности с мужским лунным божеством (*Массон В. М.*, 1974б).

Искусство энеолитических земледельцев тесно связано с их идеологическими представлениями, с развитием общественной жизни, хозяйственным потенциалом и производственными возможностями древних общин (*Массон В. М.*, 1966а; *Сарианиди В. И.*, 1967; *Сарианиди В. И.*, *Кошеленко Г. А.*, 1966; *Массон В. М.*, *Сарианиди В. И.*, 1972). Определенную роль играло и стремление благоустроить, украсить быт. Так, уже в пору раннего энеолита с по-

вышением роли общины как представителя коллективного труда или простой первобытной кооперации все большее значение приобретает создание на поселениях центров, воплощающих идеологическое единство. В архитектурном плане эта задача решается на основе рядового жилого дома со специфическим оформлением интерьера. Как показывают раскопки ряда памятников, особое внимание при этом уделялось росписи стен, покрывавшихся композициями из геометрических фигур. Иногда, видимо, роспись представляла собой простой перенос на стену орнамента цветной циновки. Такова стенная роспись северного холма Анау, образующая двусторонние композиции типов 18 и 20, характерные и для расписной керамики среднеазиатского энеолита. В качестве основного строительного материала использовался прямоугольный сырцовый кирпич, на размерах (длинная сторона равна 48—50 см) которого, возможно, и основывался архитектурный модуль.

В пору раннего энеолита обычай украшения посуды росписью широко распространен — почти 30% глиняных сосудов орнаментированы. В росписи господствуют композиции из крупных геометрических элементов, главным образом треугольников. Здесь нет ни дробной пестроты, ни пзощренной декоративности. Фигуры козлов линейно-схематические, хотя и переданы уверенными мазками. Изображение непрофильное: художник воспроизводит пару рогов и обе пары ног независимо от того, могут ли они быть видны при данном положении фигуры животного или нет. То же мы видим и в рисунке животного на черепке с Карадепе, хотя залитое краской туловище скорее напоминает профильное изображение. Двумя черточками подчеркнута пара ног. Наоборот, торсы женских статуэток мягко моделированы, с большим реализмом и тонким чувством природы передан образ полной плодовой женщины. Хотя по принципу «часть вместо целого» в фигурах второго подтипа раннего энеолита некоторые детали опускаются, общий стиль лепки от этого не меняется. Часть, заменяющая целое, передана не абстрактным символом, а с натуралистичной полновесностью. Хотя проявляется ряд локальных отличий, территориальная обособленность и рост хозяйственной самостоятельности не приводят еще к нарушению культурного единства в той мере, в какой оно прослеживается в памятниках искусства.

В пору среднего энеолита святилище как строение специализированных функций получает уже четкое плановое решение, формируется определенный тип здания, повторяющийся на разных поселениях. В интерьере на стенах, сохранившихся, как правило, на небольшую высоту, вместо росписи появляются налесты, возможно, имевшие значение магических символов. Возникает и новый тип строений — дома довольно правильной округлой формы, что предполагает использование при их постройке мерной веревки. Роспись на керамике типа Намазга II, характеризующаяся дробностью, пестротой и измельченностью, в принципе варьирует те же основные геометрические фигуры, что и роспись посуды типа Намазга I. Вместе с тем намечается переход к утонченному декоративизму, парадность подчеркивается введением в роспись второй краски. Керами-

Рис. 44. Расписные сосуды и головка терракотовой статуэтки. Алтындепе (поздний энеолит)

ке ялангачского типа, наоборот, присуща скупость простой линейной орнаментации: в восточной группе поселений складывается своеобразный утилитарный стиль оформления глиняной посуды, оказавшийся, однако, в стороне от основной линии развития керамического искусства ранних земледельцев.

В антропоморфной скульптуре продолжается традиция изготовления выразительных реалистических женских статуэток с подчеркнутыми признаками материнства и плодовитости. Это второй статуарный тип фигурок, лишенных рук и плеч. Именно на пышной груди и широких бедрах сосредоточено все внимание скульпторов. На красноватые тела черной краской нанесены детали, пзображающие украшения и разного рода магические символы. Наряду с этим массовым вариантом скульптурного воплощения божества плодородия существовали индивидуализированные скульптуры. Такова фигурка с Айнадепе, передающая в мягких переливающихся объемах образ уютно сидящей полной женщины со сложенными под грудью руками. Большинство женских терракот поры среднего энеолита сделаны добротнo и основательно; создаваемый ими образ полон спокойствия и самоуверждающей уравновешенности.

Наивысшего расцвета достигает прикладное искусство южнотуркменистанских земледельцев в период позднего энеолита. В архитектуре этого времени используется ложносводчатое перекрытие из сырца, зафиксированное в овальных погребальных камерах Геоксюра 1. Отмечены зачатки планировочного решения поселения в целом, с организацией уличной сети, членящей его на отдельные объемы многокомнатных домов-массивов. Святилища Карадепе возводятся уже не как отдельно стоящие здания специфического типа, а включены в систему построек и образуют своего рода протохрамовый комплекс.

В расписной керамике ялангачская попытка угростить эстетическую сторону этого вида домашней утвари не была принята гончарами позднего энеолита. Декоративное направление решительно утверждается в росписи керамики как в восточной, так и в западной группах. Для росписи этого времени особенно характерны утонченный орнаментализм

и символика, смыкающаяся с абстракционизмом. На посуде карадепинского стиля дробный измельченный рисунок почти сплошь покрывает стенки сосудов, несущих в повседневный быт изящество и парадность. Изображения животных, среди которых особенно выразительны фигуры козлов с пристроенной бородкой и гордо закинутыми назад рогами, даны уже в профиль. Они вытеснили более ранние линейно-схематичные рисунки. Отмечается и тенденция к созданию сцен, видимо, символично-магического характера, разворачивающихся по фризу сосуда. Керамику геоксюрского стиля характеризует не узорная вязь измельченного рисунка, как это было на керамике Карадепе, а строгость и ритмичность орнаментальных схем, парадно подсвеченных введением в роспись второго цвета. В угоду общему геометрическому стилю здесь стилизуются и фигуры животных: туловища их изломаны под углом так, что порой с трудом можно узнать в рисунках козлов или кошачьих хищников.

Богаче и разнообразнее становится мелкая пластика. Глиняные статуэтки животных нередко вылеплены с большим тщанием и покрыты росписью. В этих миниатюрных скульптурах нетрудно узнать и приземистого кабана, и сайгу с горбоносым профилем, и массивные фигуры мускулистых быков. Древние скульпторы предпринимают попытки освоения нового материала — белого мраморовидного известняка. Из него выточена тяжеловесная фигура бычка, пропорции которой скорее напоминают кабана и показывают неопытность мастеров, работающих по камню. Утверждается и новый тип женских терракот. Пышнотелых матрон сменяют стройные фигурки отточенных форм, плавных и изящных линий. Детализированная декоративность отмечает трактовку причесок и головных уборов. Получают распространение и изображения воинов в шлеме. Стилистическое единство мелкой пластики среднеазиатских общин поры позднего энеолита является одним из выдающихся достижений искусства ранних земледельцев Ближнего Востока. Судя по находке большого торса в позднеэнеолитических напластованиях Намазгадепе, крупные фигуры людей вытачивались также из мрамора.

Западная группа памятников			Восточная группа памятников					
Анау	Намазга-депе	Карадепе	Тип керамики	Алтын-депе			Геоксюр 1 шурф	Чонг-депе
				Раскоп 1	Шурф 3	Раскоп 11		
	III	1А	Геоксюрский	9	XI - XXII ярусы	III - XI ярусы (шесть строительных горизонтов)	1	I - V ярусы
				10				
		11/12						
		13						
IIБ	II	2	Ялангачский	14	XII - XVII ярусы	4	VI - X ярусы	
		3						
		4						
		5						
		6						
		7						
IБ	I	Шурф XIX - XXVII ярусы	Дашлыд-жинский		XVIII - XXVIII ярусы	8		
						9		
						10		
IA								

Таблица I. Синхронистическая таблица энеолитических комплексов Средней Азии

	<i>Конические сосуды</i>	<i>Полусферические сосуды</i>
<i>Миски</i>	<p>1 2 3</p>	<p>4 5</p>
<i>Чашы и кубки</i>	<p>6 7</p>	<p>8 9</p>
<i>Горшки</i>	<p>10</p>	<p>11 12</p>

Таблица II. Типы форм энеолитической керамики Средней Азии

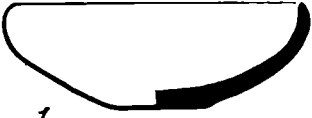

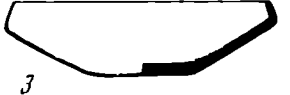

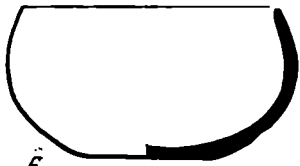
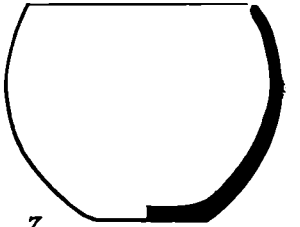

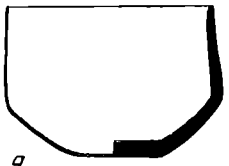
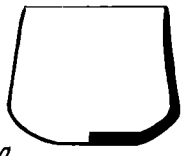
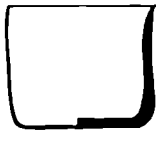
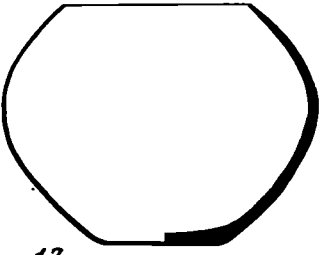
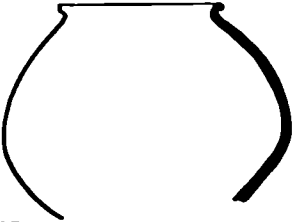
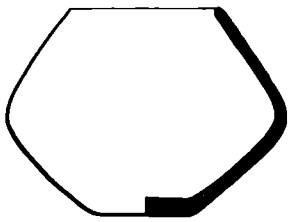
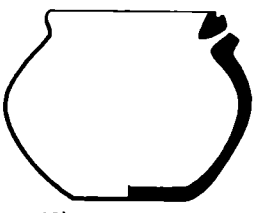
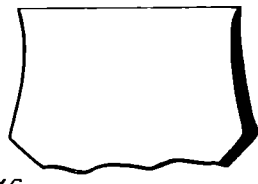
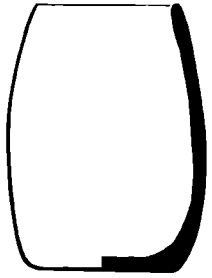
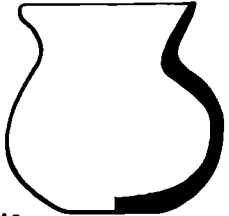

<i>Сферические сосуды</i>	<i>Биконические сосуды</i>		<i>Цилиндрические сосуды</i>
 <p>1</p>	 <p>2</p>	 <p>3</p> <p>4</p>	 <p>5</p>
 <p>6</p> <p>7</p>	 <p>8</p>	 <p>9</p> <p>10</p>	 <p>11</p>
 <p>12</p> <p>13</p>	 <p>14</p> <p>15</p>	 <p>16</p>	 <p>17</p>
 <p>18</p>	 <p>19</p>		

Таблица III. Типы форм энеолитической керамики Средней Азии

Тип	Время Намазга I	Время Намазга II		Время Намазга III	
		Ялангачдепе	слой 5-2 Карадепе	Геоксур I	слой 1 Карадепе
1					
2A					
2B					
3A					
3B					
4					
5A					
5B					
5B					
6					

Таблица IV. Типы орнаментальных композиций энеолитической керамики Средней Азии

N	Время Намазга I	Время Намазга II		Время Намазга III	
		Ялангачдепе	слой 5-2. Карадепе	Геоксюр I	слой 1 Карадепе
7					
8A					
8B					
9					
10A					
10B					
11					
12A					
12B					
13					

Таблица IV (продолжение)

N	Время Намазга I	Время Намазга II		Время Намазга III	
		Ялангачдере	слой 5-2 Карадере	Гюксюр I	слой 1 Карадере
14					
15A					
15B					
16					
17					
18					
19					
20					
21A					
21B					

Таблица IV (окончание)

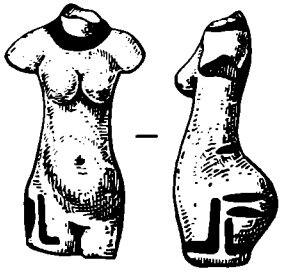
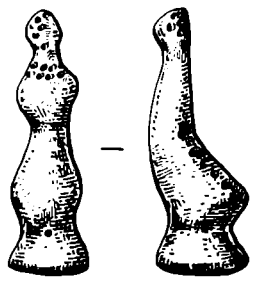
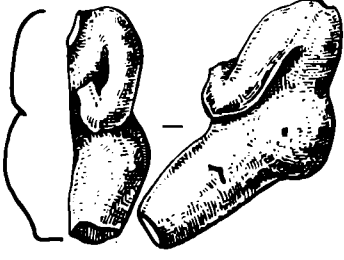
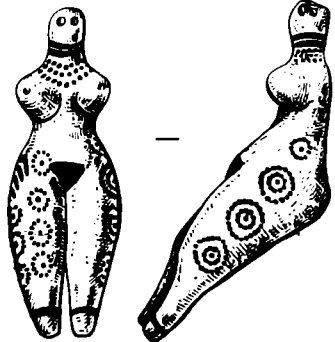
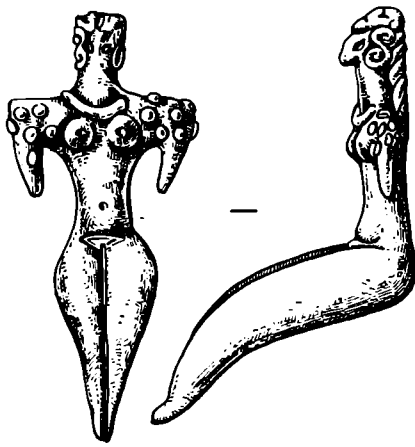
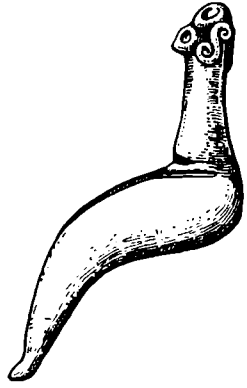

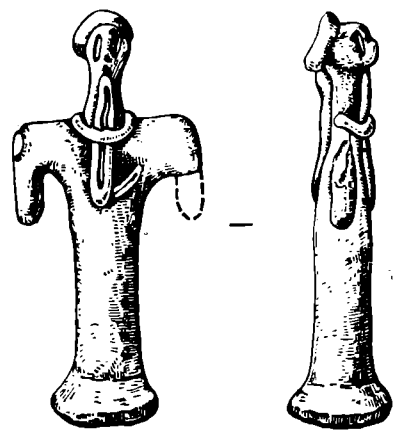
<i>Тип I</i>		<i>Тип II</i>	
<i>Вариант 1</i>	<i>Вариант 2</i>	<i>Вариант 1</i>	<i>Вариант 2</i>
			
<i>Тип III</i>		<i>Тип IV</i>	
<i>Вариант 1</i>	<i>Вариант 2</i>	<i>Вариант 1</i>	<i>Вариант 2</i>
			

Таблица V. Типы антропоморфных терракот

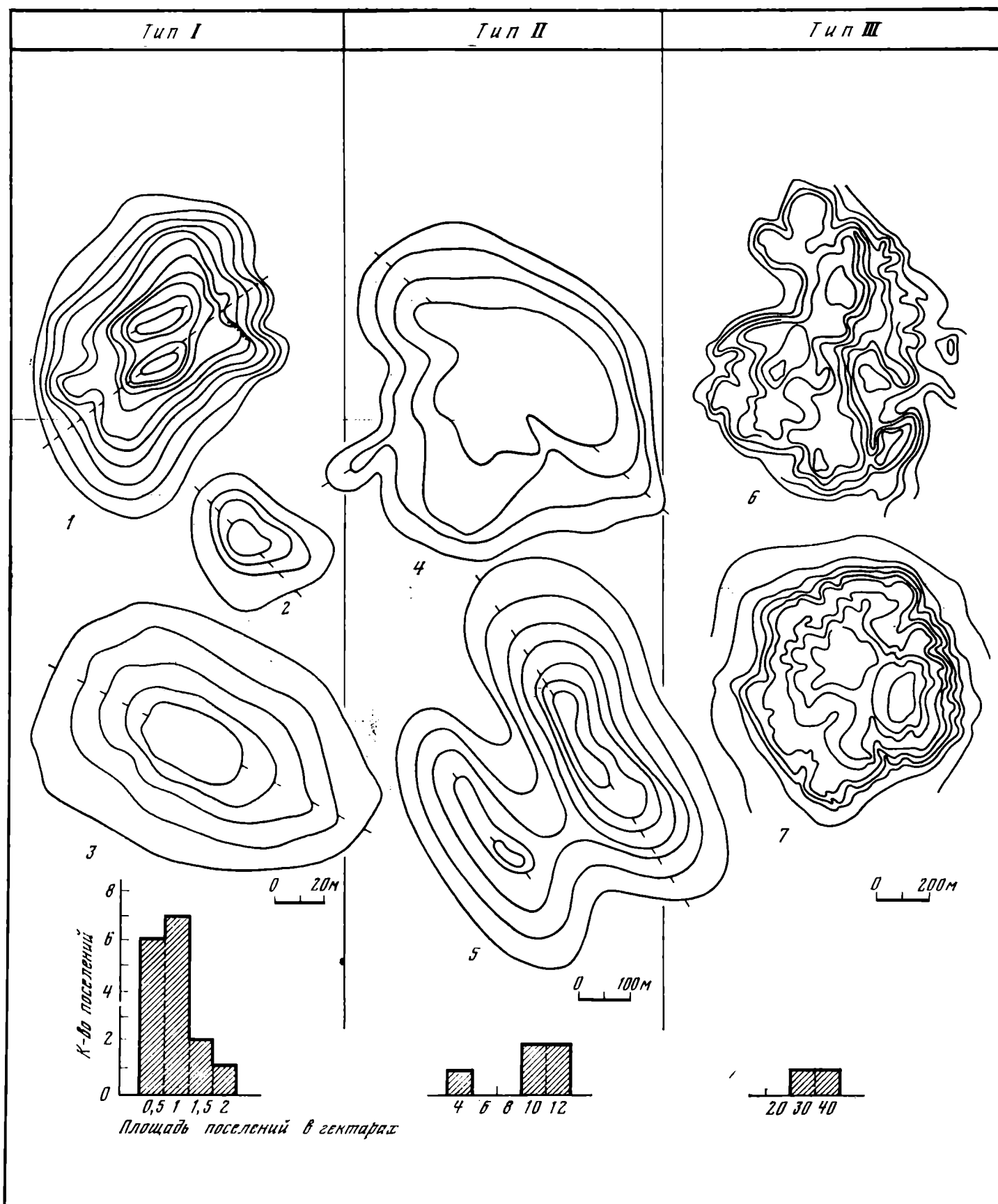

Таблица VI. Типы энеолитических поселений Средней Азии

1 — Айвадепе; 2 — Дашлыджидепе; 3 — Ялангачдепе;
4 — Геоксур; 5 — Карадепе; 6 — Намагачдепе; 7 — Алтындепе

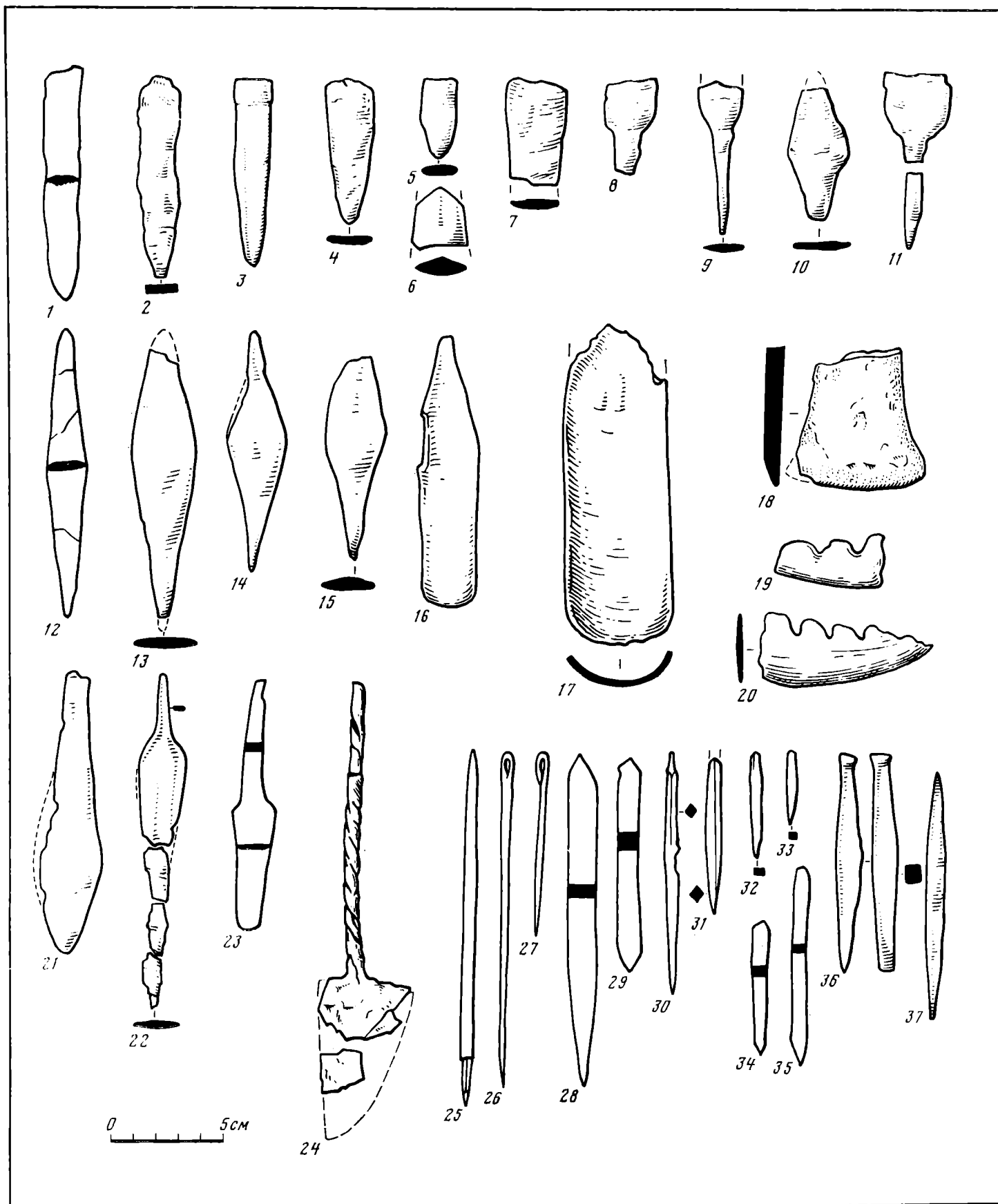

Таблица VII. Медные орудия и оружие с памятников среднеазиатского энеолита

1 — Геоксюр 4; 2, 4 — Айнадепе; 5, 29 — Монджуклыдепе; 6 — гынлыдепе; 20 — Тилькиндепе; 21 — Анау; 22 — Алтындепе; Дашлыджидепе; 7, 11, 17, 19, 25, 30, 31 — Карадепе; 3, 24 — Муллалидепе; 8—10 — Геоксюр 7; 12, 23, 26, 27, 34, 35 — Геоксюр 1; 13, 15, 18, 32, 33 — Ялангачдепе; 14, 16 — Ил-

28 — Каушутское поселение; 36 — Серахское поселение; 37 — Геоксюр 9

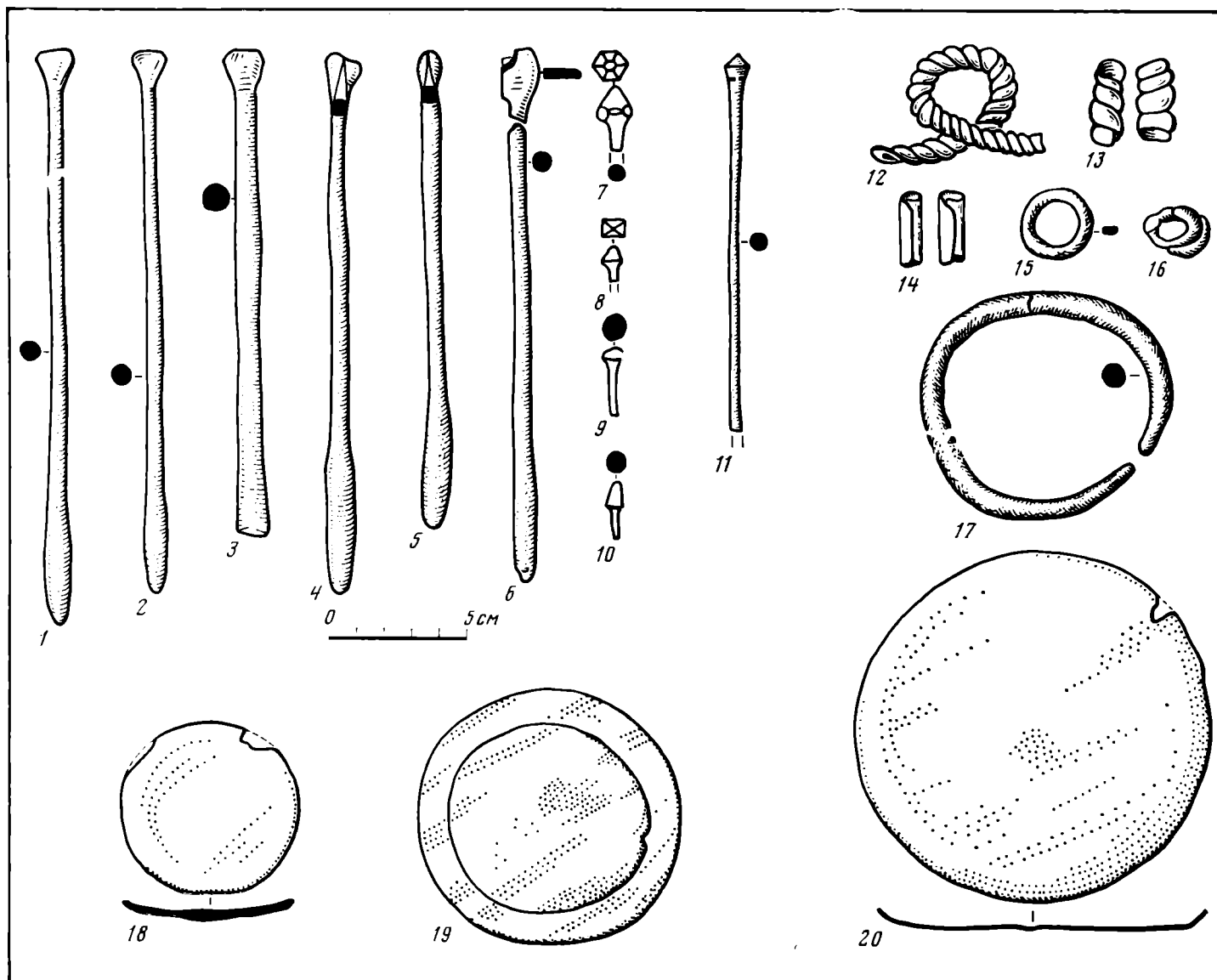

Таблица VIII. Медные украшения и зеркала с памятников энеолита Средней Азии

1-3, 8, 15-17 — Карадепе; 4-7, 11, 18, 20 — Геоксюр 4;
9-10, 12-14 — Анау; 19 — Серахское поселение

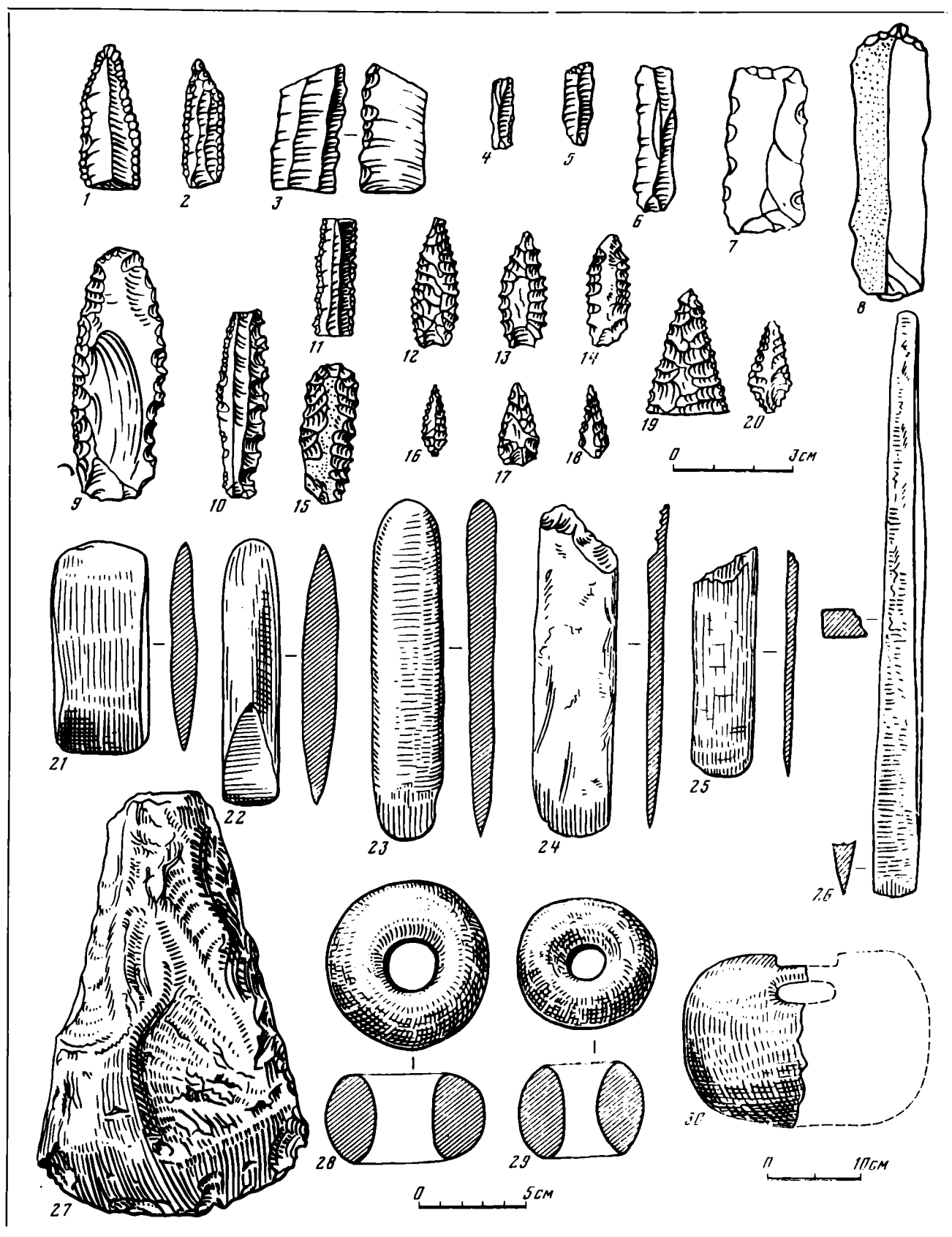

Таблица IX. Кремневые и каменные изделия с энеолитических памятников Средней Азии

1, 2 — Мовджуклыдепе (время Анау 1А); 3-6, 27 — Чакмак-
лыдепе (время Анау 1А); 7-8 — Анау (время Намазга I); 9 —
15, 25 — Ялангачдепе (время Намазга II); 16-20 — Геоксюр I;
21, 28, 29 — Карадепе (время Намазга III); 22 — Дашлыджи-

депе (время Намазга I); 23 — Айнадепе (время Намазга II);
24 — Муллалидепе (время Намазга II); 26 — Геоксюр 7 (вре-
мя Намазга II); 30 — Анау (время Намазга II)

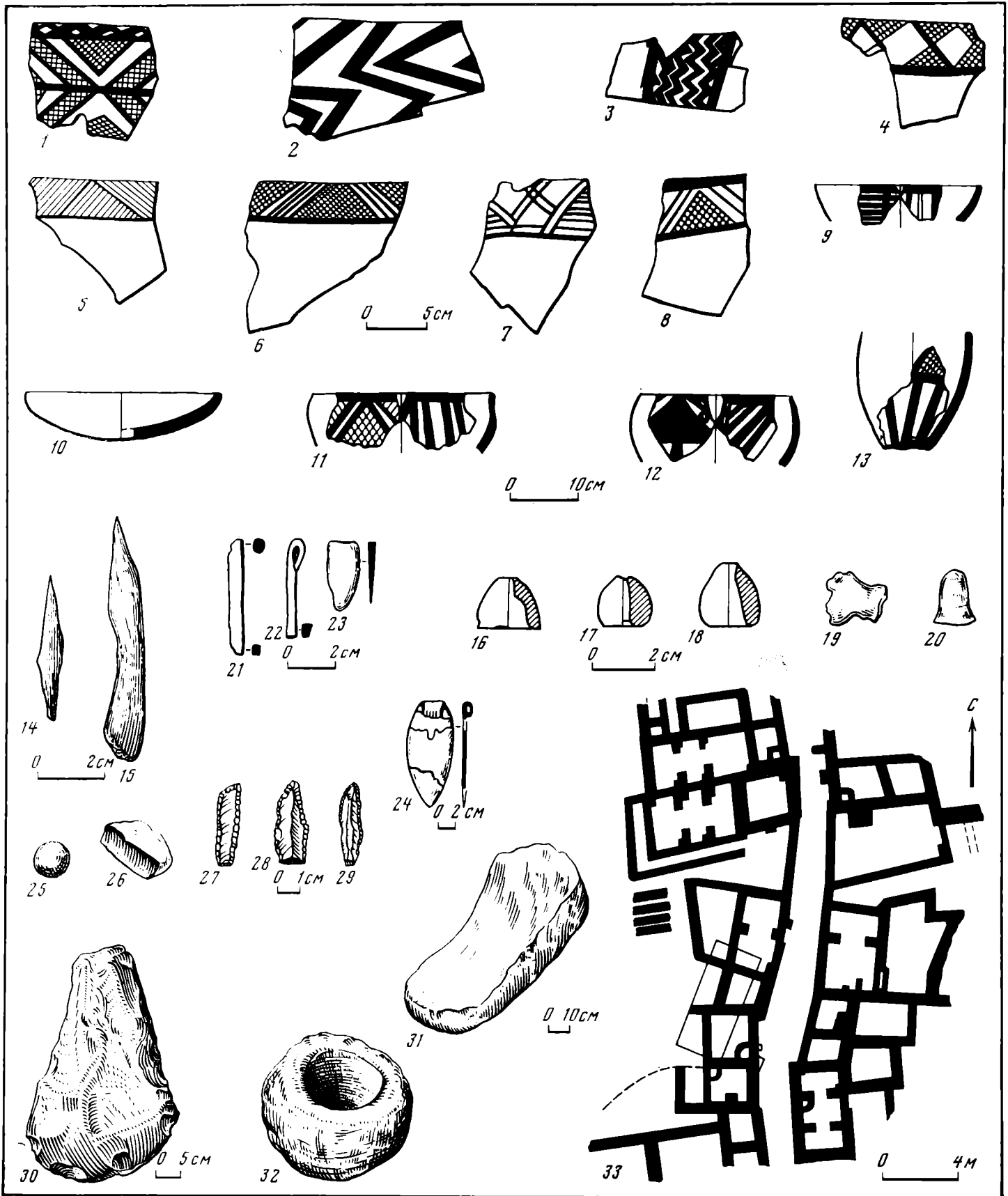

Таблица X. Комплекс типа Анау IA

1-13 — керамика; 14-15 — кость; 16-20 — терракота;
 21-24 — медь; 25, 26, 30-32 — камень; 27-29 — кремнь;
 33 — план поселения

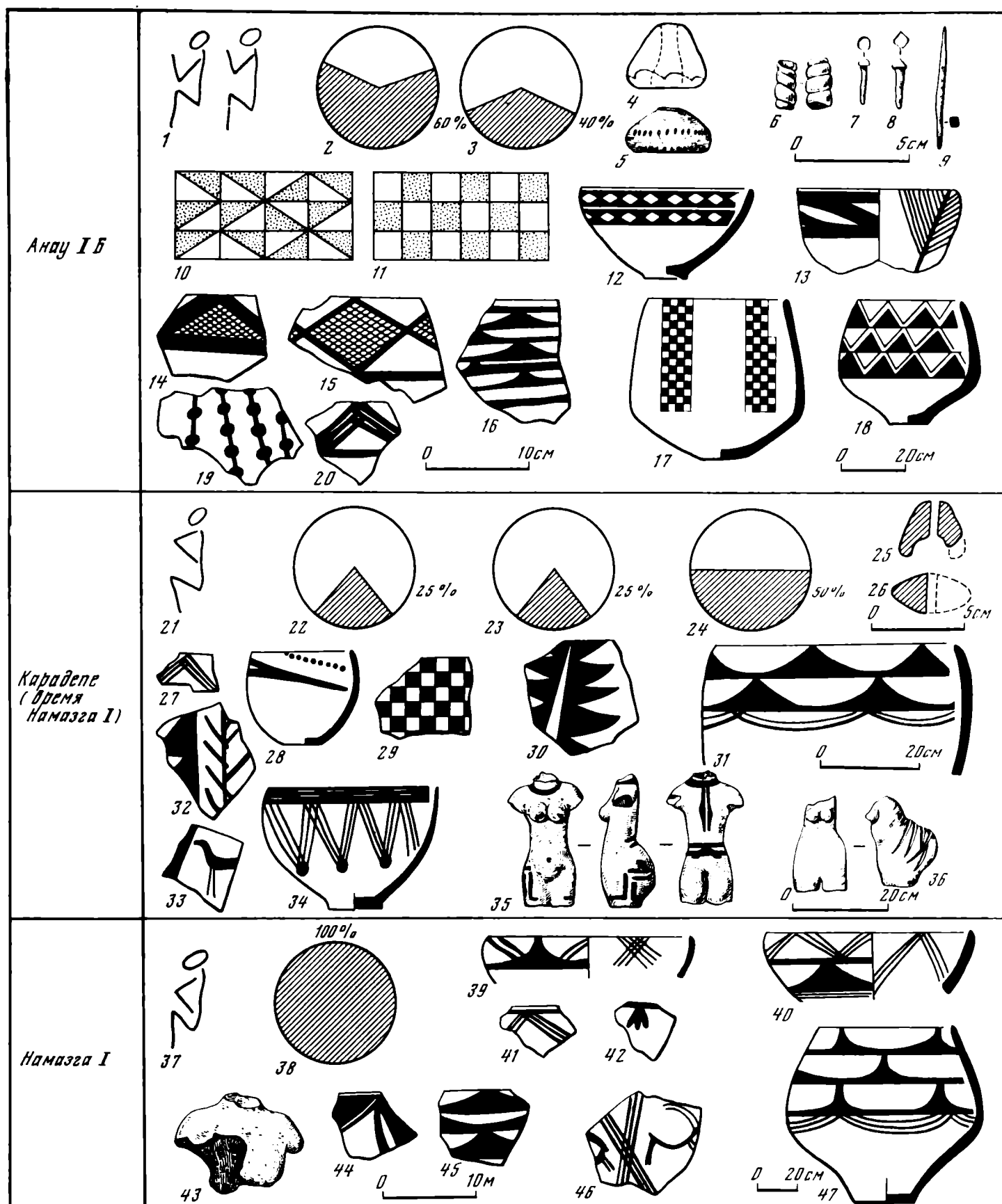

Таблица XI. Раннеэнеолитические комплексы Анау (1—20), Карадепене (21—36) и Намазгадепе (37—47)

1, 21, 37 — поза погребенных; 2, 22 — погребения с юго-западной ориентировкой; 3, 23 — погребения с юго-восточной ориентировкой; 24, 38 — погребения с южной ориентировкой; 4, 5, 25, 26 — терракотовые пряслица; 6—9 — металлические изделия; 10—11 — стенная роспись; 12—20, 27—34, 39—42, 44—47 — керамика; 35, 36, 43 — терракотовые статуэтки

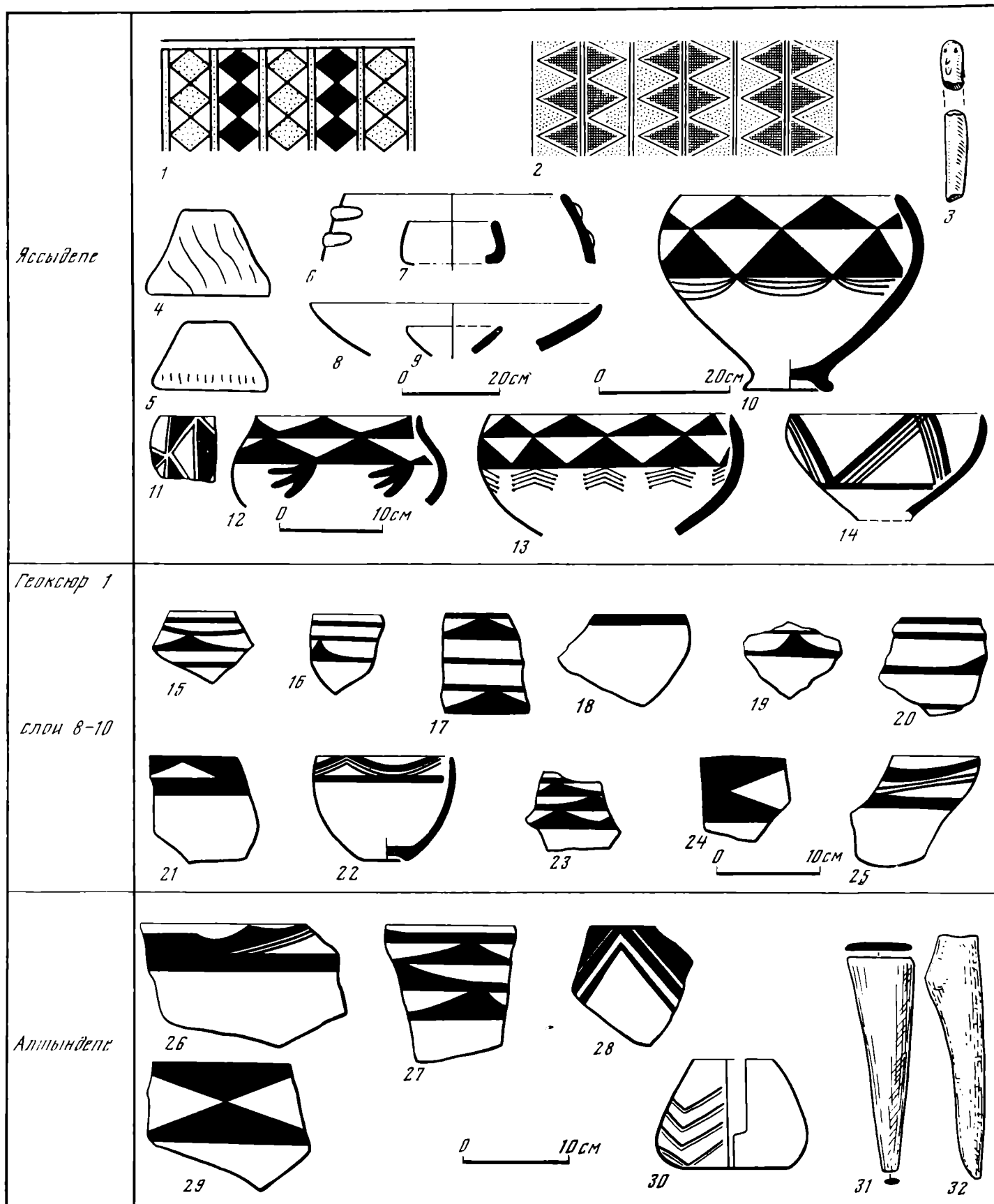

Таблица XII. Раннеэнеолитические комплексы Ясыдыпе (1--14), Геоксура 1 (15--25) и Алтындыпе(26--32)

1, 2 — стенная роспись; 3 — терракотовая статуэтка; 4, 5, 30 — терракотовые пряслица; 6—29 — керамика; 31 — металлическое изделие; 32 — костяное изделие

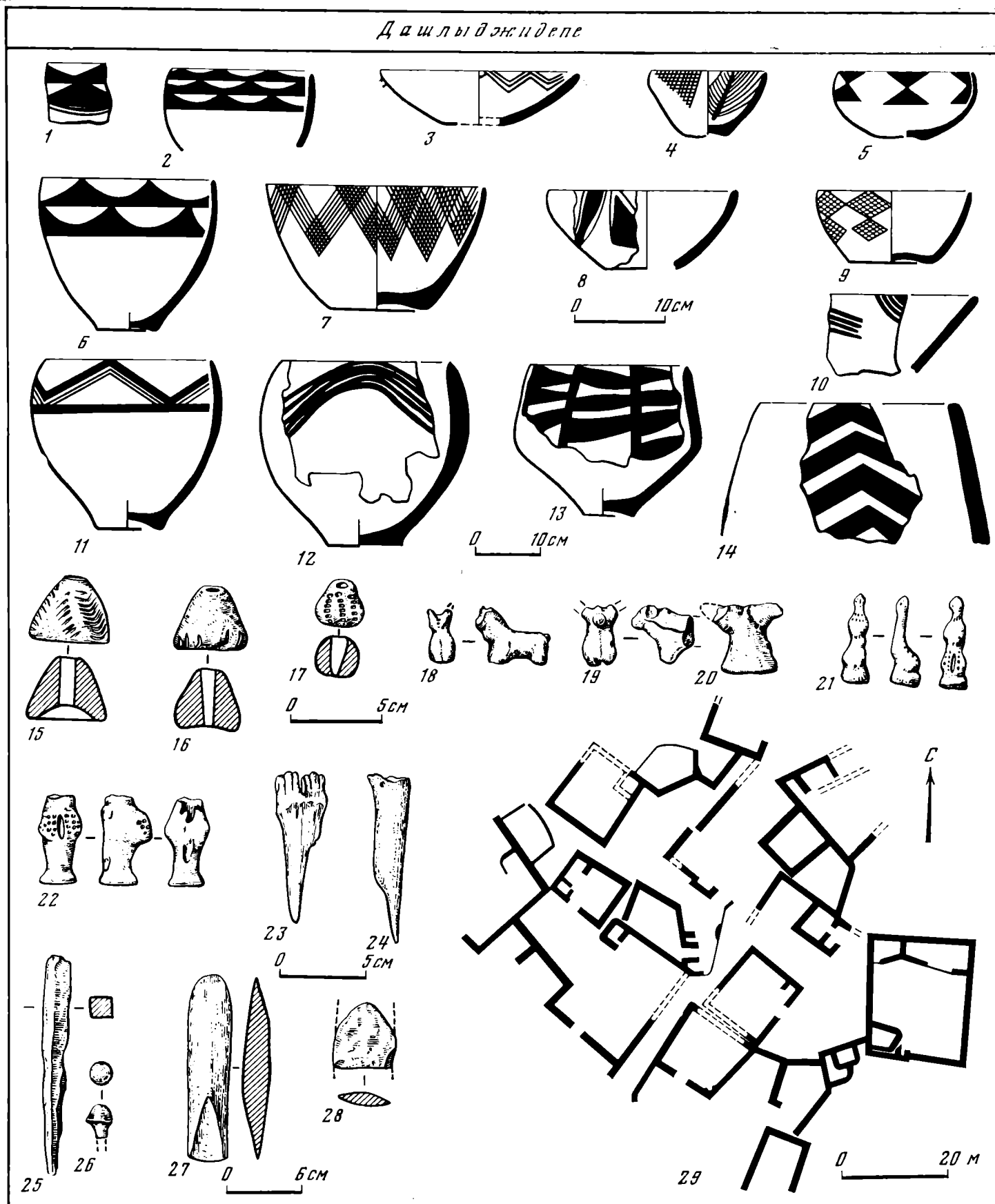

Таблица XIII. Раннеэнеолитический комплекс Дашлыджиде

1—14 — керамика; 15—17 — терракотовые пряслица; 22, 24 — костяные изделия; 25, 26, 28 — металлические изделия; 18—22 — глиняные необожженные и терракотовые статуэтки; 27 — каменное изделие; 29 — план поселения

	Карадепе	Елендепе
Слой 2		
Слой 3		
Слой 4		
Слой 5		
Слой 6		
Слой 7		

Таблица XIV. Среднеэнеолитические комплексы Карадепе (1—50) и Елендепе (51—62)

1, 10, 28, 36 — поза погребенных; 2, 11, 29, 37 — погребения с южной ориентировкой; 3, 12 — погребения, ориентированные

на юг — юго-запад; 30 — погребения с восточной ориентировкой; 4—9, 13—27, 31—35, 38—62 — керамика

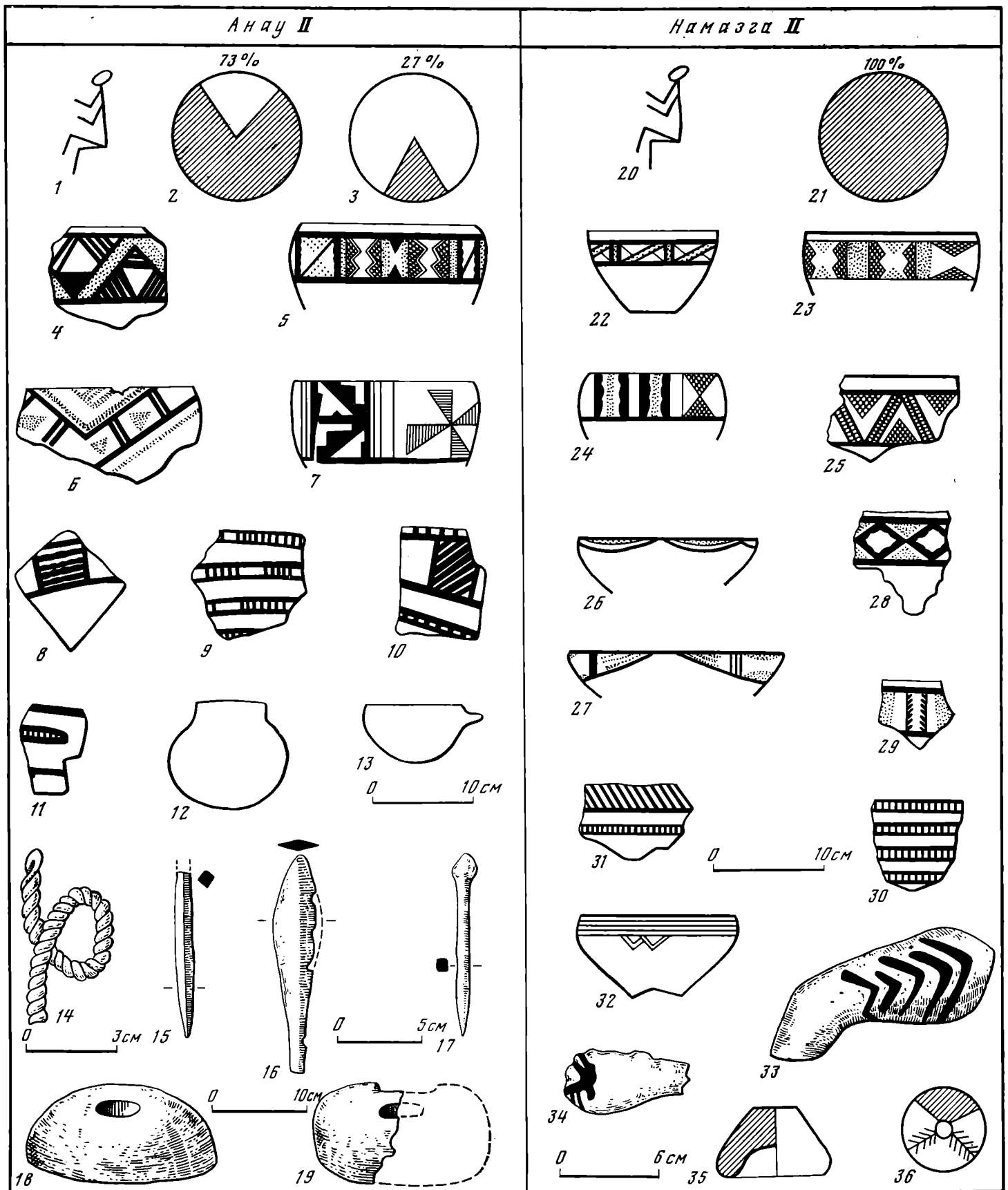

Таблица XV. Среднеэнеолитические комплексы Анау (1—19) и Намазгадепе (20—36)

1, 20 — поза погребенных; 2 — погребения с юго-западной ориентировкой; 3 — погребения с юго-восточной ориентировкой; 21 — погребения с южной ориентировкой; 4—13, 22—32 — керамика; 14—17 — металлические изделия; 18, 19 — ка-

менные изделия; 33, 34 — терракотовые статуэтки; 35 — терракотовое пряслице; 36 — нижняя сторона пряслица с орнаментом

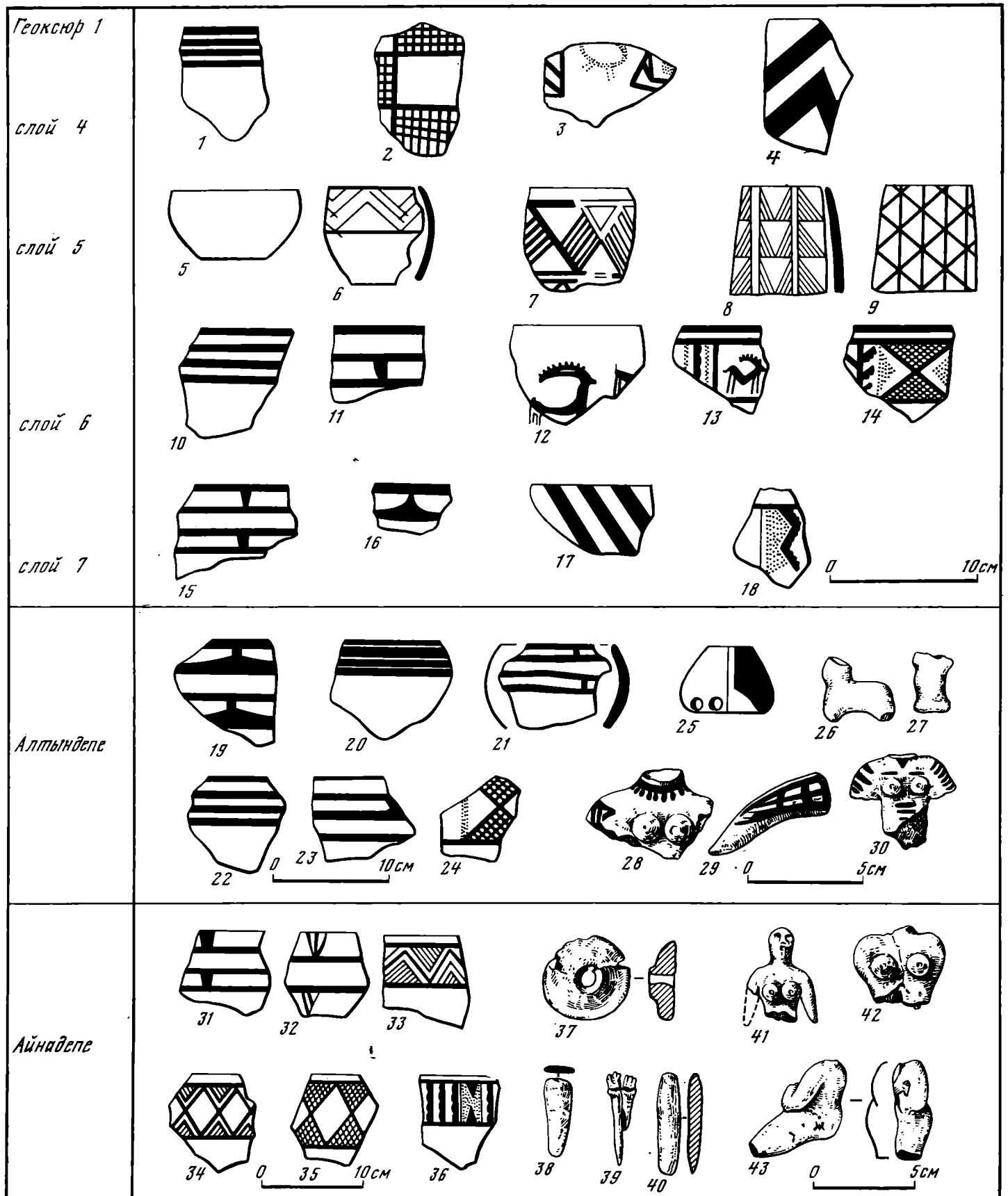

Таблица XVI. Среднеэнеолитические комплексы Геоксюра 1 (1—18), Алтындепе (19—30) и Айнадепе (31—43)
 1—24, 31—36 — керамика; 25 — терракотовое пряслице; 26—30, 41—43 — глиняные необожженные и терракотовые статуэтки; 37 — терракотовое колесико; 38 — металлическое изделие; 39 — костяное изделие; 40 — каменное изделие

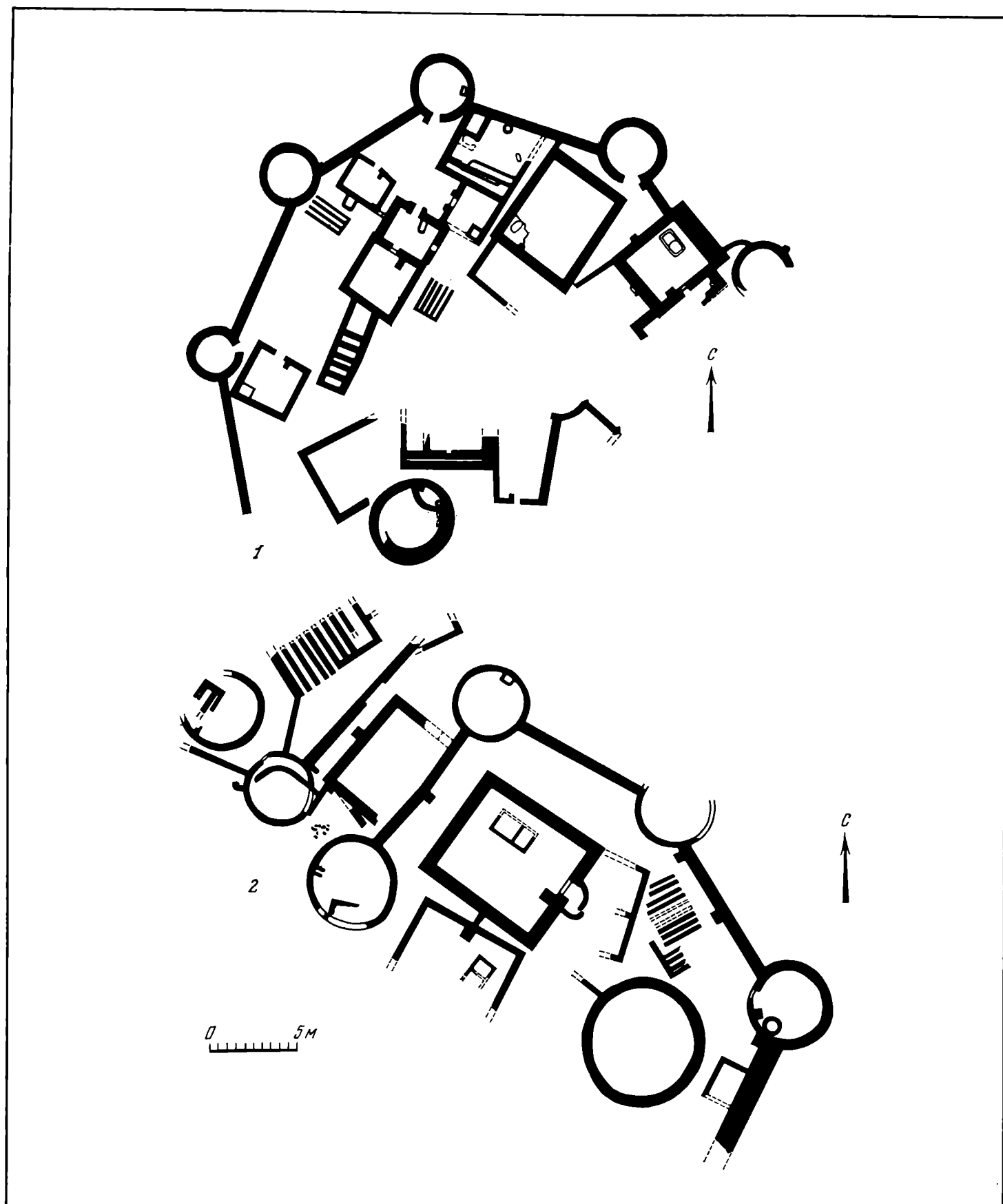

Таблица XVII. Планы поселений Муллалиде (1) и Ялангачдепе (2)

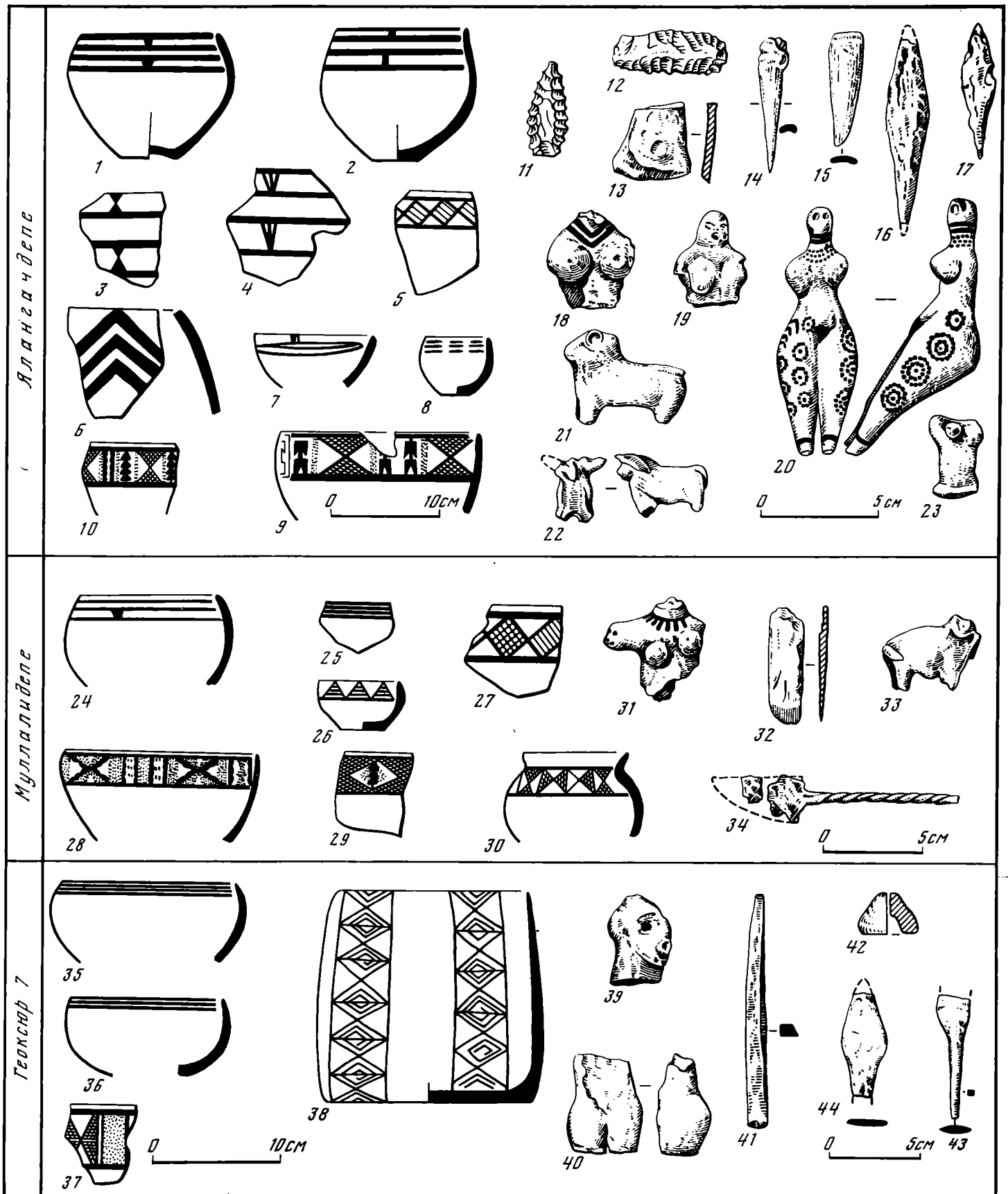

Таблица XVIII. Среднеэнеолитические комплексы Ялангачдепе (1—23), Муллалидепе (24—34) и Геоксюра 7 (35—44)

1—10, 24—30, 35—38 — керамика; 11, 12 — кремневые изделия; 13, 16, 17, 34, 41, 43, 44 — металлические изделия; 14, 15 — костяные изделия; 18—23, 31, 33, 39, 40 — глиняные не-

обожженные и терракотовые статуэтки; 32 — каменное изделие; 42 — терракотовое пряслице

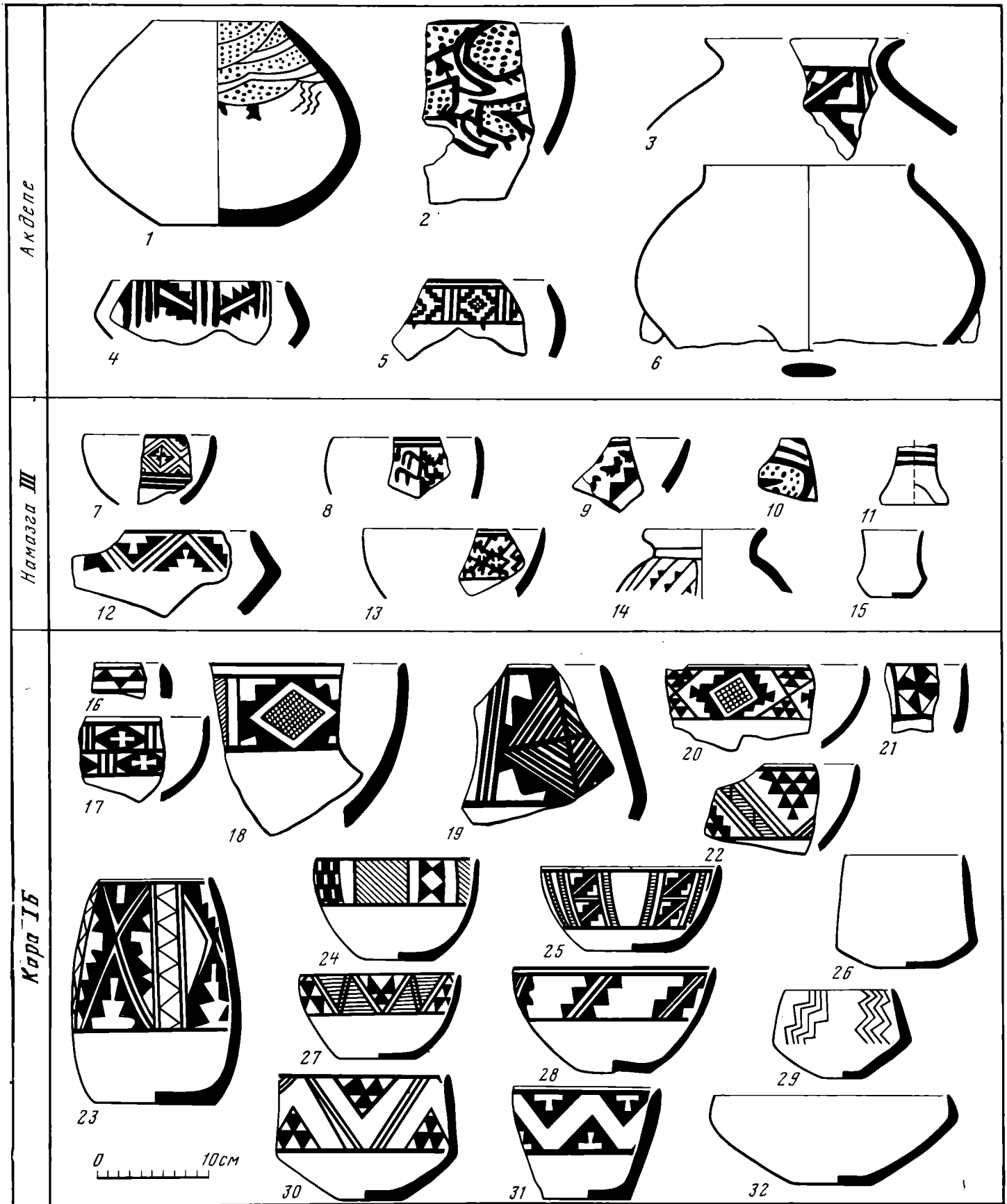

Таблица XIX. Позднеэнеолитическая керамика Акдепе (1-6), Намазгадепе (7-15) и слоя Кара 1Б поселения Карадепе (16-32)

1-5, 7-14, 16-25, 27, 28, 30, 31 — расписная керамика;
6 — сосуд с примесью дресвы в тесте; 15, 26, 29, 32 — серая керамика

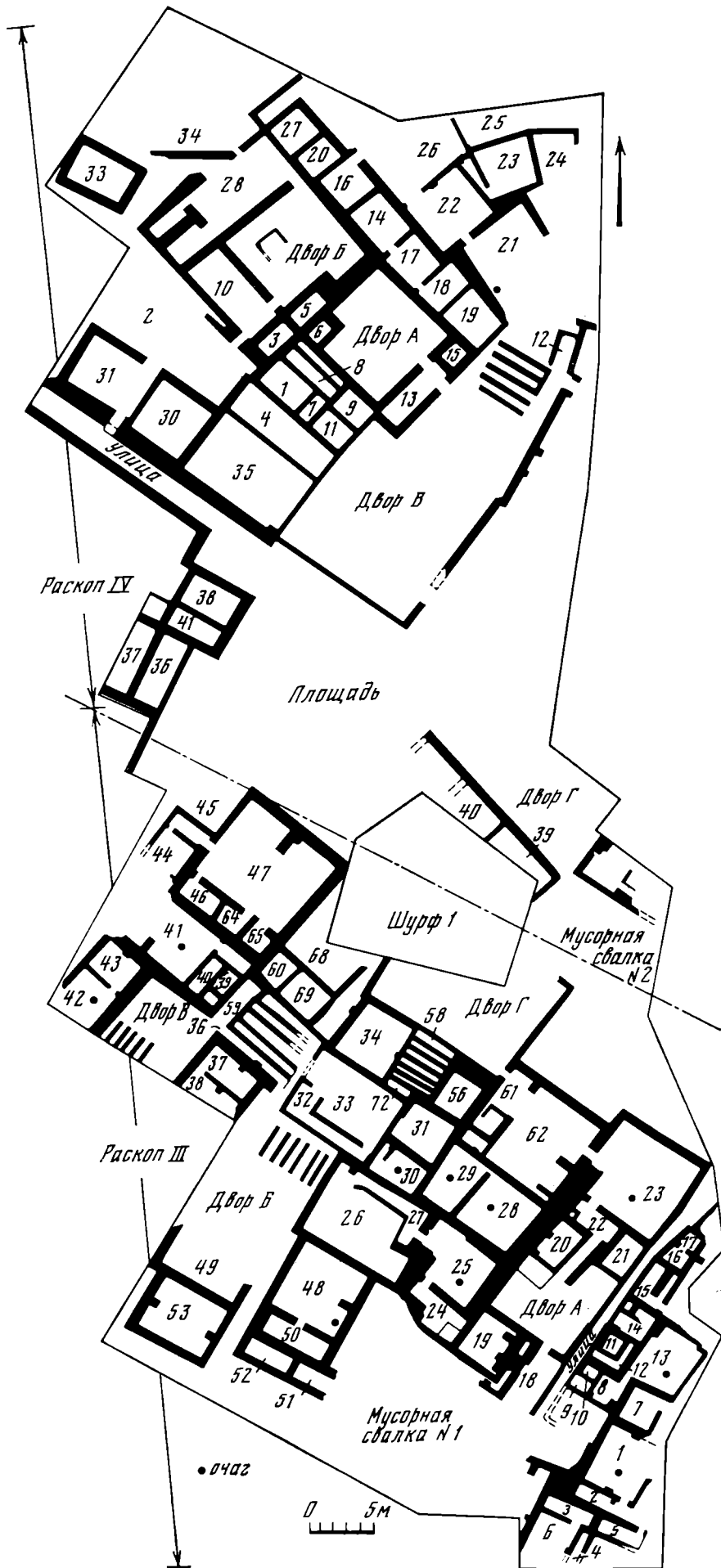

Таблица XX. План строений Карадепе периода позднего энеолита на уровне одного строительного горизонта

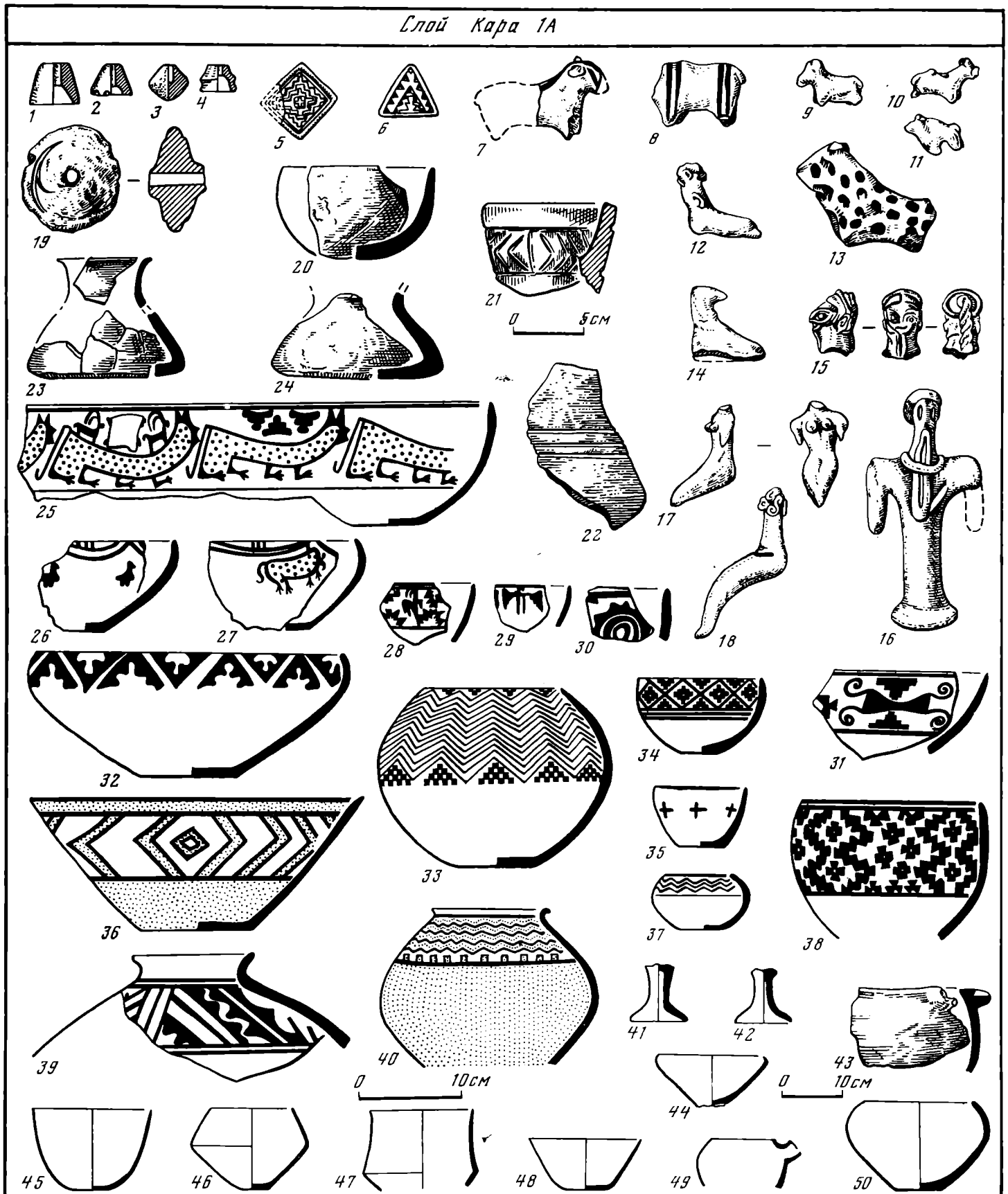

Таблица XXI. Позднеэнеолитический комплекс слоя Кара 1А поселения Карадепе

1—4 — терракотовые пряслица; 5, 6 — каменные амулеты;
7—18 — глиняные необожженные и терракотовые статуэтки;
19 — глиняное колесико; 20—24 — каменные сосуды; 25—

40 — расписная керамика; 41, 42, 44—50 — серая керамика.
43 — кухонный сосуд

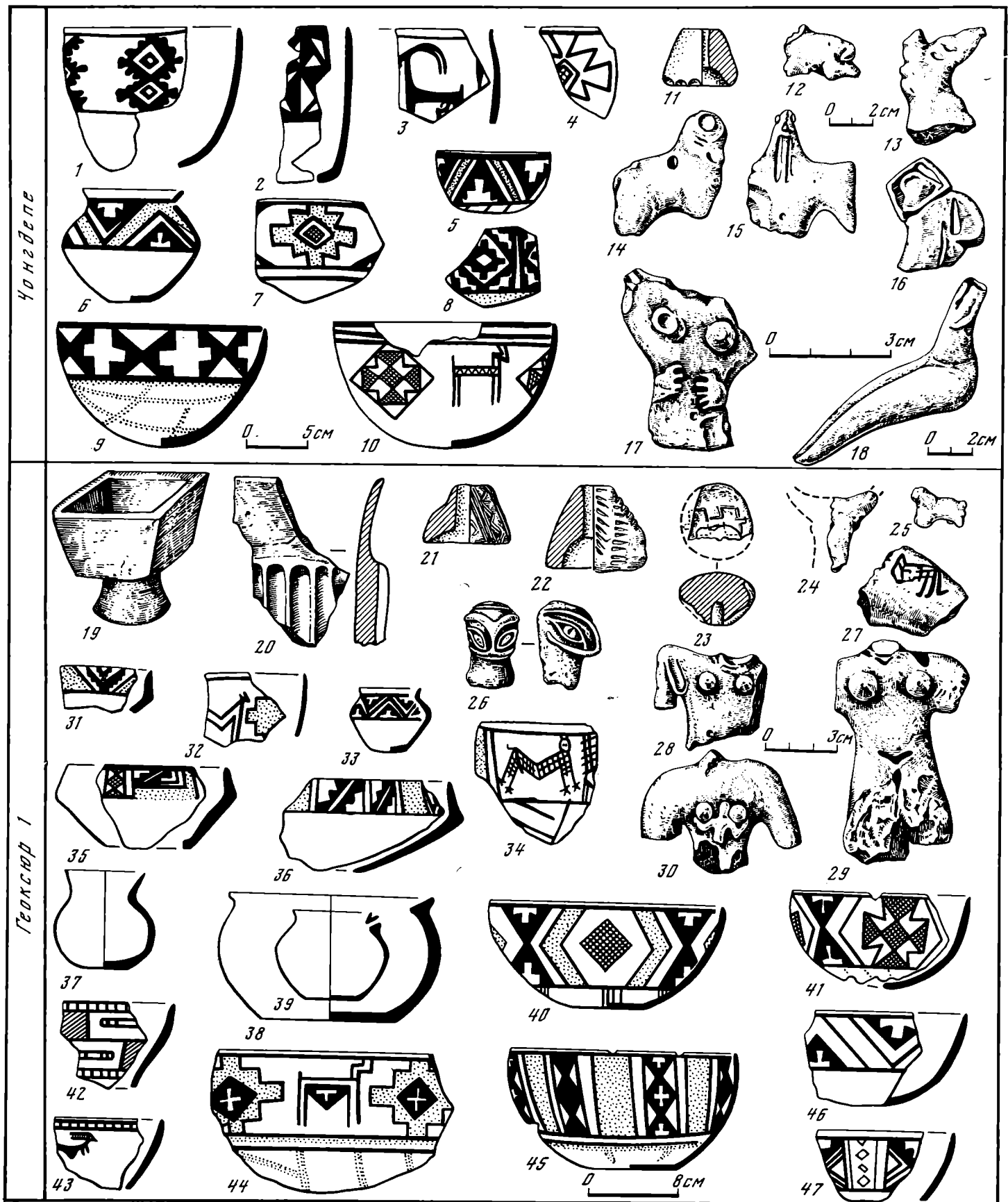

Таблица XXII. Позднеэнеолитические комплексы Чонгделе (1-18) и Геоксыур 1 (19-47)

1-10, 31-47 — керамика; 11, 21-23 — терракотовые пряслица и навершие; 12-18, 24-30 — терракотовые статуэтки; 19-20 — каменные сосуды

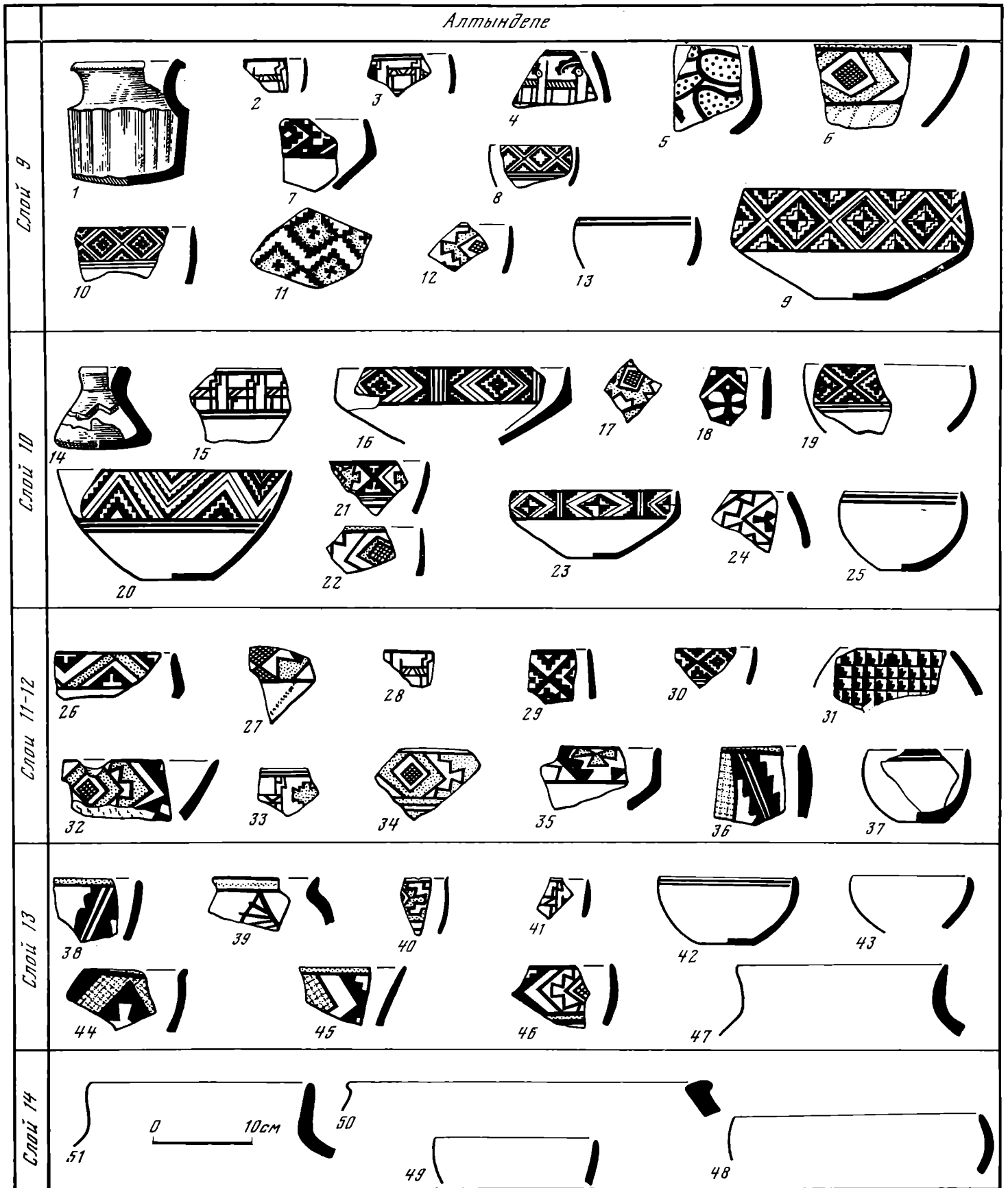

Таблица XXIII. Позднеэнеолитические комплексы Алтындепе

1, 14 — каменные сосуды; 2—13, 15—51 — керамика

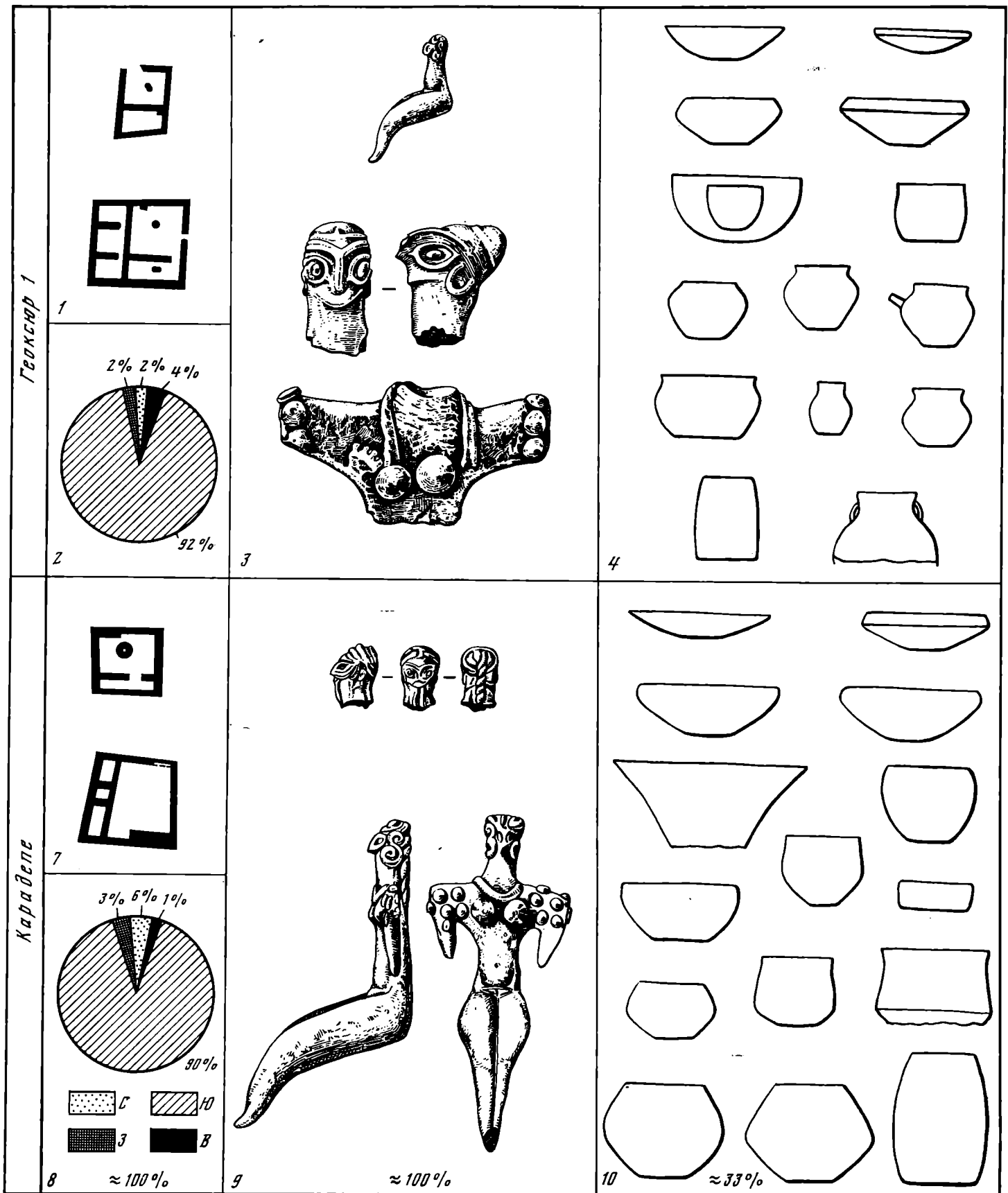

Таблица XXIV. Сопоставление карадепинского и геоксюрского комплексов

1, 7 — планы домов; 2, 8 — ориентировка погребений; 3, 9 — терракотовые статуэтки; 4, 10 — формы сосудов; 5, 11 — типы орнаментальных композиций; 6, 12 — элементы орнамента

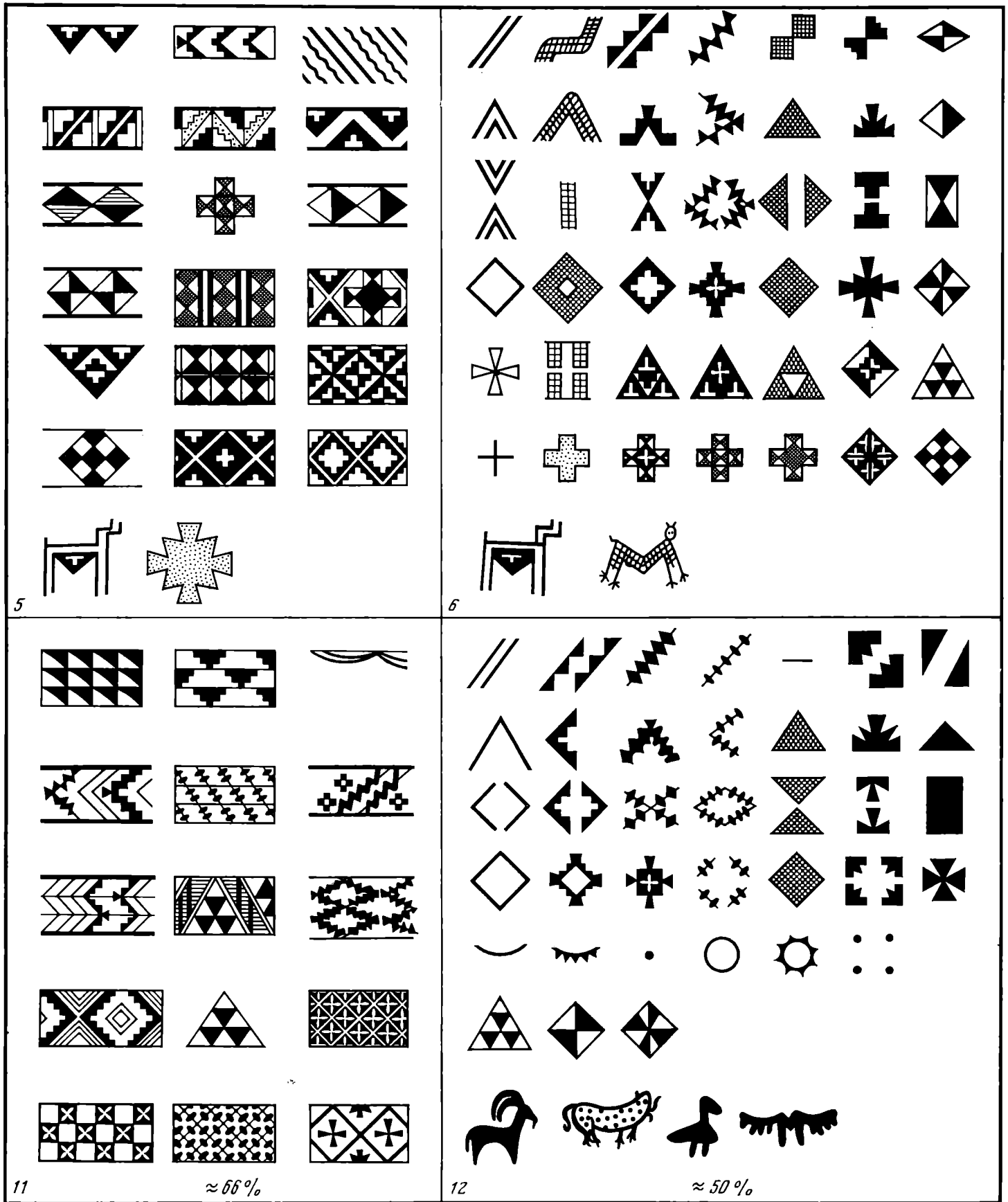

Таблица XXIV (окончание)

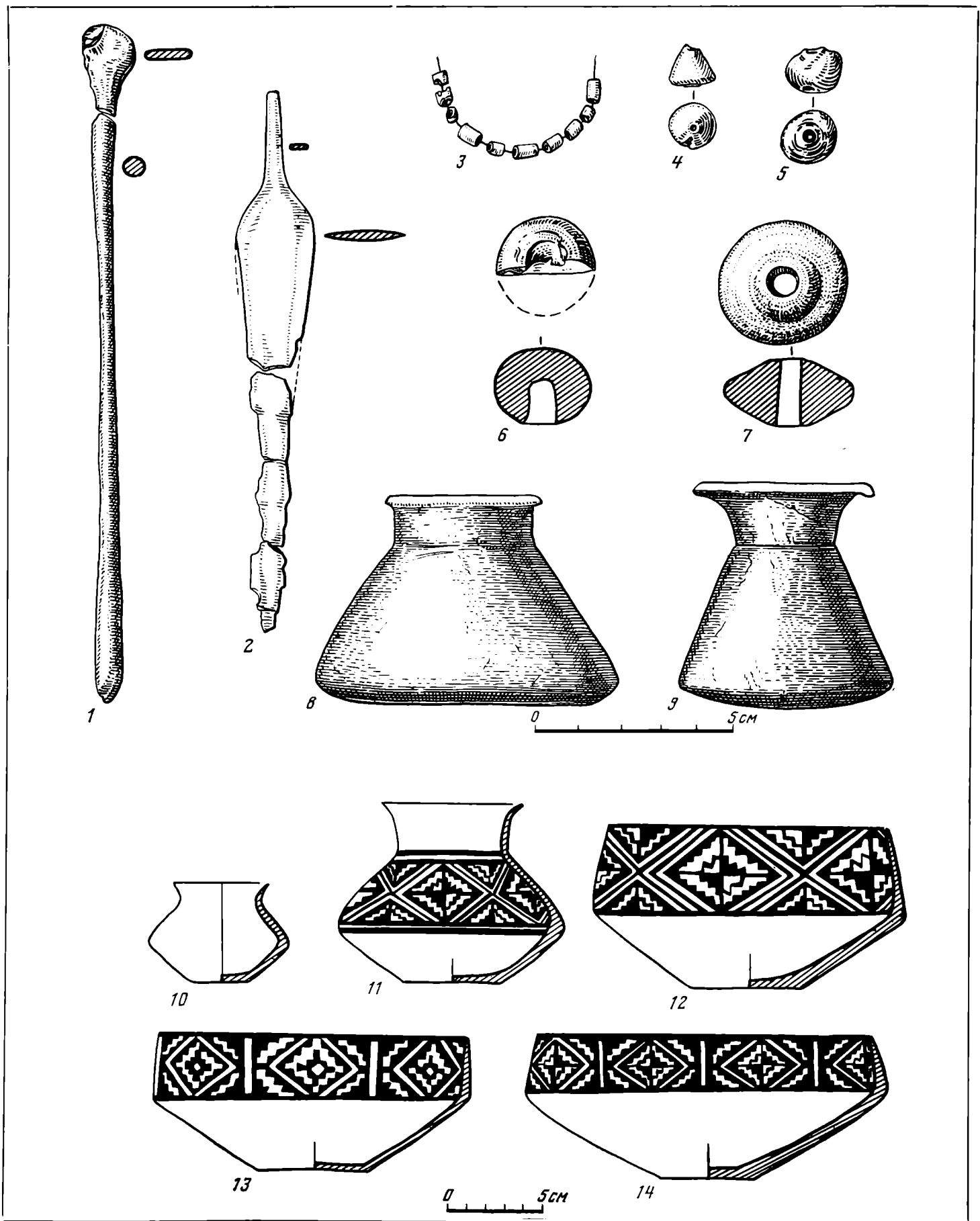

Таблица XXV. Инвентарь богатого погребения на Алтындепе

1, 2 — металлические изделия; 3 — бусы из бирюзы; 4—7 —
каменные и терракотовые изделия; 8—9 — каменные сосуды;
10—14 — керамика

Введение

- Арцизовский А. В., 1954. Основы археологии М.
 Березаньска С. С., 1971. Про роль металлургії у суспільному прогресі в епоху міді та бронзи.— Археологія, т. 2. Київ.
 Брюсов В. Я., 1952. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М.
 Гурина Н. Н., 1961. Древняя история Северо-Запада европейской части СССР.— МИА, № 87.
 Дергачев В. А., 1978. Памятники позднего Триполья (вопросы систематизации). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
 Журавлев А. П., 1975. О древнейшем центре металлообработки меди в Карелии.— КСИА, в. 142.
 Журавлев А. П., 1977. Энеолит Карелии. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск.
 Коробкова Г. Ф., Массон В. М., 1978. Понятие неолита и вопросы хронологии неолита Средней Азии.— КСИА, в. 153.
 Куларенко Ю. В., 1969. Археология Польши. М.
 Массон В. М., 1964. Средняя Азия и Древний Восток. М.; Л.
 Массон В. М., Мунчаев Р. М., 1977. Энеолит СССР.— В кн.: Всесоюзная конференция «Новейшие достижения советских археологов»: Тез. пленар. докл. М. (Далее: Всесоюз. конф. «Новейшие достижения...»: Тез. докл. М.).
 Мерперт Н. Я., Мунчаев Р. М., 1977. Древнейшая металлургия Месопотамии.— СА, № 3.
 Монгайт А. Л., 1973. Археология Западной Европы: Каменный век. М.
 Пиотровский Б. Б., 1949. Археология Закавказья. Л.
 Рындина Н. В., 1971. Древнейшее металлообрабатывающее производство Восточной Европы. М.
 Семенов С. А., 1963. Изучение первобытной техники методом эксперимента.— В кн.: Новые методы в археологических исследованиях. М.
 Семенов С. А., 1969. Каменные орудия эпохи ранних металлов.— СА, № 2.
 Средняя Азия в эпоху камня и бронзы, 1956. М.; Л.
 Цалкин В. И., 1970. Древнейшие домашние животные Восточной Европы. М.
 Gyuaznov M. P., 1969. Southern Siberia. Geneve.
 Mallaart J., 1964. Anatolia before c. 4000 B. C. and 2300—1750 B. C. London.
 Mellaart J., 1975. The Neolithic of the Near East. London.

Часть I

- Адыков К. А., Массон В. М., 1960. Древности Теджено-Мургабского междуречья.— Изв. АН ТССР. Сер. общ. наук, № 2.
 Айзенберг Ю. Б., 1958. Из истории использования естественного камня.— Тр. ЮТАКЭ, т. VIII.
 Алекшин В. А., 1973. Каменные гири с древнеземледельческих поселений Южной Туркмении.— СА, № 4.
 Алекшин В. А., 1976. Некоторые аспекты социологической интерпретации погребений земледельцев энеолита Южной Туркмении.— СА, № 2.
 Алекшин В. А., 1977. Социальный строй раннеземледельческих обществ по погребальным памятникам культур Средней Азии и Ближнего Востока. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
 Антонова Е. В., 1972. К вопросу о происхождении и смысловой нагрузке знаков на статуэтках анауской культуры.— СА, № 4.
 Антонова Е. В., 1977. Антропоморфная скульптура древних земледельцев Передней и Средней Азии. М.
 Бердыев О. К., 1967. Археологические исследования Института истории АН ТССР.— АО 1966 г.
 Бердыев О. К., 1968а. Чакмакльдепе — новый памятник времени Анау IА.— В кн.: История, археология и этнография Средней Азии. М.
 Бердыев О. К., 1968б. Новые раскопки на поселениях Песседжикдепе и Чакмакльдепе.— КД, в. II.
 Бердыев О. К., 1969. Изучение памятников эпохи неолита и энеолита Южного Туркменистана.— АО 1968 г.
 Бердыев О. К., 1971. Некоторые результаты археологических работ Института истории им. Ш. Батырова АН ТССР (1959—1966 гг.).— В кн.: Материальная культура Туркменистана, в. I. Ашхабад.
 Бердыев О. К., 1972а. Монджукльдепе — многослойное поселение неолита и раннего энеолита в Южном Туркменистане.— КД, в. IV.
 Бердыев О. К., 1972б. Стратиграфия Каушутского поселения в связи с происхождением культуры Анау IА.— Изв. АН ТССР. Сер. общ. наук, № 5.
 Бердыев О. К., 1974. Керамика времени Анау IА.— В кн.: Материальная культура Туркменистана, в. II. Ашхабад.
 Бердыев О. К., 1976. Материальная культура Туркменистана в период неолита и раннего энеолита.— В кн.: Первобытный Туркменистан. Ашхабад.
 Бишони Р., 1977. Неопубликованные находки из Анау, хранящиеся в музее Пибоди (США).— СА, № 2.
 Бочкарев В. С., 1975. Металлические изделия эпохи поздней бронзы Северного Причерноморья. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
 Букинчи Д. Д., 1924. История первобытного орошаемого земледелия в Закаспийской области в связи с вопросом о происхождении земледелия и скотоводства.— Хлопковое дело, № 3—4. М.
 Букинчи Д. Д., 1929. Новое об Анау и Намазгадепе.— Туркменоведение, № 5. Ашхабад.
 Вайман А. А., 1976. О протошумерской письменности.— В кн.: Тайны древних письмен: Проблемы дешифровки. М.
 Ганялин А. Ф., 1953. Археологические памятники горных районов Северо-Западного Копет-Дага.— Изв. АН ТССР. Сер. общ. наук, № 5.
 Ганялин А. Ф., 1956а. К стратиграфии Намазгадепе.— Тр. ИИАЭ, т. II.
 Ганялин А. Ф., 1956б. Погребения эпохи бронзы у селения Янгикала.— Тр. ЮТАКЭ, т. VII.
 Ганялин А. Ф., 1959. Илгылыдепе.— Тр. ИИАЭ, т. V.
 Гинабург В. В., Трофимова Т. А., 1959. Черепа эпохи энеолита и бронзы из Южной Туркмении.— СЭ, № 1.
 Гинабург В. В., Трофимова Т. А., 1972. Палеоантропология Средней Азии. М.
 Джуракулов М. Д., 1964. Археологическая деятельность А. В. Комарова в Закаспии (к истории археологического изучения Туркестанского края).— Тр. Самаркандск. гос. ун-та им. А. Навои. Нов. сер., в. 135. Археология Узбекистана. Самарканд.
 Джуракулов М. Д., 1966. История изучения каменного века Средней Азии. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самарканд.
 Долуганов П. М., Тимофеев В. И., 1972. Абсолютная хронология неолита Евразии (по данным радиоуглеродного метода).— В кн.: Проблемы абсолютного датирования в археологии. М.
 Дурдыев Д., 1959. Итоги полевых работ сектора археологии Института истории, археологии и этнографии АН ТССР 1956—1957 гг.— Тр. ИИАЭ, т. V.
 Ермолова Н. М., 1968. Костные останки млекопитающих из поселений эпохи энеолита и бронзы Южного Туркменистана.— КД, в. I.
 Ершов С. А., 1956а. Холм Ясыдепе 2.— Изв. АН ТССР. Сер. общ. наук, № 2.
 Ершов С. А., 1956б. Северный холм Анау.— Тр. ИИАЭ, т. II.
 Итина М. А., 1951. Памятники энеолита и бронзового века Средней Азии. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
 Кирчо Л. Б., 1972. Стратиграфия Алтындепе и количественный метод определения относительной хронологии.— КД, в. IV.

- Кирчо Л. Б., 1975. «Ковры» на черепках.— В кн.: Памятники Туркменистана, № 2(20). Ашхабад.
- Кирчо Л. Б., 1976. Проблема происхождения культуры ранней бронзы Южной Туркмении.— Изв. АН ТССР. Сер. общ. наук, № 6.
- Кобранов Е. А., 1927. Историческое и культурное значение Анау. Ашхабад.
- Кожин П. М., Сарияниди В. И., 1968. Змея в культовой символике анауских племен.— В кн.: История, археология и этнография Средней Азии. М.
- Комаров А. В., 1888. Закаспийская область в археологическом отношении.— Туркестанские ведомости, № 24—26. Ташкент.
- Коробкова Г. Ф., 1964. Функциональный анализ кремневых и костяных изделий поры энеолита.— Изв. АН ТССР. Сер. общ. наук. № 3.
- Коробкова Г. Ф., 1969. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии.— МИА, № 158.
- Коробкова Г. Ф., 1975. Культура и локальные варианты мезолита и неолита Средней Азии.— СА, № 3.
- Кузьмина Е. Е., 1966. Металлические изделия энеолита и бронзового века Средней Азии.— САИ, в. В4-9.
- Куфтин Б. А., 1954. Работы ЮТАКЭ в 1952 г. по изучению «культуры Анау».— Изв. АН ТССР. Сер. общ. наук, № 1.
- Куфтин Б. А., 1956. Полевой отчет о работе XIV отряда ЮТАКЭ по изучению культуры первобытнообщинных оседлоземледельческих поселений эпохи меди и бронзы в 1952 г.— Тр. ЮТАКЭ, т. VII.
- Лисицына Г. Н., 1963а. Основные черты палеогеографии Геокюрского оазиса.— КСИА, в. 93.
- Лисицына Г. Н., 1963б. Древние земледельцы в дельте Теджена.— Природа, № 10. М.
- Лисицына Г. Н., 1964а. Древнейшие оросительные каналы на юге Туркмении.— Гидротехника и мелиорация, № 9. М.
- Лисицына Г. Н., 1964б. Растительность Южной Туркмении в эпоху энеолита по палеоботаническим данным.— КСИА, в. 98.
- Лисицына Г. Н., 1965. Орошаемое земледелие эпохи энеолита на юге Туркмении. М.
- Лисицына Г. Н., 1966. Изучение геокюрской оросительной системы в Южной Туркмении в 1964 г.— КСИА, в. 108.
- Лисицына Г. Н., 1968а. Растительность Южной Туркмении в VI—V тыс. до н. э. по данным определения углей.— КД, в. II.
- Лисицына Г. Н., 1968б. Глазами древних художников.— Природа, № 11. М.
- Лисицына Г. Н., 1970а. Основные этапы истории орошаемого земледелия на юге Средней Азии и Ближнем Востоке.— КСИА, в. 122.
- Лисицына Г. Н., 1970б. Культурные растения Ближнего Востока и юга Средней Азии в VIII—V тыс. до н. э.— СА, № 3.
- Лисицына Г. Н., 1972. История орошаемого земледелия в Южной Туркмении.— УСА, в. I.
- Лисицына Г. Н., Массон В. М., Сарияниди В. И., Хлопин И. Н., 1962. Итоги археологического и палеогеографического изучения Геокюрского оазиса.— В кн.: Тез. докл. на заседаниях ИА АН СССР, посвященных итогам полевых исследований 1961 г. М.
- Лисицына Г. Н., Массон В. М., Сарияниди В. И., Хлопин И. Н., 1965. Итоги археологического и палеогеографического изучения Геокюрского оазиса.— СА, № 1.
- Литвинский Б. А., 1952. Намазгадепе (по данным раскопок 1949—1950 гг.).— СЭ, № 4.
- Марущенко А. А., 1939. Анау: Историческая справка.— В кн.: Архитектурные памятники Туркмении. Ашхабад; Москва.
- Марущенко А. А., 1949. Краткий отчет о работе кабинета археологии Туркменского государственного института истории за первую половину 1936 г.— МЮТАКЭ, в. I.
- Марущенко А. А., 1956. Итоги полевых археологических работ 1953 г. Института истории, археологии и этнографии АН ТССР.— Тр. ИИАЭ, т. II.
- Масимов И. С., 1976. Новый оазис эпохи бронзы в низовьях реки Мургаб.— АО 1975 г.
- Массон В. М., 1956а. Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтина.— Тр. ЮТАКЭ, т. VIII.
- Массон В. М., 1956б. Первобытнообщинный строй на территории Туркмении (энеолит, бронзовый век и эпоха раннего железа).— Тр. ЮТАКЭ, т. VI.
- Массон В. М., 1957а. Джейтун и Карадепе.— СА, № 1.
- Массон В. М., 1957б. Древнеземледельческие племена Южного Туркменистана и их связи с Ираном и Индией.— ВДИ, № 1.
- Массон В. М., 1957в. Изучение энеолита и бронзового века Средней Азии.— СА, № 4.
- Массон В. М., 1959а. О культе женского божества у анауских племен.— КСИИМК, в. 73.
- Массон В. М., 1959б. Изучение анауских культур в 1956 г.— КСИИМК, в. 73.
- Массон В. М., 1959в. Древние земледельцы на юге Туркменистана. Ашхабад.
- Массон В. М., 1960а. Южнотуркменистанский центр раннеземледельческих культур.— Тр. ЮТАКЭ, т. X.
- Массон В. М., 1960б. Карадепе у Артыка.— Тр. ЮТАКЭ, т. X.
- Массон В. М., 1960в. Джейтунская культура.— Тр. ЮТАКЭ, т. X.
- Массон В. М., 1962а. Древнейшее прошлое Средней Азии: (от возникновения земледелия до похода Александра Македонского). Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Л.
- Массон В. М., 1962б. Восточные параллели убейдской культуры.— КСИА, в. 91.
- Массон В. М., 1962в. Памятники развитого энеолита Юго-Западной Туркмении.— САИ, в. БЗ-8, ч. II.
- Массон В. М., 1962г. Новые данные о Джейтуне и Карадепе.— СА, № 3.
- Массон В. М., 1963. Средняя Азия и Иран в III тыс. до н. э.— КСИА, в. 93.
- Массон В. М., 1964а. Историческое место среднеазиатской цивилизации.— СА, № 1.
- Массон В. М., 1964б. Традиции коллективных погребений в энеолите Средней Азии, Афганистана и Индии.— КСИА, в. 101.
- Массон В. М., 1964в. Средняя Азия и Древний Восток. М.; Л.
- Массон В. М., 1966а. О возникновении земледелия до сложения раннеклассового общества.— ДСА СССР VII МКДП.
- Массон В. М., 1966б. К эволюции оборонительных стен оседлых поселений.— КСИА, в. 108.
- Массон В. М., 1970. Раскопки на Алтындепе в 1969 г. Ашхабад.
- Массон В. М., 1971а. Изучение стратиграфии и топографии Алтындепе.— АО 1970 г.
- Массон В. М., 1971б. Среднеазиатско-кавказский социологический параллелизм.— В кн.: Всесоюзная научная сессия, посвященная итогам полевых археологических и этнографических исследований в 1970 г.: Тез. докл. Тбилиси (далее Всесоюз. науч. сессия...: Тез. докл. Тбилиси).
- Массон В. М., 1971в. Поселение Джейтун. Л.
- Массон В. М., 1972а. Изучение общественной структуры раннегородского поселения Алтындепе.— АО 1971 г.
- Массон В. М., 1972б. Эволюция первобытных поселений Средней Азии.— УСА, в. I.
- Массон В. М., 1972в. Шестой год работ на Алтындепе.— УСА, в. I.
- Массон В. М., 1974а. Каменный век Средней Азии и понятие археологической культуры.— История материальной культуры Узбекистана, в. II. Ташкент.
- Массон В. М., 1974б. Раскопки погребального комплекса на Алтындепе.— СА, № 4.
- Массон В. М., 1975. Изучение слоев энеолита и бронзы на Алтындепе.— АО 1974 г.
- Массон В. М., 1976. Экономика и социальный строй древних обществ. Л.
- Массон В. М., 1977а. Пустыня и общество: динамика взаимодействия в историческом аспекте.— Пустыни Средней Азии и Казахстана, № 6. Ашхабад.
- Массон В. М., 1977б. Алтындепе в эпоху энеолита.— СА, № 3.
- Массон В. М., Сарияниди В. И., 1972. Каракумы: заря цивилизации. М.
- Массон В. М., Сарияниди В. И., 1973. Среднеазиатская терракота эпохи бронзы. М.
- Массон М. Е., 1955а. Краткая хроника полевых работ ЮТАКЭ за 1948—1952 гг.— Тр. ЮТАКЭ, т. V.
- Массон М. Е., 1955б. Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ) 1947 г.— Тр. ЮТАКЭ, т. II.
- Минашина Н. Г., 1969. Почвы энеолитического оазиса Геокюр.— В кн.: Земли древнего орошения. М.
- Очерки истории земледелия и аграрных отношений в Туркменистане, 1971. Ашхабад.

- Романова Е. Н., Семенов А. А., Тимофеев В. И., 1972. Радиоуглеродные даты образцов из Средней Азии и Казахстана.— УСА, в. II.
- Сайко Э. В., 1971. К истории гончарного круга и развития форм керамики. Душанбе.
- Сайко Э. В., 1977. О теплотехнике керамики древнеземледельческих поселений (Алтындапе).— КД, в. V.
- Сарианиди В. И., 1959а. Новый тип древних погребальных сооружений Южной Туркмении.— СА, № 2.
- Сарианиди В. И., 1959б. Раскопки жилых комплексов на неолитическом поселении Геокюр.— КСИИМК, в. 76.
- Сарианиди В. И., 1960а. К стратиграфии восточной группы памятников культуры Анау.— СА, № 3.
- Сарианиди В. И., 1960б. Энеолитическое поселение Геокюр (результаты работ 1956—1957 гг.).— Тр. ЮТАКЭ, т. X.
- Сарианиди В. И., 1962а. Культовые здания поселений анауской культуры.— СА, № 1.
- Сарианиди В. И., 1962б. Некоторые вопросы древней архитектуры энеолитических поселений Геокюрского оазиса.— КСИА, в. 91.
- Сарианиди В. И., 1963а. Земледельческие поселения Юго-Восточной Туркмении. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Сарианиди В. И., 1963б. Керамические горны восточноанауских поселений.— КСИА, в. 93.
- Сарианиди В. И., 1964. Хапуздепе как памятник эпохи бронзы.— КСИА, в. 98.
- Сарианиди В. И., 1965а. Геокюрский некрополь.— МИА, № 135.
- Сарианиди В. И., 1965б. Памятники позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении.— САИ, в. БЗ-8, ч. IV.
- Сарианиди В. И., 1966. Раскопки в юго-восточных Каракумах в 1964 г.— КСИА, в. 108.
- Сарианиди В. И., 1967. Тайны исчезнувшего искусства Каракумов. М.
- Сарианиди В. И., 1968. О великом лазуритовом пути на Древнем Востоке.— КСИА, в. 114.
- Сарианиди В. И., 1969. Продолжение работ на Улугдепе.— АО 1968 г.
- Сарианиди В. И., 1970. Древние связи Южного Туркменистана и Северного Ирана.— СА, № 4.
- Сарианиди В. И., 1971. Погребение Гиссар III: Новые материалы и наблюдения.— В кн.: История Иранского государства и культуры. М.
- Сарианиди В. И., 1972. Коллективные погребения и изучение общественного строя раннеземледельческих племен: (по материалам Геокюрского некрополя).— УСА, в. I.
- Сарианиди В. И., 1976. Материальная культура Южного Туркменистана в период ранней бронзы.— В кн.: Первобытный Туркменистан. Ашхабад.
- Сарианиди В. И., Качурис К. А., 1968. Раскопки на Улугдепе.— АО 1967 г.
- Сарианиди В. И., Кошеленко Г. А., 1966. За барханами — прошлое. М.
- Средняя Азия в эпоху камня и бронзы, 1966. М.; Л.
- Терезова Н. Н., 1975а. История металлообрабатывающего производства у древних земледельцев Южной Туркмении. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Терезова Н. Н., 1975б. Металлообрабатывающее производство у древнейших земледельцев Туркмении.— В кн.: Очерки технологии древнейших производств. М.
- Титов В. С., 1965. Роль радиоуглеродных дат в системе неолита и бронзового века Передней Азии и Юго-Восточной Европы.— МИА, № 129.
- Трофимова Т. А., 1961. Расовые типы населения в эпоху энеолита и бронзы.— КСИЭ, в. XXXVI.
- Трофимова Т. А., 1964. Население Средней Азии в эпоху энеолита и бронзового века и его связи с Индией.— Тр. МОИП, т. XIV.
- Трофимова Т. А., 1968. Население Южной Туркмении и его среднеазиатские и южноиндийские связи в первобытную эпоху по данным палеоантропологии.— Тр. VII МКАЭН: Тез. докл. М.
- Трофимова Т. А., Гинзбург В. В., 1960. Антропологический состав населения Южной Туркмении в эпоху энеолита.— Тр. ЮТАКЭ, т. X.
- Хлобыстина М. Д., 1977. «Маленькие боги» туркменского энеолита.— КД, в. VI.
- Хлопин И. Н., 1956. Верхний слой Карадепе.— КСИИМК, в. 76.
- Хлопин И. Н., 1957. Изображение короны на сосуде из Карадепе.— КСИИМК, в. 69.
- Хлопин И. Н., 1958. Раскопки энеолитических поселений в бассейне Теждена.— Изв. АН ТССР. Сер. общ. наук, № 5.
- Хлопин И. Н., 1960а. Дашлыджидеде и энеолитические земледельцы Южного Туркменистана.— Тр. ЮТАКЭ, т. X.
- Хлопин И. Н., 1960б. К характеристике этнического облика ранних земледельцев Южного Туркменистана.— СЭ, № 5.
- Хлопин И. Н., 1961. Некоторые вопросы развития древнейших земледельцев.— В кн.: Исследования по археологии СССР. Л.
- Хлопин И. Н., 1962а. Изображение креста в древнеземледельческих культурах Южной Туркмении.— КСИА, в. 91.
- Хлопин И. Н., 1962б. Племена раннего энеолита Южной Туркмении (Геокюрский оазис). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
- Хлопин И. Н., 1963а. Памятники раннего энеолита Южной Туркмении.— САИ, в. БЗ-8, ч. I.
- Хлопин И. Н., 1963б. Ялангаздепе — поселение эпохи энеолита.— КСИА, в. 93.
- Хлопин И. Н., 1964а. Модель круглого жертвенника с Ялангаздепе.— КСИА, в. 98.
- Хлопин И. Н., 1964б. Геокюрская группа поселений эпохи энеолита. М.; Л.
- Хлопин И. Н., 1964в. Псевдоубейдская орнаментация керамики в Южной Туркмении.— КСИА, в. 101.
- Хлопин И. Н., 1966. Орнаментальный геокюрский крест.— КСИА, в. 108.
- Хлопин И. Н., 1969. Памятники развитого энеолита Юго-Восточной Туркмении.— САИ, в. БЗ-8, ч. III.
- Хлопин И. Н., 1971. Теменос на Карадепе.— СА, № 3.
- Цалкин В. И., 1970. Древнейшие домашние животные Средней Азии.— Бюл. МОИП. Отд. биол., т. XXV, № 1—2.
- Чайлд Г., 1956. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М.
- Черных Е. Н., 1962. Некоторые результаты изучения металла анауской культуры.— КСИА, в. 91.
- Шевченко А. И., 1960. К истории домашних животных Южного Туркменистана.— Тр. ЮТАКЭ, т. X.
- Щегенко А. Я., 1968а. Раскопки памятников эпохи энеолита и бронзового века в Каахкинском районе.— КД, в. I.
- Щегенко А. Я., 1968б. Работы отряда 2 в Южной Туркмении.— АО 1967 г.
- Щегенко А. Я., 1970. Работы Артыкского отряда Каракумской экспедиции.— АО 1969 г.
- Энос о Гилгамеше, 1961 / Пер. с аккадского П. М. Дьяконова. М.; Л.
- Янушевич З. В., 1977. О находке ячменя на поселении Алтындапе.— КД, в. V.
- Biscione R., 1973. Dynamics of An Early South Asian Urbanisation: the First of Shahr-i Sokhta and its Connections with Southern Turkmenia.— In: South Asian Archaeology. London.
- Caldwell J. R., 1967. Investigations at Tal-i Iblis. Illinois.
- Casal J. M., 1961. Fouilles de Mundigak, v. I—II.— In: Memoires de la Délégation Archéologique Française on Afganistan, t. XVII. Paris.
- Casal J. M., 1969. La civilisations de l'Indus et ses énigmes. Paris.
- Chirshman R., 1939. Fouilles de Sialk, v. 1. Paris.
- Dales G. F., 1973. Archaeology and Radiocarbon Chronologies for Protohistoric South Asia.— In: South Asian Archaeology. London.
- Deshayes J., 1975. Tessons de ceramique peinte de Tappeh Hesar.— Proceedings of the III-rd Annual Symposium on Archaeological Research in Iran. Teheran.
- Dyson R., 1965. Problems in the Relative Chronology on Iran.— In: Chronologies in Old World Archaeology. Chicago; London.
- Lamberg-Karlovsky C. C., Tosi M., 1973. Shahr-i Sokhta and Tepe Yahya: Trackes of the Earliest History of the Iranian Plateau.— East and West, N 1—2. Roma.
- Mc. Cown D. E., 1942. Comparative Stratigraphy of Early Iran. Chicago.
- Mc. Cown D. E., 1954. The Relative Stratigraphy and Chronology of Iran.— In: Relative Chronologies in Old World Archaeology. Chicago.
- Maleki Y., 1968. Abstract Art and Animal Motifs among the Ceramists of the Region of Teheran.— Archaeologia viva, N 1. Paris.
- Masson V. M., 1961. The First Farmers in Turkmenis.— Antiquity, N 139. Cambridge.
- Masson V. M., 1972. Prehistoric Settlement Patterns in Soviet Central Asia.— In: Man, Settlement and Urbanism. London.

- Masson M. E., Masson V. M.*, 1957. Archaeological Cultures of Central Asia of the Aeneolithic and Bronze Age.— Cahires d'histoire mondiale. Neuchatel.
- Masson V. M., Sarianidi V. I.*, 1972. Central Asia: Turkmenia before Achaemenides. London.
- Mellaart J.*, 1967. Catal Hüyük: A Neolithic town in Anatolia. London.
- Mellaart J.*, 1975. The Neolithic of the Near East. London.
- Piggott S.*, 1946. The Chronology of Prehistoric North-West India.— Ancient India, N 1. London.
- Piggott S.*, 1952. Prehistoric India to 1000 B. C. London.
- Pumpelly R.*, 1908. Excavations in Turkestan.— In: Prehistoric Civilizations of Anau, v. I—II. Washington.
- Warner L.*, 1908. Stone Implements and Skeletons excavated in Anau.— In: *Pumpelly R.* Excavations in Turkestan, v. II. Washington.
- Schmidt H.*, 1908. Archaeological Excavations in Anau and Old Merv.— In: Prehistoric Civilizations of Anau, v. I. Washington.

Часть II

- Абибуллаев О. А.*, 1959а. Археологические раскопки в Кюльтепе. Баку. На азерб. яз.
- Абибуллаев О. А.*, 1959б. Раскопки холма Кюльтепе близ Нахичевани в 1955 г.— МИА, № 67.
- Абибуллаев О. А.*, 1963. Некоторые итоги изучения холма Кюльтепе в Азербайджане.— СА, № 3.
- Абибуллаев О. А.*, 1965а. К вопросу о древней металлургии Кавказа и Азербайджана.— МИА, № 125.
- Абибуллаев О. А.*, 1965б. Погребальные памятники на поселении Кюльтепе.— В кн.: Археологические исследования в Азербайджане. Баку.
- Абрамишвили Р. М.*, 1976. Археологические исследования на новостройках Большого Тбилиси.— В кн.: Археологические исследования на новостройках Грузинской ССР. Тбилиси.
- Абрамишвили Р. М., Окропиридзе Н. И., Небиеридзе Л. Д.* и др., 1978. Раскопки в Тбилиси.— АО 1977 г.
- Абрамишвили Р. М., Окропиридзе Н. И., Григолия Г. К.* и др., 1979. Раскопки в Тбилиси.— АО 1978 г.
- Антонова Е. А.*, 1977. Антропоморфная скульптура древних земледельцев Передней и Средней Азии. М.
- Аразова Р. Б.*, 1974. Каменные орудия эпохи энеолита Азербайджана. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Баку.
- Аразова Р. Б., Мамзудов Ф. Р., Нариманов И. Г.*, 1972. Энеолитическое поселение Гаргалартесеси.— АО 1971 г.
- Арешян Г. Е.*, 1972. Некоторые итоги работ Мохраблурской археологической экспедиции 1970—1971 гг.— В кн.: Тез. докл. на секциях, посвященных итогам полевых исследований 1972 г. (ИА АН СССР). М.
- Артемьев В. В., Бутомо С. В., Дрожжин В. М.* и др., 1961. Результаты определения абсолютного возраста ряда археологических и геологических образцов по радиоуглероду.— СА, № 2.
- Азундов Д. Н.*, 1973. Палеоархитектоническая основа генезиса древних жилищ и ритуальных сооружений.— Уч. зап. Аз. политехн. ин-та. Сер. X, № 1/18. Баку.
- Бадер Н. О.*, 1975. Раннеземледельческое поселение Телль Сотто: (по раскопкам 1971, 1973—1974 гг.).— СА, № 4.
- Барамидзе М. В., Пхакадзе Г. Г., Орджоникидзе А. З.*, 1978. Раскопки в сел. Атара.— АО 1977 г.
- Барамидзе М. В., Пхакадзе Г. Г.* и др., 1979. Археологические разведки в Абхазской АССР.— ПАИ 1976 г.
- Бендукидзе О. Г.*, 1979а. Об остатках диких позвоночных животных из Арухло I.— МАГК, в. VII.
- Бендукидзе О. Г.*, 1979б. О фауне позвоночных из Цопской энеолитической стоянки.— МАГК, в. VII.
- Бжания В. В.*, 1966а. Мачарское поселение эпохи энеолита и бронзы в Абхазии.— СА, № 1.
- Бжания В. В.*, 1966б. Древнейшая культура Абхазии (эпох энеолита и ранней бронзы). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Бжания В. В., Папаскири Л. А., Габелия О. Н.*, 1979. Раскопки Мачарского поселения и кургана в Псху.— АО 1978 г.
- Бибиков С. Н.*, 1953. Поселение Лука-Врублевская.— МИА, № 38.
- Бибиков С. Н.*, 1959. Некоторые вопросы заселения Восточной Европы в эпоху палеолита.— СА, № 4.
- Бурчуладзе А. А., Гедеванишвили А. О., Пагава С. П.* и др., 1975. Радиоуглеродное датирование образцов органического происхождения.— Сообщ. АН ГССР, в. 80, № 1. Тбилиси.
- Вавилов Н. И.*, 1957а. Мировые ресурсы зерновых культур и льна. М.; Л.
- Вавилов Н. И.*, 1957б. Опыт агроэкологического обзора важнейших полевых культур.— В кн.: Мировые ресурсы сортов хлебных злаков, зерновых, бобовых, льна и их использования в селекции, т. I. М.; Л.
- Варазашвили В. В.*, 1980. Материалы середины IV тыс. до н. э. из Иоро-Алазанского бассейна.— Тр. Кахетской экспедиции, в IV. Тбилиси.
- Гаджиев М. Г.*, 1966. Новые данные о южных связях Дагестана в IV—III тыс. до н. э.— КСИА, в. 108.
- Гаджиев М. Г.*, 1975. Энеолитическая культура Дагестана.— Пятое Крупновские чтения по археологии Кавказа: Тез. докл. Махачкала.
- Гаджиев М. Г.*, 1978а. Некоторые вопросы этнокультурного развития населения Северо-Восточного Кавказа в V—III тыс. до н. э.— Крупновские чтения: Тез. докл. Нальчик.
- Гаджиев М. Г.*, 1978б. К выделению северо-восточнокавказского очага каменной индустрии.— В кн.: Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане. Махачкала.
- Гаджиев М. Г.*, 1980а. Древнее земледелие и скотоводство в горном Дагестане.— В кн.: Северный Кавказ в древности и в средние века. М.
- Гаджиев М. Г.*, 1980б. Древнейшие поселения горного Дагестана.— В кн.: Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала.
- Глonti Л. И., Джавашишвили А. И., Кизурадзе Т. В.*, 1975. Антропоморфные фигурки Храмыс Дидигора.— ВГМГ, в. XXXI-V.
- Гогелия Д. Д.*, 1979. Особенности поселения Арухло I.— МАГК, в. VII.
- Гогичайшвили Л. К.*, 1979. К изучению голоценовых ландшафтов территории Квемо-Картли.— МАГК, в. VII.
- Горидзе А. Д.*, 1979. Живой реликт культурной пшеницы.— Изв. АН ГССР, в. 99. Тбилиси.
- Давудов О. М.*, 1973. Раскопки на Верхнелабкомажинском городище.— АО 1972 г.
- Джавашишвили А. И.*, 1973. Строительное дело и архитектура поселений Южного Кавказа V—III тыс. до н. э. Тбилиси.
- Джапаридзе О. М.*, 1976. К этнической истории грузинских племен по данным археологии. Тбилиси. На груз. яз. с рус. резюме.
- Джапаридзе О. М., Джавашишвили А. И.*, 1967. Результаты работ Квемо-Картлийской археологической экспедиции (1965—1969 гг.).— Мацне, 3/36. Тбилиси.
- Джапаридзе О. М., Джавашишвили А. И.*, 1971. Культура древнейшего земледельческого населения на территории Грузии. Тбилиси. На груз. яз. с рус. резюме.
- Иессен А. А.*, 1963. Кавказ и Древний Восток в IV—III тыс. до н. э.— КСИА, в. 93.
- Иессен А. А.*, 1965. Из исторического прошлого Мильско-Карабахской степи.— МИА, № 125.
- Кавтарадзе Г. Л.*, 1981. Хронология археологических культур Грузии эпохи энеолита и бронзы в свете новых данных. Тбилиси. На груз. яз. с рус. резюме.
- Кесаманлы Г. П., Гусейнова М. А., Джафаров И. В.* и др., 1976. Новые памятники в районе строительства Шамхорской ГЭС.— АО 1975 г.
- Кизурадзе Т. В.*, 1976. Периодизация раннеземледельческой культуры Восточного Закавказья. Тбилиси. На груз. яз. с рус. резюме.
- Киладзе Н. З.*, 1951. Памятник нового каменного века из Тетрамица.— В кн.: Материалы по истории Грузии и Кавказа, в. 29. Тбилиси.
- Колесников В. И.*, 1979. Какова роль рвов древнего поселения Арухло I? — МАГК, в. VII.
- Комаров В. Л.*, 1938. Происхождение культурных растений. М.; Л.
- Коробкова Г. Ф.*, 1978. Древнейшие жатвенные орудия и их производительность.— СА, № 4.
- Коробкова Г. Ф.*, 1979. Древнейшие землекопные орудия из Арухло I.— МАГК, в. VII.
- Коробкова Г. Ф., Кизурадзе Т. В.*, 1972. К вопросу о функциональной классификации каменных орудий из Шулаверсгора.— КСИА, в. 132.
- Коробкова Г. Ф., Эсакиа К. М.*, 1979. Обсидиановая индустрия Цопи.— МАГК, в. VII.
- Кричевский Е. Ю., Круглов А. П.*, 1941. Неолитическое поселение близ г. Нальчика.— МИА, № 3.